

Александр ДЮМА

ДВЕ ДИАНЫ
АСКАНИО
УЧИТЕЛЬ ФЕХТОВАНИЯ

ПОЛНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ В ОДНОМ ТОМЕ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2018

УДК 821.161.1
ББК 84.(Фра.)6-5
Д96

Серия основана в 2007 году

ALEXANDRE DUMAS

Lex Deux Diane
Ascanio

Mémoires d'un maître d'armes

Перевод с французского

А. Арго, А. Худадовой, Г. Еременко, О. Моисеенко

Дюма А.

Д96 Две Дианы; Асканио; Учитель фехтования/Пер. с фр. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 1034 с.: ил. — (Полное иллюстрированное издание в одном томе).

ISBN 978-5-9922-2684-3

В одном томе публикуются три знаменитых романа классика французской приключенческой литературы Александра Дюма — «Две Дианы», «Асканио» и «Учитель фехтования».

Издание проиллюстрировано 166 иллюстрациями известных французских художников — Г. Доре, Г. Жанэ, Ф. Регамея, В. Фулкье и других.

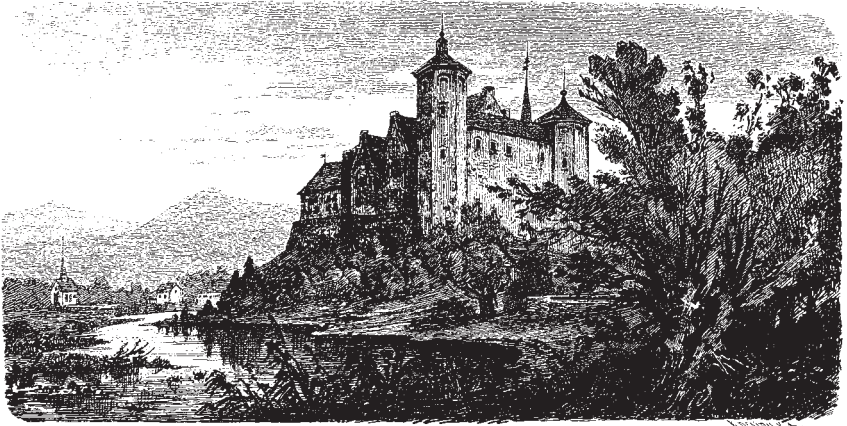
УДК 821.161.1
ББК 84.(Фра.)6-5

ISBN 978-5-9922-2684-3

© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ДВЕ ДИАНЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

ГРАФСКИЙ СЫН И КОРОЛЕВСКАЯ ДОЧЬ

Случилось это 5 мая 1551 года. Восемнадцатилетний юноша и женщина лет сорока вышли из скромного сельского домика и неторопливо зашагали по улице деревушки, именуемой Монтгомери.

Молодой человек являл собою великолепный нормандский тип: каштановые волосы, синие глаза, белые зубы, яркие губы. Свежесть и бархатистость его кожи придавали некоторую изнеженность, чуть ли не женственность, его красоте. Сложен он был, впрочем, на диво: крепок в меру и гибок, как тростник. Одежда его была проста, но изящна. На нем ловко сидел камзол темно-лилового сукна, расшитый шелком того же цвета; из такого же сукна и с такою же отделкой были его рейтузы; высокие черные сапоги, какие обычно носили пажы и оруженосцы, поднимались выше колен; бархатный берет, сдвинутый набок, оттенял его высокий лоб, на котором лежала не только печать спокойствия, но и душевной твердости.

Верховая лошадь, которую он вел за собою на поводу, вскидывала по временам голову и, раздувая ноздри, ржала.

Женщина по своему виду принадлежала если не к крестьянскому сословию, то, вероятно, к промежуточному слою между крестьянами и буржуа. Юноша несколько раз просил ее опереться на его руку, однако она всякий раз отказывалась, словно по своему положению считала себя недостойной такой чести.

Пока они шли по улице, ведшей к замку, который величаво вздымался над скромной деревушкой, нетрудно было заметить, что не только молодежь и взрослые, но и старики низко кланялись проходившему мимо них юноше. Каждый словно признавал в нем господина и повелителя. А ведь этот молодой человек, как мы сейчас увидим, сам не знал, что он такой.

Выйдя за околицу, они свернули на дорогу или, вернее, на тропинку, круто ведущую в гору. Идти по ней рядом было просто невозможно, а поэтому — впрочем, только после некоторых колебаний и настоячивых просьб молодого человека — женщина пошла впереди.

Юноша молча двинулся за ней. На его задумчивом лице лежала тень какой-то тяжелой заботы.

Красив и грозен был замок, куда направлялись эти два путника, столь различные по возрасту и положению. Потребовалось четыре века и десять поколений, чтобы вся эта каменная громада сама стала господствовать над горою. Как и все строения той эпохи, замок графов Монтомери отнюдь не представлял собой единого архитектурного ансамбля. Он переходил от отца к сыну, и каждый владелец, исходя из своих прихотей или потребностей, что-нибудь добавлял к этому исполинскому нагромождению камней. Квадратная башня, главная цитадель замка, сооружена была еще при герцогах Нормандских¹. Затем к суровой твердыне стали присоединяться башенки с изящными зубцами, с резными оконницами, и вся эта резьба по камню с годами плодилась и умножалась. Наконец, длинная галерея с готическими окнами, построенная в конце царствования Людовика XII и в начале правления Франциска I², завершила собою многовековое нагромождение.

Но вот путники наши подошли к главным воротам.

Странная вещь! Вот уже пятнадцать лет у этого великолепного замка не было владельца. Старый управляющий все еще взимал арендную плату, а слуги, уже постаревшие, все еще поддерживали порядок в замке, каждое утро отпирая ворота, словно в ожидании прихода хозяйина, и каждый вечер их запирая, словно хозяин отложил свое возвращение до утра.

Управляющий принял обоих посетителей с тем дружелюбием, с каким относились все к этой женщине, и с тем почтением, какое все, по-видимому, питало к этому юноше.

— Господин Элио, — обратилась к нему женщина, — не позволите ли вы нам войти в замок? Мне нужно кое-что сказать господину Габриэлю, — показала она на юношу, — а сказать ему это я могу только в парадном зале.

— Какие могут быть разговоры, госпожа Алоиза! Конечно, входите, — сказал Элио, — и где угодно скажите молодому господину все, что у вас на сердце.

¹ Нормандия была самостоятельным герцогством в X—XI веках.

² Людовик XII — король Франции (1498—1515); Франциск I — король Франции (1515—1547), отец Генриха II (1547—1559).

Они миновали караульную, прошли по галерее и вошли наконец в парадный зал.

Он был обставлен точно так же, как и в тот день, когда его покинул последний владелец. Но в этот зал, где некогда собиралась вся нормандская знать, уже пятнадцать лет никто не входил, кроме слуг.

Вот в него-то и вошел не без волнения Габриэль (читатель, надеюсь, не забыл, что так назвала женщина молодого человека). Однако впечатление, произведенное на него мрачными стенами, величественным балдахином, глубокими оконницами, не смогло отвлечь его мысли от основной цели, приведшей его сюда, и, едва только за ними затворилась дверь, он сказал:

— Ну, добрая моя кормилица, хотя ты, кажется, и взволнована сильнее меня, теперь отступать уже некуда: придется тебе рассказать то, о чем обещала. Говори без страха, а главное — не медли. Хватит колебаться, да и мне не след ждать. Когда я спрашивал тебя, какое имя вправе я носить, из какой семьи я вышел, кто мой отец, ты отвечала мне: «Габриэль, я скажу вам это все в день, когда вам исполнится восемнадцать лет. Тогда вы станете совершеннолетним и будете иметь право носить шпагу». И вот сегодня, пятого мая тысяча пятьдесят девять первого года, мне исполнилось восемнадцать лет и я потребовал от тебя соблюдения слова, но ты с ужасающей торжественностью ответила: «Не в скромном доме вдовы бедного конюшего должна я открыть вам глаза на то, кто вы такой, а в парадном зале замка графов Монтгомери!». И вот мы взобрались на гору, перешагнули порог замка родовитых графов и теперь находимся в парадном зале. Говори же!

— Садитесь, Габриэль. Вы ведь позволите мне еще раз назвать вас так?

Юноша в порыве глубокой признательности сжал ее руки.

— Не садитесь ни на этот стул, ни на это кресло, — продолжала она.

— Куда же мне сесть, кормилица? — удивился юноша.

— Под этот балдахин, — произнесла Алоиза с какой-то особой торжественностью. Юноша повиновался. Алоиза кивнула ему:

— Теперь выслушайте меня.

— Но и ты сядь, — попросил Габриэль.

— Вы позволяете?

— Ты что, издеваешься надо мной, кормилица?

Алоиза присела на ступенях у ног молодого человека, и он бросил на нее внимательный взгляд, полный благожелательности и любопытства.

— Габриэль, — начала кормилица, решившись наконец заговорить, — вам едва минуло шесть лет, когда вы потеряли отца. В тот же год я овдовела. Я выкормила вас: ваша мать умерла, произведя вас на свет, а я, ее молочная сестра, с того же дня полюбила вас, как родное дитя. Вдова посвятила свою жизнь сироте.

— Дорогая Алоиза, — воскликнул юноша, — клянусь тебе, не всякая мать сделала бы для своего ребенка то, что сделала ты для меня!

— Впрочем, — продолжала кормилица, — не я одна заботилась о вас. Господин Жаме де Круазик, досточтимый капеллан¹ этого замка, недавно почивший в бозе, старательно обучал вас грамоте и наукам, и никто, по его словам, не может вас упрекнуть по части чтения, письма и знакомства с историей прошлого... Ангерран Лориан, близкий друг моего покойного мужа, научил вас ездить верхом и владеть оружием, копьем и шпагой — словом, всем рыцарским искусствам, и уже два года назад в Алансоне на состязаниях по случаю коронации нашего государя Генриха Второго вы доказали, что хорошо восприняли уроки Агеррана. Я же, бедная невежда, могла только любить вас и учить страху Божьему. И ныне, восемнадцати лет от роду, вы — благочестивый христианин, ученый господин, мастер в ратном деле, и я надеюсь, что с помощью Божьей вы будете достойны ваших предков, монсеньор Габриэль де Лорж, граф де Монтгомери.

Габриэль порывисто вскочил:

— Я — граф де Монтгомери! — Затем горделиво улыбнулся: — Что ж, я так и думал, я почти догадывался об этом. Знаешь, Алоиза, этими своими детскими мечтами я как-то поделился с маленькой Дианой... Но почему ты сидишь у ног моих, Алоиза? Встань, обними меня, святая женщина. Неужели ты перестанешь теперь смотреть на меня как на свое дитя только потому, что я наследник рода Монтгомери? Наследник Монтгомери! — с невольной гордостью повторил он, обнимая свою кормилицу. — Наследник Монтгомери! Стало быть, я ношу одно из самых древних и самых громких имен Франции... Одною из армий Вильгельма Завоевателя командовал Роже Монтгомери; один из крестовых походов на свои средства совершил Гильом Монтгомери... Нас связывают родственные узы с королевскими домами Шотландии и Франции, и меня будут называть своим родичем знатнейшие лорды Лондона и знаменитейшие представители парижской знати! Наконец, мой родитель...

Тут юноша оборвал свою речь, словно наткнувшись на препятствие. Но тотчас же снова заговорил:

— Увы, несмотря на все это, Алоиза, я одинок в этом мире. Я, отпрыск стольких царственных предков, — бедный сирота, лишенный отца! А моя мать! Умерла и она! О, расскажи мне про них, чтобы я знал, какие они были! Начни с отца. Как погиб он? Расскажи мне об этом.

Алоиза ничего не ответила. Габриэль изумленно взглянул на нее.

— Я спрашиваю тебя, кормилица, как погиб мой отец? — повторил он.

— Монсеньор! Это знает, быть может, один лишь Господь Бог. Граф Жак де Монтгомери однажды ушел из своего особняка в Париже и не вернулся обратно. Друзья и родственники тщетно разыскивали его. Он исчез, монсеньор. Король Франциск Первый велел нарядить следствие, но оно ни к чему не привело. Если он пал жертвой какого-

¹ Капеллан — священник домашней церкви.

то предательства, то его враги были очень ловки или очень влиятельны. Отца у вас нет, монсеньор, а между тем в часовне вашего замка недостает гробницы Жака Монтгомери: ни живым, ни мертвым его нигде не нашли.

— Оттого что его не искал родной сын! — воскликнул Габриэль. — Ах, кормилица, отчего ты так долго молчала? Не потому ли, что на мне лежал долг отомстить за отца... или спасти его?

— Нет, но только потому, что я должна была спасти вас самого, монсеньор. Выслушайте меня. Знаете ли вы, каковы были последние слова моего мужа, славного Перро Травиньи, для которого ваш дом был святыней? «Жена, — сказал он мне за несколько мгновений до того, как испустил дух, — не жди моих похорон, закрой мне только глаза и сейчас же уезжай из Парижа с ребенком. Поселись в Монтгомери, но не в замке, а в доме, который нам пожалован монсеньором. Там ты воспитаешь наследника наших господ, не делая из этого тайны, но ничего и не разглашая! Наши земляки будут его любить и не предадут. Главное — скрыть его происхождение от него самого, иначе он покажется в свете и тем самым погубит себя. Пусть он знает только, что принадлежит к благородному сословию. Затем, когда он вырастет и станет осторожным, рассудительным, доблестным и честным человеком — словом, когда исполнится ему восемнадцать лет, назови ему имя его и род, Алоиза. Тогда он сам рассудит, что должен и что может сделать. Но до тех пор будь настороже: страшная вражда, неискоренимая ненависть преследовали бы его, если бы его обнаружили! Тот, кто настиг и сразил орла, не пощадит и его племени». Сказав так, он умер, монсеньор, а я, послушная его завету, взяла вас, бедного шестилетнего сиротку, лишь мельком видевшего своего родителя, и увезла сюда. Тут уже знали об исчезновении графа и подозревали, что страшные и безжалостные враги грозят каждому, кто носит его имя. Здешние жители увидели вас и, конечно, узнали, но по молчаливому согласию никто не расспрашивал меня, никто не удивлялся моему молчанию. Спустя некоторое время мой единственный сын, ваш молочный брат, умер от горячки. Господу, видно, угодно было, чтобы я принадлежала всецело вам. Все делали вид, будто верят, что остался в живых не вы, а мой сын. Но вы стали походить — и по облику и по характеру — на своего отца. В вас пробуждались задатки льва. Всем было ясно, что вам суждено быть властелином. Дань самыми лучшими фруктами, десятинная подать с урожая поступали в мой дом без всяких просьб. Лучшую лошадь из табуна всегда предоставляли вам. Господин Жаме, Ангерран и все слуги замка видели в вас своего законного властелина. Все в поведении вашем изобличало доблесть, размах, отвагу... И вот наконец вы, невредимый, вошли в тот возраст, когда мне позволено было довериться вашему здравому смыслу и благоразумию. Но вы, обычно такой сдержанный и осмотрительный, сразу заговорили об открытой мести!

— О мести — да, но не об открытой. Как ты думаешь, Алоиза, враги моего несчастного отца еще живы?

— Не знаю, монсеньор. Однако лучше рассчитывать на то, что живы. И если вы, допустим, явитесь ко двору под своим блистательным именем, но без друзей, без союзников и даже без личных заслуг, что же произойдет? Те, кому вы ненавистны, тут же заприметят ваше появление, а вы-то их не заметите. Они нанесут вам удар, а вы так и не узнаете, откуда он исходит, и не только останется не отомщенным ваш отец, но и вы погибнете, монсеньор.

— Поэтому-то я и жалею, Алоиза, что у меня нет времени приобрести друзей и чуточку славы. Эх, если бы я знал об этом два года назад! Но все равно! Это лишь отсрочка, и я возьму потерянное время. Теперь мне всего лишь понадобится шагать вдвое быстрее. Я поеду в Париж, Алоиза, и, не скрывая, что я Монтгомери, промолчу, что мой отец — граф Жак. Впрочем, я могу назваться виконтом д'Эксмесом, Алоиза, то есть не прятаться, но и не привлекать к себе внимания. Затем я обращусь к... К чьей бы помощи обратиться мне при дворе? Может, к коннетаблю¹ Монморанси, к этому жестокому богохульнику?

¹ Коннетабль — главнокомандующий королевской армией средневековой Франции.

Нет, и я понимаю, отчего ты нахмурилась, Алоиза... К маршалу де Сент-Андре? Он недостаточно молод и не очень-то предприимчив... Не лучше ли к Франциску де Гизу? Да, это лучше всего. При Монмеди, Сен-Дизье, в Болонье он уже показал, на что способен. К нему-то я и отправлюсь, под его начальством заслужу свои шпоры, под его знаменами завуюю себе имя.

— Позвольте мне, монсеньор, еще сказать вам, — заметила Алоиза, — что честный и верный Элио имел время отложить немалые деньги для наследника своих господ. Вы сможете жить по-королевски, монсеньор, а молодые ваши вассалы, которых вы обучали военному делу, обязаны и рады будут по-настоящему воевать под вашим началом. Вы имеете полное право призвать их к оружию, вы это знаете, монсеньор.

— И мы воспользуемся этим правом, Алоиза, мы им воспользуемся!

— Угодно ли будет монсеньору теперь же принять всех своих дворовых, слуг, вассалов, которые хотят поклониться вам?

— Повременим еще, моя добрая Алоиза. Лучше вели Мартен-Герру оседлать лошадь. Мне надо съездить кое-куда поблизости.

— Не в сторону ли Вимутье? — лукаво улыбнулась Алоиза.

— Может быть. Разве не должен я навестить и поблагодарить старого Ангеррана?

— И вместе с тем повидать маленькую Диану?

— Но ведь она моя женушка, — засмеялся Габриэль, — и я уже три года — иначе говоря, когда мне было пятнадцать, а ей девять лет — являюсь ее мужем.

Алоиза задумалась.

— Монсеньор, — проговорила она, — если бы я не знала, как возвышенны и глубоки ваши чувства, я воздержалась бы от совета, который осмелюсь вам дать сейчас. Но что для других игра, то для вас дело нешуточное. Не забывайте, монсеньор, что происхождение Дианы неизвестно. Однажды жена Ангеррана, в ту пору находившаяся с ним в Фонтенбло в свите своего господина, графа Вимутье, застала, вернувшись домой, младенца в колыбельке и увидела тяжелый кошель с золотом на столе. В кошеле найдены были, кроме золота, половинка резного кольца и листок бумаги с одним только словом: «Диана». Берта, жена Ангеррана, была бездетна и с радостью принялась ухаживать за малюткой. Но по возвращении в Вимутье она умерла, и как я, женщина, воспитала мальчика-сиротку, так и он, ее муж, воспитал девочку-сиротку. Одинаковые заботы легли на меня и на Ангеррана, и мы вместе справлялись с ними; я старалась научить Диану добру и благочестию, Ангерран же учил вас наукам и ловкости. Вполне понятно, что вы познакомились с Дианой и привязались к ней. Однако вы — граф де Монтгомери, а за Дианой никто еще не являлся со второй половинкой золотого кольца. Будьте осмотрительны, монсеньор. Я знаю, что Диана — всего лишь двенадцатилетний ребенок, но она вырастет и станет красавицей, а при таком нраве, как у вас, шутить ни с чем нельзя, повторяю. Берегитесь! Может, она так и проживет свой

век подкидышем, а вы слишком знатный вельможа, чтобы жениться на ней.

— Но я ведь собираюсь уехать, кормилица, покинуть и тебя и Диану, — задумчиво возразил Габриэль.

— Это верно. Простите старой своей Алоизе ее чрезмерные опасения и поезжайте навестить эту кроткую и милую девочку. Но помните, что здесь вас с нетерпением ждут.

— Обними меня еще раз, Алоиза. Называй меня всегда своим сыном, и благодарю тебя тысячу раз, дорогая моя кормилица.

— Будьте и вы тысячекрат благословенны, сын мой и господин!

Мартен-Герр уже поджидал Габриэля у ворот. Одно мгновение — и оба они вскочили на коней.

II

НОВОБРАЧНАЯ С КУКЛОЙ

Габриэль направился знакомыми тропами, чтобы поскорее добраться до места. И все же он замедлял иногда бег своего коня. Впрочем, аллюр благородного животного зависел, пожалуй, от хода мыслей его хозяина. В самом деле, самые разнообразные чувства — радость и печаль, восторг и уныние — сменяли друг друга в сердце юноши. Когда он чувствовал себя графом де Монтгомери, огонь загорался в его глазах, и он прищипывал скакуна, словно пьянея от бьющего ему в лицо обжигающего ветра. Затем он вдруг спохватывался: «Мой отец убит и не отомщен» — и отпускал поводья. Но тут же вспоминал, что он будет сражаться, что страшным и грозным станет его имя, что он воздаст по чести своим врагам, — и опять пускался вскачь, как бы уже летя навстречу славе. Однако стоило ему подумать, что для этого предстоит расстаться с маленькой Дианой, как он снова впадал в уныние и постепенно переходил с галопа на медленный шаг, будто пытаясь этим отсрочить мучительный миг разлуки. И все-таки он вернется, отыскав недругов своего отца и родителей Дианы! И Габриэль несся вперед так же стремительно, как и его надежды. Когда он приехал, радость окончательно восторжествовала над грустными мыслями.

За изгородью, окружавшей фруктовый сад старого Ангеррана, Габриэль увидел сквозь листву деревьев белое платье Дианы. Привязав лошадь к ивовому пню, он перескочил через изгородь и, сияя от радости, упал к ногам девочки.

Но Диана залилась слезами.

— Что случилось? — воскликнул Габриэль. — Что нас так жестоко огорчило? Не побранил ли нас Ангерран за то, что мы разорвали свое платье или не выучили молитвы? Не улетел ли наш снегирь? Говори, Диана! Верный твой рыцарь, готовый утешить тебя, стоит перед тобой!

— Увы, Габриэль, ты ошибаешься, тебе не быть больше моим рыцарем, — отозвалась Диана, — и потому-то я и плачу.

Габриэль подумал, что Ангерран назвал Диане его настоящее имя и поэтому она, наверно, хочет его испытать. И он ответил:

— Разве может что-нибудь заставить меня отказаться от того титула, который ты предоставила мне и который я ношу с такой радостью и гордостью? Погляди — я у твоих ног!

Но Диана, казалось, не понимала его слов и, заплакав еще сильнее, уткнулась прямо в грудь юноши.

— Габриэль! Габриэль! Нам нельзя будет отныне видеться.

— Кто же нам помешает? — весело спросил он.

Она подняла свою белокурую красивую головку и, взглянув на него синими, полными слез глазами, с важностью заявила:

— Долг! — и глубоко вздохнула.

На ее красивом лице застыла такая уморительная гримаска, что восхищенный Габриэль, все еще находившийся во власти своих мыслей, невольно рассмеялся и, обхватив ладонями чистый лоб ребенка, поцеловал его несколько раз. Но Диана поспешно отстранилась от него:

— Нет, мой друг, довольно таких бесед. О боже мой! Мы не можем теперь говорить, как прежде!

«Что за сказки наплел ей Ангерран?» — подумал Габриэль, ничего не понимая, и вслух прибавил:

— Так ты меня разлюбила, Диана?

— Разлюбить тебя! — воскликнула она. — Как ты можешь говорить такие вещи, Габриэль? Разве ты не друг моего детства, не мой брат на всю жизнь? Разве ты не был добр и нежен со мной? Кто носил меня на руках, когда я уставала? Кто помогал мне учить уроки? Ты, ты! Кто для меня придумывал множество игр? Кто собирал мне чудесные букеты на лугах? Кто находил гнезда щеглят в лесах? Все ты, все ты! Я никогда тебя не забуду! Но, несмотря на все это, увы, мы должны расстаться, и расстаться навеки.

— Да почему же? Не наказывают же тебя в самом деле за то, что ты нарочно выпустила пса Филакса на птичий двор?

— Нет, совсем по другой причине.

— Тогда скажи наконец, почему?

Она встала, безжизненно опустила руки и, низко наклонив голову, прошептала:

— Потому что я жена другого.

Габриэль уже не смеялся, и странное волнение сжало его сердце. Он тревожно спросил:

— Что это значит, Диана?

— Меня уже не Дианой зовут, — ответила она. — Меня зовут герцогиней де Кастро, так как имя моего мужа — Орацио Фарнезе, герцога де Кастро.

И двенадцатилетняя девочка невольно улыбнулась сквозь слезы, произнося «моего мужа». Ей была, конечно, лестна мысль: «я — герцогиня», но, взглянув на Габриэля, она снова ощутила всю силу своего горя.

Он стоял перед нею бледный, растерянный.

— Что это? Игра? Сон? — проронил он.

— Нет, бедный мой друг, это грустная действительность, — ответила она. — Разве не встретился ты по дороге с Ангерраном? Он отправился в Монтгомери полчаса назад.

— Я ехал окольными тропами. Но продолжай.

— Как мог ты, Габриэль, не приезжать сюда целых четыре дня! Так никогда не бывало, понимаешь, и отсюда все наше несчастье. Вчера утром я проснулась немного позже обычного, торопливо оделась, помолилась и собиралась сойти вниз, когда услышала шум у ворот дома. Оказалось, это подъехали в сопровождении конюших, пажей, оруженосцев блестящие всадники, а за кавалькадой следовала золоченая карета и вся ослепительно блестела. Пока я с любопытством разглядывала кортеж, дивясь, что он остановился перед нашим бедным домом, в дверь постучал Антуан и передал мне просьбу Ангеррана немедленно спуститься. Я испугалась, не знаю почему, но послушаться не осмелилась. Когда я вошла в залу, там уже толпились все эти пышно разодетые господа, которых я раньше видела из окна. Тогда я покраснела и от страха задрожала. Понимаешь, Габриэль?

— Понимаю, — с горечью ответил Габриэль. — Но рассказывай дальше. Эта история становится и в самом деле интересной.

— При моем появлении, — продолжала Диана, — один из самых роскошных вельмож подошел ко мне и, предложив мне руку в перчатке, подвел меня к другому дворянину, тоже богато одетому, и, поклонившись ему, сказал:

«Монсеньор герцог де Кастро, я имею честь представить вам вашу супругу. Сударыня, — обратился он ко мне, — перед вами господин Орацио Фарнезе, герцог де Кастро, ваш супруг».

Герцог с улыбкой поклонился мне. А я, вся в слезах, в полном замешательстве, кинулась в объятия к Ангеррану, которого заметила в углу.

«Ангерран, Ангерран! Этот принц — не супруг мой, у меня нет другого мужа, кроме Габриэля. Ангерран, умоляю, скажи это всем этим господам».

Тот, кто представил меня герцогу, нахмурился.

«Что за ребячество?» — строго спросил он Ангеррана.

«Пустое, монсеньор! Это и вправду ребячество», — побледнел Ангерран и, повернувшись в мою сторону, шепнул мне: «Вы в своем уме, Диана? Это что еще за бунт? Отказывать в повиновении родителям, которые вас нашли и возвращают к себе?».

«Где же мои родители? — крикнула я. — Я желаю сама поговорить с ними».

«Мы явились от их имени, сударыня, — ответил суровый вельможа. — Здесь я — их представитель. Если вы не верите мне, вот приказ за подписью короля Генриха Второго, нашего государя. Читайте».

Он показал мне пергамент с красной печатью, и я прочитала вверху страницы: «Мы, Божьей милостью, Генрих Второй», а внизу королевскую подпись: «Генрих». Я была ослеплена, ошеломлена, уничтожена.

Голова кружилась, мысли путались. Мои родители представились мне! Имя короля! А тебя не было со мною, Габриэль!

— Но мне сдается, что мое присутствие не так уж вам было необходимо.

— Ах! Будь ты здесь, Габриэль, я бы еще сопротивлялась. А без тебя... Когда тот важный дворянин произнес: «Ну, мы и то уж замешкались. Госпожа Левистон, я веряю вашему попечению герцогиню де Кастро, мы ждем вас, чтобы отправиться в часовню». Голос его прозвучал так резко и властно, что я позволила увести себя. Габриэль, прости меня, я была уничтожена, растеряна, в голове — ни единой мысли...

— Отчего же? Все это так понятно, — саркастически усмехнулся Габриэль.

— Меня увели в мою комнату, — продолжала Диана. — Там эта госпожа Левистон с помощью двух или трех женщин извлекла из большого сундука белое шелковое платье. Затем, как ни стыдно мне было, они меня раздели и снова одели. Я еле осмеливалась переступить ногами в этом роскошном наряде. Затем они подвесили мне жемчужные серьги, надели жемчужное ожерелье, и слезы мои катились по жемчугам. Наконец мы спустились вниз. Тот вельможа с грубым голосом опять предложил мне руку и повел меня к носилкам, украшенным золотом и атласом, в которых мне пришлось усесться на подушки. Герцог де Кастро ехал верхом подле дворец, и так мы медленно поднялись к часовне замка Вимутье. Священник уже стоял у алтаря. Я не знаю, какие слова произносились вокруг, какие слова мне подсказывали. Будто во сне, я почувствовала, как герцог надел мне кольцо на палец. Затем спустя двадцать минут, а может, двадцать лет, не знаю, свежий воздух пахнул мне в лицо. Мы вышли из часовни. Меня называли герцогиней. Я оказалась замужем. Понимаешь, Габриэль? Замужем!..

В ответ Габриэль только дико захохотал.

— Знаешь, Габриэль, — продолжала Диана, — я до того обезумела, что только дома пришла в себя и решила взглянуть впервые на мужа, которого мне только что навязали эти незнакомцы. До этой минуты я хоть и смотрела украдкой на него, но не видела. Ах, Габриэль, он совсем не так хорош, как ты! Во-первых, он среднего роста и менее изящен в богатой своей одежде, чем ты в простом камзоле. Во-вторых, он настолько груб и надменен, насколько ты учтив и любезен. Обменявшись несколькими словами с тем, который назвал себя представителем короля, герцог подошел ко мне и, взяв меня за руку, сказал с лукавой усмешкой:

«Герцогиня, простите меня, долг велит мне теперь же расстаться с вами. Вы, должно быть, знаете, что мы воюем с Испанией, и мой полк не может дольше обходиться без меня. Надеюсь, вскоре я свижусь с вами при дворе, куда вы отправитесь на этой же неделе. Я прошу вас принять от меня несколько подарков. До скорого свидания, герцогиня!»

Сказав это, он бесцеремонно поцеловал меня в лоб, и я даже укололась об его длинную бороду. А затем все эти господа и дамы с поклонами удалились и оставили меня наконец одну с Ангерраном. Он

понял не намного больше, чем я, во всем, что произошло. Ему дали прочесть пергамент, в котором, по-видимому, содержалось повеление короля обвенчать меня с герцогом де Кастро. Вот и все. Ну, а сверх того Ангерран сообщил мне еще одну грустную новость: эта самая госпожа Левистон, которая меня одевала и которая живет в Кане, придет за мною на этих днях и отвезет меня ко двору. Вот вся моя страшная и горестная история, Габриэль. Ах, забыла рассказать: вернувшись к себе, я увидела в большой коробке — угадай-ка что? Никогда не угадаешь! Великолепную куклу с полным бельевым набором и тремя платьями — белым шелковым, пунцовым атласным и зеленым парчовым, — все это для куклы! Я была обижена, Габриэль. Таковы подарки моего мужа! Он обходился со мной, как с маленькой девочкой!.. Кстати, кукле всего больше идет пунцовое платье. Башмачки ее тоже очаровательны, но это неприличный подарок, потому что не ребенок же я больше, в самом деле!

— Нет, вы ребенок, Диана, — ответил Габриэль. Его гнев незаметно уступил место печали. — Вы настоящий ребенок. Я не сержусь на вас: ведь вам всего лишь двенадцать лет. Сердиться на вас было бы просто несправедливо и глупо. Я вижу только, что совершил нелепую ошибку, привязавшись так пылко и глубоко к юному и легкомысленному существу... Однако повторяю: я на вас не в обиде. Но будь вы сильнее, найди вы в себе силу воли, чтоб воспротивиться несправедливому приказу, сумей вы добиться хотя бы небольшой отсрочки, Диана, мы были бы счастливы, потому что вновь обрели своих родителей, а они, по-видимому, знатного рода. Я тоже, Диана, собирался посвятить вас в большую тайну; лишь сегодня она открылась мне. Но теперь это излишне. Я опоздал... Я предвижу, что всю жизнь буду вспоминать вас, Диана, и что моя юношеская любовь будет всегда гореть в моем сердце. Вы же, Диана, в блеске двора, в шуме празднеств быстро потеряете из виду того, кто так любил вас в дни вашей безвестности.

— Никогда! — воскликнула Диана. — Послушай, Габриэль, теперь, когда ты здесь, когда ты можешь поддержать мое мужество и помочь мне, хочешь, я откажусь ехать с ними и не поддамся ни на какие просьбы, ни на какие уговоры, а навсегда останусь с тобой?

— Спасибо, дорогая Диана, но отныне перед богом и людьми ты принадлежишь другому. Мы должны покорствоваться своему долгу и своей судьбе. Каждый из нас пойдет своей дорогой: ты — ко двору и к его утехам, а я — в стан бойцов. Только бы дал мне Бог когда-нибудь свидеться с тобой!

— Да, Габриэль, мы свидимся, я буду тебя вечно любить! — воскликнула Диана, со слезами на глазах обнимая юношу.

Но в этот миг на смежной аллее показался Ангерран, а следом за ним госпожа Левистон.

— Вот она, сударыня, — сказал Ангерран, указывая на Диану. — А, это вы, Габриэль! — произнес он, заметив молодого графа. — Я пое-

хал в Монтгомери повидаться с вами, но встретил карету госпожи Левистон, и мне пришлось вернуться.

— Герцогиня, — обратилась к Диане госпожа Левистон, — король дал знать моему мужу, что ему не терпится увидеть вас и чтобы я ускорила наш отъезд. Мы отправимся в путь через час, если вам угодно.

Диана взглянула на Габриэля.

— Мужайтесь! — горячо шепнул он ей на ухо.

Диана, всхлипывая, быстро убежала к себе.

Через час, когда в карету уже вносили вещи, она вновь появилась в саду, одетая в дорожный костюм. У госпожи Левистон, следовавшей за нею, как тень, она попросила позволения в последний раз пройтись по саду, где провела в играх двенадцать таких беззаботных и таких счастливых лет. Габриэль и Ангерран пошли следом за нею. Диана остановилась перед кустом белых роз, посаженных ею и Габриэлем в прошлом году, сорвала две розы, одну приколотла к своему платью, другую протянула Габриэлю. Юноша почувствовал, как в этот миг в его руку скользнул конвертик. Он быстро спрятал его. Потом, распрощавшись с аллеями, рощами, цветами, Диана наконец подошла к карете и пожала руки слугам и поселянам, которые все знали и любили ее. Бедная девочка не могла выговорить ни слова, она только дружески кивала головой провожающим. Затем поцеловала Ангеррана и Габриэля, нимало не смущаясь присутствием госпожи Левистон. К ней даже вернулся голос, когда на последние слова ее друга: «Прощай!» — она возразила: «Нет, до свидания!»

Наконец она села в карету и, сделав гримаску, которая так шла к ее детскому лицу, спросила госпожу Левистон:

— А вы не забыли уложить наверх мою большую куклу?

Карета умчалась.

Габриэль открыл полученный от Дианы конвертик: там оказалась прядь ее красивых пепельных волос, которые он так любил целовать.

Месяц спустя Габриэль приехал в Париж и явился во дворец Гизов, где представился герцогу Франциску де Гизу¹ под именем виконта д'Эксмес.

III В ЛАГЕРЕ

— Да, господа, — говорил окружавшим его офицерам герцог де Гиз, входя в свою палатку, — да, сегодня вечером, двадцать четвертого апреля тысяча пятьсот пятьдесят седьмого года, вернувшись на неаполитанскую территорию и овладев Кампли, мы приступаем к осаде Чивителлы. Первого мая, взяв Чивителлу, мы раскинем лагерь перед Аквиллой. Десятого мая мы будем в Арпино, а двадцатого — в Капуе, где

¹ Франциск де Гиз, герцог Лотарингский (1519—1563) — французский полководец.

заночуем, подобно Ганнибалу. Первого июня, господа, я намерен дать вам возможность увидеть Неаполь, если будет угодно Господу Богу¹.

— И папе, брат мой, — заметил герцог Омальский. — Если я не ошибаюсь, его святейшество после всех посулов помочь нам своими солдатами до сих пор предоставляет нас самим себе, а наша армия едва ли настолько сильна, чтобы так углубляться в чужую страну.

— Павел Четвертый не может оставить нас без поддержки, — возразил Франциск, — он слишком заинтересован в успехе нашего оружия... Какая прекрасная ночь, господа! Прозрачна и светла... Господин маркиз д'Эльбеф, — продолжал он, — что слышно про обозы с провиантом и снарядами из Асколи, обещанные нам? Надеюсь, сюда то они наконец придут?

— Да, я слышал об этом разговоры еще в Риме, монсеньор, но с тех пор — увы!..

— Простая задержка, только и всего, — перебил его герцог де Гиз, — и, в конце концов, мы еще не совсем обнищали. Взятие Кампли несколько пополнило наши запасы, и, если бы я через час заглянул в шатер каждого из вас, уверен, я увидел бы хороший ужин на столе. Идите же лакомьтесь, господа, я не задерживаю вас. Завтра на рассвете я приглашу вас, и мы сообща обсудим, с какого боку надгрызть этот сладкий пирог, Чивителлу. А до тех пор вы свободны, господа. Хорошего вам аппетита и покойной ночи!

Герцог, смеясь, проводил офицеров до выхода из палатки, но, когда ковер за последним из них опустился и Франциск де Гиз остался один, его мужественное лицо сразу обмякло и приняло озабоченное выражение. Усевшись за стол и обхватив голову руками, он прошептал в тревоге:

— Неужели мне было бы лучше отказаться от всякого честолюбия, остаться всего лишь полководцем Генриха Второго и ограничиться возвращением Милана и освобождением Сиены? Вот я в этом Неаполитанском королевстве, на престол которого влекли мои мечты. Да, я здесь, но без союзников, почти без провианта, а все старшие офицеры армии, в первую очередь мой брат, — люди пассивные, ограниченные... И самое страшное — что они начинают поддаваться унынию...

В это мгновение герцог де Гиз услышал за спиною чьи-то шаги. Он быстро обернулся, разгневавшись на дерзкого нарушителя, но, увидев его, не только не прикрикнул, а протянул ему руку.

— Уж вы-то, дорогой мой Габриэль, никогда не поколеблетесь пойти вперед только потому, что слишком мало хлеба и слишком

¹ В 1494—1559 годах короли Франции вели войны с Испанией за обладание Италией (так называемые Итальянские войны). Во время войны Генриха II с германским императором и королем Испании Карлом V в 1552—1556 годах французы захватили Мец, Туль и Верден (ныне эти города находятся на северо-востоке Франции), и герцог де Гиз успешно оборонял Мец, в 1552 году осажденный Карлом V; главное сражение произошло при Ренти в 1554 году, но не принесло победы ни одной из сторон. В войне Генриха II с королем Испании Филиппом II в 1556—1559 годах военные действия начались в Италии. Герцог де Гиз действовал неудачно, и после вторжения испанских войск в Северную Францию его армия была отозвана из Италии.

много врагов, — сказал герцог. — Недаром вы последним вышли из Меца и первым вошли в Валенцу и в Кампли! Но с чем вы пришли? Есть новости?

— Да, монсенюр, прибыл гонец из Франции, — ответил Габриэль, — и привез письмо, как мне кажется, от вашего достопочтенного брата, монсенюра кардинала Лотарингского. Ввести его сюда?

— Нет, пусть он вам передаст все письма, а вы мне их, пожалуйста, принесите сами.

Габриэль, поклонившись, вышел и вскоре вернулся с письмом, на печати которого красовался герб Лотарингского дома.

Наш старый друг Габриэль почти не изменился за истекшие шесть лет. Только черты лица его стали тверже, решительнее. Было видно, что теперь он сам знает себе цену. В остальном же он остался прежним: все тот же чистый и спокойный лоб, тот же прямой и честный взгляд и, скажем заранее, то же юное, полное порывистой мечты сердце. Впрочем, и шел-то ему ведь только двадцать пятый год.

Герцогу де Гизу было тридцать семь лет. И хотя по природе своей был он великодушен и широк, душа его уже успела разочароваться во многом, чего еще не изведал Габриэль; от несбывшихся желаний, угасших страстей, бесплодных битв глаза у него впали, волосы на висках поредели. Он прекрасно видел рыцарский и верный характер Габриэля, и потому-то неодолимая симпатия невольно влекла опытного мужа к доверчивому молодому человеку.

Он принял письмо своего брата из рук Габриэля и, прежде чем распечатать его, сказал:

— Вот что, виконт д'Эксмес. Мой секретарь Эрве де Телэн, хорошо вам известный, пал под стенами Валенцы; мой брат герцог Омальский — всего лишь храбрый, но неспособный солдат; мне нужна правая рука, нужен помощник, которому бы я мог довериться, Габриэль. И вот с того дня, как вы явились ко мне в Париж — кажется, лет пять или шесть назад, — я имел возможность убедиться, что вы наделены незаурядным умом и, что еще лучше, преданным сердцем. И хотя вас никто мне не рекомендовал, вы все же полюбилились мне с первого взгляда. Я взял вас с собой оборонять Мец, и если этой обороне суждено стать одной из прекрасных страниц в моей биографии, то я не забываю, что исходу этого славного дела немало содействовали ваше неизменное присутствие духа и постоянно бодрствующий ум. Годом позже вы снова одержали со мной победу при Ренти, и если бы не этот осел Монморанси, правильно окрещенный... Впрочем, я собирался не ругать моего врага, а похвалить своего друга и славного соратника, виконта Габриэля д'Эксмеса. Я должен вам сказать, Габриэль, что при любых обстоятельствах, а особенно с тех пор, как мы в Италии, мне были крайне ценны ваша помощь, ваши советы и ваша дружба, и мне решительно не в чем вас упрекнуть, разве лишь в том, что вы слишком сдержанны, слишком таитесь от своего полководца. Есть, несомненно, в основе вашей жизни какое-то чувство, какая-то идея, которые вы скрываете от меня, Габриэль. Ну что ж, вы это мне когда-нибудь еще откроете. Су-

шественно лишь то, что у вас в жизни есть цель. И, видит Бог, есть в жизни цель и у меня. Если пожелаете, мы соединим наши судьбы, вы станете помогать мне, а я вам. Если вам для ваших предприятий понадобится влиятельный покровитель, обращайтесь ко мне. Согласны?

— О, монсеньор, — ответил Габриэль, — я ваш душой и телом! Моим первым желанием было получить возможность поверить в себя самого и внушить эту веру другим. И вот я проникся некоторым доверием к себе, и вы удостоили меня уважения... Итак, моя цель покамест достигнута. Возможно, в будущем у меня появится иная цель, и тогда, раз уж вы сообразовали предложить мне такой великолепный союз, я прибегну к вашей помощи... Вы же до тех пор можете быть уверены, что я ваш на жизнь и на смерть.

— В добрый час, Рег Вассо¹, как говорят эти пьянчуги кардиналы. Будь спокоен, Габриэль: Франциск Лотарингский, герцог де Гиз, в любом деле горячо поддержит тебя в твоей любви или в твоей ненависти. Ведь нами втайне движет либо то, либо другое из этих чувств, верно же?

— Но, возможно, и то и другое, монсеньор.

— Ах, вот как? Но если так переполнена душа, как не излить ее перед другом?

— Беда моя в том, монсеньор, что я почти знаю, кого люблю, и совсем не знаю, кого ненавижу.

— Правда? А вдруг у нас общие враги? Не замешался ли в их среду этот старый распутник Монморанси?

— Вполне возможно, монсеньор, и если мои подозрения основательны... Однако сейчас не обо мне идет речь, а о вас и о великих ваших замыслах. Чем могу я быть полезен вам, монсеньор?

— Прежде всего тем, что ты прочтешь мне письмо моего брата, кардинала Лотарингского.

Распечатав и развернув письмо, Габриэль взглянул на него и возвратил бумагу герцогу:

— Простите, монсеньор, письмо написано особым шифром, я не сумею его прочитать.

— Ах, вон оно что!.. Значит, письмо это особенное, к нему нужна решетка... Подождите, Габриэль.

Он отпер железный резной ларец, достал из него лист бумаги с расположенными в определенном порядке прорезями и, наложив его на письмо кардинала, сказал Габриэлю:

— Возьмите теперь и читайте!

Тот, казалось, колебался. Тогда Франциск взял его за руку, пожал и повторил, доверчиво глядя на молодого человека:

— Читайте же, мой друг.

Виконт д'Эксмес прочитал вслух:

— «Господин мой, высокочтимый и знаменитый брат (когда же смогу я называть вас коротко «государь»)...»

Габриэль опять приостановился, а герцог улыбнулся:

— Вы удивлены, Габриэль, но, надеюсь, ни в чем не заподозрили меня. Да сохранил Господь корону и жизнь государю нашему Генриху

¹ Слава богу (лат.).

Второму. Но трон французский — не единственный на свете. Раз уж случай привел нас к полной откровенности, то я не хочу ничего таить от вас и посвящаю вас, Габриэль, во все мои замыслы и мечты.

Герцог встал и принял расхаживать по шатру.

— Наш род, породнившийся со столькими королевскими домами, может, по-моему, притязать на самые высокие посты в государстве. Но притязать — это еще ничего не значит... Я же хочу добиться... Наша сестра — королева Шотландии; наша племянница Мария Стюарт помолвлена с дофином Франциском; наш внучатый племянник герцог Лотарингский — будущий зять короля... Итак, мы вправе притязать на Прованс и на Неаполь. Удовлетворимся временно Неаполем. Разве эта корона не больше к лицу французу, чем испанцу? Для чего я прибыл к Италию? Для того, чтобы взять ее. Мы в родстве с герцогом Феррарским, в свойстве с Караффа, племянниками папы. Павел Четвертый стар; мой брат кардинал Лотарингский наследует ему. Неаполитанский трон шатается, я взойду на него. Вот отчего, свидетель Бог, оставил я пойдти себя Сиену и Милан и сделал бросок к Абрुццо. Это была великолепная мечта, но очень боюсь, что она пока останется только мечтою. Вспомните, Габриэль, у меня не было и двенадцати тысяч солдат, когда я перешел Альпы. Но семь тысяч солдат обещал мне герцог Феррарский, а Павел Четвертый и Караффа похвально, что под их влиянием восстанет могущественная партия в Неаполитанском королевстве. Они сами обязались помочь мне людьми, деньгами, снабжением — и не прислали ни единой души, ни единого фургона, ни единого экю. Мои офицеры колеблются, мое войско ропщет. Но все равно, я дойду до конца! Только крайняя необходимость заставит меня покинуть эту землю обетованную, которую я попираю, и если я покину ее, то еще вернусь сюда, еще вернусь!

Герцог топнул ногою о землю, словно для того, чтобы вступить во владение ею. Его глаза сверкали. Он был великолепен.

— Монсеньор, — воскликнул Габриэль, — как я горжусь теперь тем, что смог принять участие в столь славных начинаниях!

— А сейчас, — улыбнулся герцог, — получив от меня двойной ключ к этому письму моего брата, вы сможете, полагаю, прочесть его и понять. Итак, я вас слушаю.

— *«Государь!..» На этом слове я остановился, — заметил Габриэль. — «Должен сообщить вам две дурные вести и одну хорошую. Хорошая состоит в том, что бракосочетание нашей племянницы Марии Стюарт с дофином окончательно назначено на двадцатое следующего месяца и будет торжественно отпраздновано в Париже. Первая дурная новость получена сегодня из Англии. Туда прибыл Филипп Второй Испанский и повседневно уговаривает супругу свою, королеву Марию Тюдор, которая слепо ему повинуется, объявить войну Франции. Никто не сомневается, что это ему удастся вопреки интересам и воле английского народа. Уже говорят об армии, якобы сосредоточенной на границе Нидерландов под командованием герцога Филибера-Эммануила Савойского. В этом слу-*

чае, дражайший брат мой, при том недостатке людей, какой мы тут испытываем, король Генрих Второй вынужден будет отозвать вас из Италии, и тогда планы наши относительно этой страны придется отложить... Но, в конце концов, поймите, Франциск, что лучше отсрочить на время, чем потерять навсегда. Опрометчивость и чрезмерный риск недопустимы. Сестра наша королева Шотландская будет напрасно грозить Англии разрывом; поверьте, что Мария Английская, безумно влюбленная в своего молодого супруга, не считается с такими угрозами, и действуйте сообразно с этим!»

— Телом Христовым клянусь, — перебил чтение герцог де Гиз, удавив с размаху по столу кулаком, — брат мой совершенно прав! Это хитрая лисица с отличным нюхом. Да, смиренница Мария несомненно даст себя увлечь законному супругу, и я, конечно, скорее откажусь от всех королевских тронов на свете, чем послушаюсь короля, когда он потребует от меня обратно солдат при таких трудных обстоятельствах. Итак, моя проклятая экспедиция натолкнулась на новое препятствие. Скажите откровенно, Габриэль, вы находите ее безнадежной?

— Я не хотел бы, монсеньор, чтобы вы отнесли меня к числу унывающих, но все же, если вы требуете от меня откровенности...

— Я понимаю вас, Габриэль, и разделяю ваше мнение. Предвижу, что те великие дела, о которых мы только что говорили, на этот раз не свершатся. Но клянусь, это лишь отложенная игра, и в каком бы месте ни нанесли удар Филиппу Второму, это будет и ударом по его Неаполю. Но продолжайте, Габриэль. Если не изменяет мне память, нам предстоит узнать еще одну дурную новость.

Габриэль стал читать:

— «Другая неприятность, которую я должен вам сообщить, касается только наших семейных интересов, но тем не менее она весьма значительна. У нас, однако, есть еще время ее предотвратить. Поэтому-то я и тороплюсь уведомить вас о ней. Вам следует знать, что со времени вашего отъезда господин коннетабль Монморанси, разумеется, все так же неприязненно и озлобленно относится к нам. Он, по своему обыкновению, не перестает ревновать государя к нам и оскорбительно высказывается по поводу милостей, оказываемых престолом нашему дому. Предстоящее венчание нашей дорогой племянницы Марии с дофином не может, конечно, привести его в доброе расположение духа. Равновесие между домами Гизов и Монморанси, поддержание которого король считает одной из задач своей политики, сильно нарушено этим браком в нашу пользу, и старый коннетабль громко требует противовеса. Такой противовес найден коннетаблем: им явился бы брак его сына Франциска с...»

Молодой граф не дочитал фразу. Голос у него пресекался, лицо побелело.

— Ну? Что с вами, Габриэль? — спросил герцог. — Как вы вдруг побледнели! Что случилось?

— Ничего, монсеньор, решительно ничего, легкая усталость, нечто вроде головокружения... Все уже прошло... С вашего разрешения, я продолжаю, монсеньор. На чем я остановился? Ах да, кардинал говорил, кажется, что существует средство... Нет, дальше... Вот, нашел:

«...явился бы брак его сына Франциска с герцогиней Дианой де Кастро, законенной дочерью короля и Дианы де Пуатье. Вы помните, брат мой, что Диана де Кастро на тринадцатом году жизни потеряла мужа, герцога Орацио Фарнезе, который через полгода после женитьбы был убит при осаде Эдена, и провела эти пять лет в парижском монастыре Святых Дев. Король, по просьбе коннетабля, призвал ее снова ко двору. Она — чудо красоты, брат мой. Эта удивительная женщина сразу же покорила сердца, и в первую очередь родительское. Король, еще раньше подаривший ей герцогство Шательро, только что сделал ее герцогиней Ангулемской. Не прошло двух недель, как она здесь, а ее влияние на короля уже ни для кого не секрет. Дело дошло до того, что герцогиня де Валантинуа, почему-то не пожелавшая официально считаться ее матерью, в настоящее время, кажется, взревновала короля к новой восходящей звезде. Коннетаблю, следовательно, было бы крайне выгодно ввести в дом столь влиятельную родственницу. А вы прекрасно знаете, что Диане де Пуатье трудно в чем-либо отказать этому старому волоките. Король, со своей стороны, не прочь умерить слишком сильное влияние, приобретенное нами. Таким образом, весьма вероятно, что этот проклятый брак будет заключен...»

— Вот опять голос вам изменяет, Габриэль, — остановил его герцог. — Отдохните, друг мой, и дайте мне самому дочитать письмо. Оно меня чрезвычайно заинтересовало. Ведь это и вправду дало бы коннетаблю опасное преимущество перед нами. Но, насколько я знаю, этот болван Франциск женат на одной из девиц де Фиен. Дайте-ка мне письмо, Габриэль.

— Право же, я себя прекрасно чувствую, — поспешил уверить его Габриэль, успевший прочесть несколько следующих строк, — и мне совсем не трудно дочитать письмо!.. До конца осталось совсем немного.

«...весьма вероятно, что этот проклятый брак будет заключен. Но есть одно обстоятельство, которое нам на руку. Молодой Монморанси состоит в негласном браке с девицей де Фиен. Предварительно необходим развод, невозможный без согласия папы. Франциск отправился в Рим, чтобы выхлопотать разрешение. Поэтому ваша задача, дражайший мой брат, опередить его и воспользоваться вашим влиянием на его святейшество, дабы добиться отклонения ходатайства о разводе, несмотря на то, что оно будет поддержано, предупреждаю вас, королем. Я же, со своей стороны, буду действовать со всею присущей мне энергией. В заключение молю Господа, дорогой мой брат, о даровании вам счастливой и долгой жизни.»

— Ну, ничего еще не потеряно, — заметил герцог де Гиз, когда Габриэль дочитал до конца письмо кардинала. — Отказывая мне в солдатах, папа может подарить мне, по крайней мере, буллу.

— Вы, стало быть, надеетесь, что его святейшество не даст развода Франциску де Монморанси с Жанной де Фиен и воспротивится будущему браку? — Голос у Габриэля дрогнул.

— Надеюсь. Но до чего же вы взволнованы, мой друг! Вы бесценный человек: как страстно вы входите в наши интересы!.. Я тоже — можете не сомневаться — весь к вашим услугам, Габриэль. И вот что: поговорим-ка немного о вас. Исход этой кампании мне совершенно ясен. Думаю, что вам вряд ли удастся прибавить в ней новые подвиги. А поэтому не начать ли мне теперь же возмещать вам свой долг, чтобы он не слишком меня тяготил, мой друг? В чем я могу вам помочь? Говорите же, будьте откровенны.

— О, монсеньор, вы слишком добры, — смутился Габриэль, — и я не знаю...

— Вот уже пять лет вы храбро сражаетесь в моей армии, — сказал герцог, — а ни разу не приняли от меня ни одного денье. У вас должна быть нужда в деньгах, черт возьми! Деньги надобны всем. Я вам предлагаю их не в дар и не в долг, а как возмещение ваших расходов. Бросьте со мною чиниться, и хотя, как вы знаете, мы весьма стеснены...

— Да, я знаю, монсеньор, что вашим великим замыслам недостает иной раз мелких сумм, а я столь мало нуждаюсь в деньгах, что сам собирался вам предложить несколько тысяч экю для нужд армии...

— В таком случае, я их принимаю, ибо они, признаться, не лишние. Но неужели для вас решительно ничего нельзя сделать, о вы, не ведающий желаний молодой человек? Не нужны ли вам титулы, например?

— Благодарствуйте, монсеньор, в них у меня тоже нет недостатка, и, как я уже вам сказал, цель моих устремлений — не внешний блеск, а только слава! И так как вы полагаете, что здесь я многого не добьюсь и едва ли еще смогу быть вам полезным, то я бы с превеликой радостью отвез королю в Париж, к свадьбе вашей августейшей племянницы, завоеванные вами в Ломбардии и в Абрुццо знамена. И вы бы меня совершенно осчастливили, если бы соблаговолили засвидетельствовать перед всем двором в сопроводительном письме на имя государя, что некоторые из этих знамен были захвачены лично мною, при том не без риска!..

— Что ж, это сделать нетрудно и вдобавок это будет справедливо, — сказал герцог де Гиз. — Мне, правда, жаль расстаться с вами, но, если во Фландрии вспыхнет война, разлука наша будет непродолжительна. Ведь ваше место там, где сражаются! Когда же вы хотите ехать, Габриэль, чтобы вовремя доставить королю эти свадебные подарки?

— Чем раньше, тем лучше, монсеньор, если свадьба назначена на двадцатое мая.

— Это верно. Так поезжайте завтра, Габриэль, вам и то придется спешить. Идите спать, мой друг, а я тем временем напишу для вас рекомендательное письмо королю и ответ брату, который вы ему передадите, на словах же скажите, что я надеюсь уладить дело с папой.

— Возможно, монсеньор, — сказал Габриэль, — что мое присутствие в Париже будет способствовать желательному для вас исходу этого дела. Таким образом, и отъезд мой послужит вам на пользу.

— Вечная тайнственность, виконт д'Эксмес! Но с вами к ней привыкаешь. Прощайте! Желая вам спокойно провести последнюю ночь в моем лагере.

— Завтра утром я приду за письмами и вашим напутствием, монсеньор. Я оставляю у вас моих людей. Разрешите мне только взять с собой двоих из них, а также моего оруженосца Мартен-Герра — такого провожатого мне достаточно. Он предан мне и храбр, на всем белом свете он боится только двух вещей: своей жены и своей тени.

— Как так? — рассмеялся герцог.

— Монсеньор, Мартен-Герр сбежал из дому — дом его близ Риэ, в Артиге, — спасаясь от своей жены. Он ее обожал, но она его частенько поколачивала. Еще до обороны Меца он поступил ко мне на службу. Но его жена или сам дьявол время от времени является ему под видом двойника и начинает его мучить. Да, вдруг он видит рядом с собой другого Мартен-Герра, свой собственный образ, похожий на него как две капли воды, и это приводит его в ужас. А вообще говоря, пули для него ничего не значат и он мог бы один пойти на штурм редута и захватить его. Он дважды спас мне жизнь.

— Возьмите же с собой этого доблестного трусишку, Габриэль. Завтра на рассвете будьте готовы.

Ранним утром Габриэль был уже на ногах: он провел в мечтах бессонную ночь; явился за последними наставлениями к герцогу де Гизу и 26 апреля в шесть часов утра отбыл в Рим, а оттуда в Париж в сопровождении Мартен-Герра и двух слуг.

IV

ФАВОРИТКА КОРОЛЯ

20 мая. Париж. Лувр. Комната ее светлости, вдовы великого сенешала де Брезе, герцогини де Валантинуа, называемой обычно Дианой де Пуатье. На дворцовых часах пробило девять. Госпожа Диана, вся в белом, кокетливо прилегла на покрытый черным бархатом диван. Рядом с ней на стуле сидел король Генрих II.

Комната Дианы де Пуатье блистала несказанной роскошью. Живопись на полотнах Приматиччо¹ изображала различные охотничьи эпизоды, главной героиней которых была, разумеется, Диана, богиня охоты и лесов. На золоченых расписанных медальонах и панно повсюду виднелись соединенные гербы Франциска I и Генриха II. Бесконечные и разнообразные эмблемы Дианы — Луны, множество девизов, по большей части начертанных по-латыни, делали честь изоб-

¹ Приматиччо (1504—1570) — итальянский художник, работавший при дворе французских королей.

ретательности декораторов. А что стояли восхитительные арабески, обрамлявшие эмблемы и девизы, или изящные предметы мебелировки!

Диана была одета в белый пеньюар из необычно тонкой и прозрачной ткани. Воспроизвести же ее удивительную красоту и совершенство форм было бы не под силу даже самому Жану Гужону¹. Что касается возраста, то его у нее не было. В этом отношении, как и во многих других, она была подобна бессмертным богиням. Рядом с нею казались морщинистыми и старыми самые свежие и юные красавицы.

Она была достойна любви двух королей, которых одного за другим обворожила. «Воля женщины — божья воля», — говорит французская поговорка, и Диана была в течение двадцати двух лет единственной возлюбленной Генриха II.

Генрих был смугл, черноволос, чернобород и обладал, по словам современников, обаятельной внешностью. Наряд его был на редкость богат: атласный зеленый кафтан с белыми прорезями, отделанный золотыми вышивками; берет с белым пером, блиставший жемчугом и алмазами; двойная золотая цепь с подвешенным к ней медальоном ордена святого Михаила; шпага работы Бенвенуто²; белый воротник из венецианского кружева и, наконец, бархатный, усеянный золотыми лилиями плащ, изящно ниспадавший с его плеч.

Но, рассматривая короля и его фаворитку, не пора ли нам их послушать?

Генрих, держа пергамент в руке, читал вслух любовные стихи, чередуя чтение с мимическими паузами:

Ротик милый, ротик малый,
Как шиповник светло-алый,
Расцветающий в бору
Поутру.

Ты душистый, ты цветущий,
Как малина в темной куще,
И нежнее во сто крат,
Чем прозрачные росинки,
Что, повиснув на кувшинке,
Нас прохладой дарят...

— Как же зовут любезного поэта? — спросил Генрих, окончив чтение.

— Его зовут Реми Белло³, государь, и он, если не ошибаюсь, обещает стать соперником Ронсара⁴. Ну что ж, оцениваете ли вы, как и я, этот любовный сонет в пятьсот экю?

— Твой подопечный получит их, моя прекрасная Диана.

¹ Жан Гужон — знаменитый французский скульптор и архитектор XVI века, прозванный «французским Фидием» (по имени великого скульптора Древней Греции).

² Бенвенуто Челлини (1500—1571) — прославленный итальянский скульптор и ювелир; одно время работал при дворе Франциска I.

³ Реми Белло (1528—1577) — французский поэт.

⁴ Пьер де Ронсар (1524—1585) — крупнейший французский поэт XVI века.

— Но и старых певцов нельзя забывать. Я обещала, государь, от вашего имени пенсию Ронсару, королю поэтов. Подписали ли вы о ней указ? Ну разумеется. В таком случае, у меня еще только одна просьба к вам: отдайте вакантный пост рекульского аббата своему библиотекарю, Меллену де Сен-Желе¹, нашему французскому Овидию.

— Овидий будет аббатом, очаровательный мой меценат.

— Ах, как вы счастливы, государь, что можете по своему усмотрению располагать столькими должностями и бенефициями! Если бы мне только на час вашу власть!

— Разве она не всегда в твоих руках, неблагодарная?

— Вот как, государь?.. Вы сказали, что ваша власть всегда в моем распоряжении? Не искушайте меня, государь. Предупреждаю вас, что я воспользовалась бы ею для уплаты большого долга Филиберу Делорму. Он ссылается на то, что мой замок в Анэ закончен. Это будет славнейший памятник вашего царствования, государь!

— Что ж, Диана, возьми для своего Филибера Делорма те деньги, что будут получены от продажи должности пиккардийского губернатора.

— Эта должность, кажется, стоит двести тысяч ливров? О, тогда я смогу еще купить жемчужное ожерелье, которое мне предлагали. Его мне очень бы хотелось надеть сегодня на свадьбе вашего возлюбленного сына Франциска. Сто тысяч Филиберу, сто тысяч за ожерелье — вот и ушло пиккардийское губернаторство!

— Тем более, что ты ровно вдвое преувеличила его стоимость.

— Как! Оно стоит всего лишь сто тысяч ливров? Ну что ж, решение очень простое — я отказываюсь от ожерелья.

— Полно, — засмеялся король, — у нас есть где-то три или четыре свободные концессии, которыми можно будет оплатить это ожерелье, Диана.

— О, государь, нет щедрее короля, чем вы, и нет человека, которого бы я сильнее любила!

— Да? Ты и вправду любишь меня не меньше, чем я тебя, Диана?

— Вы сомневаетесь?

— Сомневаюсь потому, что боготворю тебя! Как ты хороша, Диана! Как я люблю тебя! Часами... нет, годами мог бы я так любоваться тобой, забыв о Франции, обо всем на свете.

— Даже о торжестве бракосочетания монсеньора дофина? — спросила, рассмеявшись, Диана. — А между тем оно состоится сегодня, через два часа. Сейчас пробьет десять.

— Десять! — воскликнул Генрих. — А у меня назначено свидание на этот час!

— Свидание, государь? Уж не с дамой ли?

— С дамой.

¹ Меллен де Сен-Желе — французский поэт, впервые во Франции стал писать сонеты; Диана называет его «французским Овидием» — по имени великого древнеримского поэта.

— И, должно быть, красивой?

— Да, Диана, очень красивой.

— Значит, не с королевой?

— Какая ты злая! Екатерина Медичи красива на свой лад, красива строгой, холодной, но подлинной красотой. Однако я ожидаю не ее. Ты не догадываешься, кого?

— Нет, государь.

— Другую Диану, живое воспоминание о весне нашей любви, нашу дочь, нашу дорогую дочурку.

— Вы во всеуслышание и слишком часто твердите об этом, государь, — нахмурившись, потупилась Диана. — Между тем условлено было, что герцогиня де Кастро будет считаться дочерью другой особы.

— Так оно и будет, — уверил Диану король, — но ведь ты обожаешь нашу дочь, разве не так?

— Я обожаю ее за то, что вы ее любите.

— О да, очень люблю... Она так обаятельна, так умна и добра. А кроме того, она мне напоминает мои молодые годы, то время, когда я полюбил тебя... Не больше, конечно, чем ныне, но все же... до преступления... — Король внезапно впал в мрачную задумчивость. Затем поднял голову. — Этот Монтгомери! Ведь не любили же вы его, Диана? Вы не любили его?

— Что за вопрос! — презрительно усмехнулась фаворитка. — Двадцать лет спустя все та же ревность!

— Да, я ревновал, ревную и буду ревновать всегда тебя, Диана. Ну да, ты не любила его. Но он-то любил тебя, несчастный.

— О боже, государь, вы всегда прислушивались к наветам, которыми меня осыпают протестанты! Это не подобает католическому королю. Во всяком случае, если даже я и дорога была этому человеку, мое сердце ни на миг не переставало принадлежать вам, а граф Монтгомери давно мертв.

— Да, мертв, — глухо произнес король.

— Не будем же омрачать такими воспоминаниями день, который должен стать светлым праздником, — продолжала Диана. — Вы видели Франциска и Марию? Они все еще влюблены друг в друга, эти дети? Наконец-то их терпение будет удовлетворено. Через два часа они, радостные и счастливые, будут принадлежать друг другу.

— Да, — согласился король, — и если кто в ярости, так это мой старый Монморанси. Впрочем, и ярость коннетабля тем более обоснованна, что наша Диана, боюсь, не достанется его сыну.

— Но ведь этот брак вы сами ему обещали как возмещение?

— Обещал, но госпоже де Кастро, кажется, это не по душе...

— Что может быть не по душе ребенку, восемнадцатилетней девушке, только что вышедшей из стен монастыря?

— Именно для того, чтобы объяснить мне это, она и поджидает меня сейчас.

— Так идите же к ней, государь. А я пока переоденусь...

— После венчания мы свидимся на карусели. Я еще преломлю сегодня копьё в вашу честь. Я хочу, чтобы вы были королевой турнира.

— Королевой? А другая?

— Есть только одна, и ты это знаешь, Диана. До свидания.

— До свидания, государь, и ради бога, не будьте безрассудно смелы на турнире. Вы иногда пугаете меня!

— Игры эти не опасны... До свидания, дорогая Диана, — распрыскался король и вышел.

В ту же минуту в противоположной стене отворилась прикрытая ковром дверца.

— Ну и наболтались же вы сегодня, гром и молния! — прорычал коннетабль Монморанси, входя в комнату.

— Друг мой, — ответила, поднявшись, Диана, — вы видели, что еще и десяти не было, еще не наступил час, который я вам назначила, а я уже делала все, чтобы удалить его. Я томила не меньше вашего, поверьте...

— Не меньше моего! Ну нет, смерть и ад! И если вы, моя милая, воображаете, будто ваша беседа была весьма поучительна и забавна... Впрочем, что это за новость? Отказать моему сыну Франциску в руке вашей дочери Дианы после того, как этот союз был мне торжественно обещан! Клянусь терновым венцом, можно подумать, что эта внебрачная дочь оказала бы великую честь дому Монморанси, соблаговоллив с ним породниться! Их брак должен состояться! Слышите, Диана? Об этом позаботитесь вы! Ведь это единственное средство, позволяющее восстановить равновесие сил между нами и Гизами, дьявол их задави! А поэтому, Диана, наперекор королю, наперекор папе я желаю, чтобы это было так!

— Но, друг мой...

— Говорю же вам, — крикнул коннетабль, — что я этого желаю, как бог свят!

— Так оно и будет, мой друг, — поспешила уверить его перепуганная Диана.

V

В ПОКОЯХ КОРОЛЕВСКИХ ДЕТЕЙ

Вернувшись к себе, король не застал своей дочери. Дежурный камер-лакей доложил, что герцогиня Диана, не дождавшись его величества, проследовала в покои королевских детей и попросила дать знать, как только государь вернется.

— Хорошо, — сказал Генрих, — я сам навещу ее. Не надо меня провожать, я пойду один.

Он пересек большую залу, пошел длинным коридором; затем, открыв тихо дверь, остановился и чуть отодвинул портьеру. Детский

смех и выкрики заглушили шум его шагов, и он, будучи незамечен, мог полюбоваться необыкновенно живописной картиной.

Обаятельная и юная невеста Мария Стюарт стояла у окна. Рядом с ней — Диана де Кастро, принцесса Елизавета и принцесса Маргарита. Все трое, тараторя без умолку, то поправляли складку на ее костюме, то завивали локон в прическе — словом, придавали туалету невесты ту законченность, какую умеют ему придавать только женщины. В другом конце комнаты братья Карл, Генрих и самый младший, Франциск, с воплями и хохотом изо всех сил налегали на дверь, которую тщетно пытался распахнуть дофин Франциск, молодой жених; шалуны хотели во что бы то ни стало помешать ему увидеть невесту. Жак Амио, наставник принцев, чинно беседовал в углу с гувернантками принцесс — с госпожою де Кони и леди Ленокс.

Таким образом, здесь, в королевских апартаментах, можно было увидеть всех тех людей, которым суждено будет сыграть свою роль в истории Франции ближайших десятилетий, полных бедствий, страстей и славы: дофина — будущего Франциска II; Елизавету — будущую супругу Филиппа II и королеву Испанскую; Карла — впоследствии Карла IX; Генриха — впоследствии Генриха III; Маргариту Валуа, которой предстояло стать королевой и супругой Генриха IV; Франциска — будущего герцога Алансонского, Анжуйского и Брабантского и Марию Стюарт, которую ждали две королевские короны и под занавес — мученический венец¹.

Знаменитый переводчик Плутарха наблюдал печальным и в то же время проникновенным взором за играми этих детей, точно всматривался в грядущие судьбы Франции.

— Нет, нет, Франциск не войдет, — неистово, дико кричал Карл-Максимилиан, в недалеком будущем — главный виновник Варфоломеевской ночи².

И ему с помощью братьев удалось задвинуть засов и начисто лишить возможности дофина войти в комнату, а тот, настолько тщедушный, что ему не под силу было справиться даже с тремя детьми, только топал ногами да хныкал за дверью.

— Бедный Франциск! Как они его мучают! — заметила Мария Стюарт.

— Не шевелитесь, госпожа дофина, иначе я не справлюсь с этой булавкой, — засмеялась маленькая лукавая Маргарита.

— Вот сделаем это, — сказала неженка Елизавета, — и я впущу беднягу Франциска наперекор этим бесенятам. Не могу смотреть на его мучения!

— Да, ты понимаешь меня, Елизавета, — вздохнула Мария Стюарт.

¹ М а р и я С т ю а р т — королева Франции в 1559—1560 годах и королева Шотландии в 1560—1568 годах. Казнена английской королевой Елизаветой I в 1587 году.

² К а р л I X — король Франции в 1560—1574 годах. В его правление в ночь на 24 августа 1572 года (праздник св. Варфоломея) королевой Екатериной Медичи (матерью Карла IX) и герцогами Гизами была организована массовая резня гугенотов католиками. Только в Париже было убито две тысячи человек.

Ничто не могло быть восхитительнее этих четырех красавиц, столь разных между собою и столь совершенных: Диана — олицетворенная чистота и кротость; Елизавета — величавость и нежность; Мария Стюарт — чарующая томность; Маргарита — сама ветреность. Тронутый и восхищенный, король глядел и не мог наглядеться на это волнуемое зрелище.

Наконец он решился переступить порог.

— Король! — закричали дети в один голос и подбежали к отцу.

Только Мария Стюарт немного отстала от других, незаметно отодвинула засов, и дофин стремительно ворвался в комнату. Теперь младшее поколение семьи было в полном сборе.

— Здравствуйте, дети, — приветствовал их король, — очень рад, что вы все здоровы и веселы. Бедный мой Франциск, оказывается, тебя не хотели впускать! Ну ничего, скоро сможешь видеться со своей маленькой женою сколько угодно и когда угодно. Так вы, дети, крепко любите друг друга?

— О да, государь, я люблю Марию! — страстно выпалил дофин и поцеловал руку будущей своей жене.

— Монсеньор, — строго заметила леди Ленокс, — дамам не целуют рук на глазах у всех, особенно в присутствии его величества. Что подумает государь о госпоже Марии и об ее воспитательнице?

— Но ведь эта рука моя, — ответил дофин.

— Еще не ваша, монсеньор, — возразила гувернантка, — и я намерена исполнить свой долг до конца.

— Успокойся, — шепнула Мария жениху, уже начинавшему сердиться, — когда она отвернется, я опять протяну тебе руку.

Король посмеивался про себя.

— Вы очень строги, миледи... Впрочем, вы правы, — тут же спохватился он. — А вы, месье Амио, довольны ли своими учениками? Слушайте, господа, своего ученого наставника, он состоит в близких отношениях с великими мужами древности... Ну, дети, мне хотелось повидать вас до торжества, и я рад, что это мне удалось. Теперь, Диана, я весь к вашим услугам. Пойдем, дитя мое.

Диана низко поклонилась отцу и последовала за ним.

VI

ДИАНА ДЕ КАСТРО

Диане де Кастро, которую мы видели девочкой, было теперь около восемнадцати лет. Природа сдержала все свои обещания, придав ее красоте строгую и обаятельную законченность форм. В изящных, благородных чертах ее лица сквозила первозданная чистота. По характеру и уму она осталась все тем же ребенком, каким мы ее знали. Ей еще не исполнилось и тринадцати лет, когда герцог де Кастро, которого она в день венчания видела в первый и последний раз, был убит при осаде

Эдена. На время траура король поместил юную вдову в парижский монастырь Святых Дев, и там она обрела столько тепла и участия, ей так полюбился этот образ жизни, что она попросила отца позволить ей хоть на время остаться в обществе добрых монахинь и своих подруг. Нельзя было не исполнить столь благочестивого желания, и Генрих вызвал Диану из монастыря только месяц назад, когда коннетабль Монморанси, опасаясь растущего влияния Гизов на дела государства, испросил для своего сына руку дочери короля и его фаворитки.

В течение месяца, проведенного при дворе, Диана быстро снискала всеобщий почет и поклонение, «ибо, — говорит Брантом¹ в «Книге о знаменитых женщинах», — она была очень добра и никому не делала зла, имея великое, возвышенное сердце и весьма благородную, чуткую и добродетельную душу». В ней не было никакой злобности, никакой резкости. Так, однажды, когда кто-то сказал в ее присутствии, что французская принцесса крови должна быть отважна и что робость ее слишком отдает монастырем, она в несколько дней научилась верховой езде и не уступала ни одному наезднику в смелости и изяществе. С той поры она стала ездить с королем на охоту, и Генрих все больше и больше поддавал под обаяние милой девушки, без всякой задней мысли старавшейся угождать ему и предупреждать его малейшие желания. Диане было разрешено навещать отца в любое время, и он всегда бывал ей рад.

— Итак, я слушаю вас, девочка моя, — сказал Генрих. — Вот бьет одиннадцать. Венчание в Сен-Жермен д'Оксерруа назначено только на двенадцать. Могу вам, стало быть, уделить целых полчаса, и как жаль, что не более! Минуты, которые я провожу подле вас, — лучшие в моей жизни.

— О государь, вы такой снисходительный отец!

— Нет, я просто очень вас люблю, дитя мое, и от всего сердца хотел бы сделать для вас что-нибудь приятное. И чтобы доказать это, Диана, я уведомляю вас прежде всего о двух ваших просьбах. Добрая сестра Моника, так любившая и оберегавшая вас в монастыре Святых Дев, только что назначена настоятельницей монастыря в Сен-Кантене.

— Ах, как я вам благодарна, государь!

— Что до славного Антуана, любимого вашего слуги в Вимутье, то ему назначена хорошая пожизненная пенсия из нашей казны. Очень жалею, Диана, что нет больше в живых сьера Ангеррана. Нам бы хотелось по-королевски засвидетельствовать нашу признательность этому достойному человеку, столь хорошо воспитавшему нашу дорогую дочь Диану. Но вы потеряли его, кажется, в прошлом году, и он даже не оставил наследников.

— Государь, право, вы слишком великодушны и добры!

¹ Пьер Брантом (1535—1614) — участник войн с гугенотами. В своих книгах «Жизнь знаменитых людей и великих полководцев» и «Жизнь знаменитых женщин», описывая придворные интриги, войны, жизнь вельмож, сообщил много интересных сведений о современниках.

— Кроме того, Диана, вот грамоты, наделяющие вас титулом герцогини Ангулемской. Но все это не составляет и четвертой доли того, что я желал бы сделать для вас. Я ведь замечаю, что вы иной раз печальны и задумчивы. Об этом-то я и хочу с вами побеседовать, хочу вас утешить или унять вашу боль. Скажи мне, деточка, неужели ты не чувствуешь себя счастливой?

— Ах, государь, разве могла бы я чувствовать себя иначе при такой вашей любви, при таких благодеяниях? Одного я только желаю: чтобы настоящее, столь полное радостей, длилось без конца.

— Диана, — серьезно сказал Генрих, — вы знаете, что я взял вас из монастыря, чтобы выдать замуж за Франциска Монморанси. Это прекрасная партия, Диана, и к тому же, не скрою, выгодная для интересов моего престола, а между тем она вам как будто не по душе. Вы мне должны, по крайней мере, объяснить причины вашего отказа. Он огорчает меня.

— Я их не скрою от вас, отец. Прежде всего, — смущенно протянула Диана, — меня уверяют, будто Франциск Монморанси уже женат; будто он негласно обвенчан с одною из дам королевы, девицей де Фиен.

— Что верно, то верно, — ответил король, — но тайный брак, заключенный без согласия коннетабля и моего, не имеет законной силы, и если папа разрешит развод, то вы не сможете, Диана, быть взыскательнее его святейшества. Итак, если это единственное ваше возражение...

— Нет, есть и другое, отец.

— Послушаем же какое.

— Возражение состоит, отец, в том, что... что я люблю другого, — всхлипнула Диана и, совсем смутившись, бросилась на шею королю.

— Вы любите, Диана? — удивился Генрих. — Как же зовут этого счастливица?

— Габриэль, государь!

— Габриэль... А дальше? — улыбнулся король.

— Я не знаю, как дальше, отец...

— Как же так, Диана? Помилосердствуйте, объяснитесь.

— Сейчас я вам все расскажу. Это любовь моего детства. Я с Габриэлем виделась каждый день. Он был очень мил, храбр, красив, образован, нежен! Он называл меня своей маленькой женушкой. Ах, государь, не смейтесь, это было глубокое и святое чувство, первое, какое запечатлелось в моем сердце! И все же я позволила обвенчать себя с герцогом Фарнезе, государь, и все оттого, что не сознавала, что делаю; оттого, что меня к этому принудили, а я послушалась, как маленькая девочка. Затем я увидела, почувствовала, поняла, в какой измене повинна я перед Габриэлем. Бедный Габриэль! Расставаясь со мною, он не плакал, но какое страдание застыло в его взоре! Все это оживало в моей памяти, когда, ведя затворническую жизнь в монастыре, я начинала вспоминать свои детские годы. Так я дважды пережила дни, проведенные мною подле Габриэля, — в действительности и в мечтах.

А возвратившись сюда, ко двору, государь, я не нашла никого, кто мог бы помериться с Габриэлем... И не Франциску, покорному сыну надменного коннетабля, вытеснить из моей памяти нежного и гордого друга моего детства. Поэтому теперь, когда я отдаю себе отчет в своих поступках, я буду верна Габриэлю... до тех пор, пока вы не лишите меня свободы выбора, отец.

— Так ты с ним видалась после отъезда из Вимутье, Диана?

— Увы, не видалась, отец.

— Но ты хоть получала вести о нем?

— И вестей не получала. Узнала только от Ангеррана, что и он покинул наши места после моего отъезда. Он сказал своей кормилице Алоизе, что вернется к ней не раньше, чем станет грозным и прославленным воином, и чтобы она не беспокоилась о нем. С этими словами он уехал, государь.

— И с тех пор его родные ничего о нем не слышали?

— Его родные? — повторила Диана. — Я знала только его кормилицу, отец, и никогда не видела его родителей, когда с Ангерраном навещала его в Монтгомери.

— В Монтгомери! — воскликнул Генрих, побледнев. — Диана, Диана! Я надеюсь, что он не Монтгомери? Скажи мне скорее, что он не Монтгомери!

— О нет, государь, тогда он жил бы, я думаю, в замке, а он жил в доме своей кормилицы Алоизы. Но отчего вы так взволновались, государь? Что сделали вам графы Монтгомери? Неужели они ваши враги? В нашем краю о них говорят только с почтением.

— Правда? — презрительно рассмеялся король. — Они мне, впрочем, ничего не сделали, Диана, решительно ничего. Однако вернемся к твоему Габриэлю. Ведь ты его Габриэлем назвала?

— Да...

— И у него не было другого имени?

— Я, по крайней мере, не знала другого. Он был сирота, как и я, и при мне никогда не было разговора о его отце.

— Словом, у вас нет, Диана, другого возражения против намеченного вашего брака с Монморанси, кроме давнишней вашей привязанности к этому молодому человеку, так?

— Но она заполняет все мое сердце, государь.

— Прекрасно, Диана, я бы, пожалуй, не пытался бороться с голосом вашего сердца, если бы друг ваш был здесь и мы могли бы его узнать и оценить. И хотя, как я догадываюсь, это человек сомнительного происхождения...

— Но ведь и в моем гербе есть полоса, ваше величество.

— Но у вас есть, по крайней мере, герб, сударыня, и соблаговолите вспомнить, что для Монморанси, как и для дома де Кастро, великая честь открыть свои двери перед моей узаконенной дочерью. А ваш Габриэль... Но речь не об этом. Для меня существенно то, что он шесть лет не подавал о себе вестей. Быть может, он забыл вас, Диана, и любит другую?

— О, государь, вы не знаете Габриэля! У него постоянное, верное сердце, и любовь его погаснет только с жизнью.

— Хорошо, Диана. Вам изменить и впрямь мудрено, и вы правы, отрицая это. Но, судя по всему, этот молодой человек ушел на войну. Разве не приходится считаться с возможностью гибели на войне?.. Дитя мое, я огорчил тебя. Вот уже ты побледнела, и глаза у тебя полны слез. Да, я вижу, твое чувство глубоко! Я мало видел примеров подобного чувства и самой жизнью приучен не слишком-то доверять великим страстям, но над твоею я шутить не стану и хочу отнестись к ней с уважением. Подумай, однако, голубка моя, в какое трудное положение поставит меня твой отказ, и отказ ради чего? Ради детской любви, предмет которой даже перестал существовать ради воспоминаний, ради тени. Если я оскорблю коннетабля, взяв обратно свое обещание, он возмутится не без основания, дитя мое, и, быть может, оставит свой пост. А тогда уже не я буду королем, им будет герцог де Гиз. Пойми, Диана: из шести братьев Гизов первый, герцог, возглавляет все военные силы Франции; второй, кардинал, управляет всеми ее финансами; третий командует моими марсельскими галерами; четвертый сидит в Шотландии, а пятый вскоре заменит Бриссака в Пьемонте. Таким образом, я, король, не могу располагать в своем королевстве ни одним солдатом, ни одним эку без их согласия. Я говорю с тобою откровенно, Диана, я объясняю тебе положение вещей. Я прошу, а мог бы приказывать. Но мне гораздо приятнее положить на твое собственное суждение. Я хочу, чтобы не король, а отец склонил свою дочь посчитаться с его намерениями. И я добьюсь твоего согласия, потому что ты добрая и преданная дочь. В этом браке — все мое спасение, Диана: он усиливает Монморанси и ослабляет Гизов. Он уравнивает обе чаши весов, коромысло которых — моя королевская власть. Гизы будут менее горды, Монморанси более предан... Ты не отвечаешь, Диана? Неужели ты останешься глуха к просьбам твоего отца, который не неволит тебя, не тиранит, а, наоборот, принимает во внимание твои чувства и только просит тебя не отказать ему в первой же услуге, которую ты можешь ему воздать за то, что он сделал и еще сделает для твоего счастья? Ну что, Диана, дочь моя? Ты согласна?

— Государь, — ответила Диана, — когда вы просите, вы в тысячекрат сильнее, чем когда приказываете. Я готова пожертвовать собою ради ваших интересов, однако с одним условием.

— С каким же, дитя мое?

— Этот брак состоится только через три месяца, а до тех пор я справлюсь о Габриэле у Алоизы да и в других местах. Если его уже нет в живых, я буду знать наверняка, а если он жив, я смогу попросить его вернуть мне слово.

— От всего сердца согласен, — обрадовался Генрих, — и должен заметить, что при всем своем ребячестве ты все же довольно рассудительна. Итак, ты примешься за розыски своего Габриэля, и я тебе даже, если

нужно, помогу, а через три месяца ты обвенчаешься с Франциском, к чему бы розыски ни привели, будь твой юный друг жив или мертв.

— Теперь уж я и сама не знаю, — скорбно поникла головой Диана, — чего мне больше желать: жизни его или смерти.

«К счастью или к несчастью, придворная жизнь обломает ее», — улыбнувшись, подумал король.

А вслух произнес:

— Пора теперь в церковь, Диана. Дайте мне руку, я провожу вас до большой галереи, а после обеда увижу вас на состязаниях и карусели. И если вы не слишком на меня сердитесь, соблаговолите рукоплескать ударам моего копья на турнире!

VII

«ОТЧЕ НАШ» ГОСПОДИНА КОННЕТАБЛЯ

В тот же день, после полудня, когда в Турнелле были в самом разгаре праздничные состязания, коннетабль Монморанси допрашивал в Лувре одного из своих тайных агентов. Шпион был среднего роста, несколько сутуловатый, смуглолицый, темноволосый, с черными глазами и орлиным носом, с раздвоенным подбородком и оттопыренной нижней губой. Был он разительно похож на Мартен-Герра, верного оруженосца Габриэля: те же черты, тот же возраст, то же сложение.

— А как вы поступили с курьером, мэтр Арно? — спросил коннетабль.

— Монсеньор, я уничтожил его. Нельзя было иначе. Но произошло это ночью, в лесу Фонтенбло. Убийцами сочтут разбойников. Я осторожен.

— Все равно, мэтр Арно, дело это опасное, и мне совсем не нравится, что вы так легко пускаете в дело нож.

— Я не отступаю ни перед чем, когда служу вашей милости.

— Так-то оно так, но раз и навсегда зарубите себе на носу, мэтр Арно, что, если попадетесь, я не стану вас спасать от петли, — сухо и презрительно произнес коннетабль.

— Будьте спокойны, монсеньор, я человек осмотрительный.

— Теперь посмотрим, что в письме.

— Вот оно, монсеньор.

— Распечатайте его, только не повредите печати, и прочитайте.

Мэтр Арно дю Тиль достал из кармана острый резец, тщательно срезал печать и развернул письмо. Он взглянул прежде всего на подпись.

— Видите, монсеньор, я не ошибся. Это действительно письмо кардиналу Гизу от кардинала Караффа, как мне по глупости признался бедняга курьер.

— Читайте же, пропади вы пропадом! — закричал Анн де Монморанси.

Мэтр Арно начал:

— «Монсеньор и дорогой соратник, сообщаю вам только три важные новости. Во-первых, по вашей просьбе папа затянет по возможности дело о разводе и будет гонять по разным конгрегациям Франциска де Монморанси, только что вчера приехавшего в Рим, а в заключение откажет ему в ходатайстве».

— Pater noster!¹ — пробормотал коннетабль. — Сатана бы спалил все эти красные мантии!²

— «Во-вторых, — продолжал читать Арно, — господин герцог де Гиз, достославный брат ваш, после взятия Кампли обложил Чивителлу. Но чтобы решиться послать ему людей и провиант, которых он требует, — а это, вообще говоря, сделать нам очень нелегко, — мы хотели бы, по крайней мере, быть уверены, что вы не отзовете его для кампании во Фландрии, а такой слух здесь ходит. Сделайте так, чтобы он остался у нас».

— Advaniam regnum tuum³, — проворчал Монморанси. — Мы примем свои меры, смерть и ад! Мы примем меры... вплоть до того, что призовем во Францию англичан! Продолжайте же, во имя мессы!

¹ Отче наш! (лат.).

² Красная мантия и красная шапка — одежда кардиналов.

³ Да придет царствие твое (лат.).

— «В-третьих, — продолжал шпион, — чтобы приободрить вас, монсеньор, и содействовать вашим целям, извещаю вас о скором прибытии в Париж посланца вашего брата, виконта д'Эксмеса, который доставит Генриху Второму знамена, захваченные во время итальянской кампании. Он прибудет, надо думать, одновременно с этим письмом. Присутствие виконта и славные трофеи, которые он преподнесет королю, несомненно помогут вам направить в должную сторону ваши планы».

— Fiat voluntas tua!¹ — в ярости завопил коннетабль. — Мы хорошо примем этого посланца преисподней! Доверяю его тебе, Арно. Все? В этом проклятом письме больше ничего нет?

— Ничего, монсеньор, кроме приветствий и подписи.

— Хорошо. Как видишь, тебе предстоит работенка.

— Я только этого и желаю, монсеньор... Ну, разве еще немного денег, чтобы получше справиться с заданием.

— Вот тебе сто дукатов, мошенник. С тобой всегда приходится раскошеливаться.

— У меня велики расходы на службе у вашей милости.

— Твои пороки обходятся тебе дороже служебных расходов, негодяй!

— О, как ошибается на мой счет монсеньор! Моя мечта — тихая, счастливая и зажиточная жизнь где-нибудь в провинции вместе с женою и детьми. Хочется дожить свой век честным отцом семейства!

— Добродетели сельской жизни! Ну что ж, исправься, отложи в сторону сколько-нибудь дублонов, женись, и ты сможешь достигнуть тихого семейного счастья. Кто тебе мешает?

— Ах, монсеньор, непоседливость! Да и какая женщина за меня пойдет?

— Это верно. А в ожидании бракосочетания, мэтр Арно, запечатайте-ка хорошенько это письмо и отнесите его кардиналу. Да измените свою наружность, поняли? И скажите, что ваш товарищ, умирая, вам поручил...

— Монсеньор может положиться на меня. Подделанная печать и подмененный курьер покажутся правдоподобнее самой правды.

— Ах, дьявольщина! — воскликнул Монморанси. — Мы забыли записать имя полномочного представителя Гизов. Как его зовут?

— Виконт д'Эксмес, монсеньор.

— Да, да. Так запомни же, плут, это имя... Кто там смеет мне мешать?

— Простите, монсеньор, — торопливо отозвался адъютант коннетабля, входя в комнату, — прибывший из Италии дворянин явился к государю от имени герцога де Гиза, и мне показалось необходимым доложить вам об этом... тем более что он непременно хочет повидать кардинала Лотарингского. Зовут его виконт д'Эксмес.

¹ Да исполнится воля твоя! (лат.).

— Ты умно поступил, Гильом, — сказал коннетабль. — Приведи этого господина сюда. А ты, мэтр Арно, спрячься за эту портьеру и воспользуйся случаем приглядеться к человеку, с которым тебе, наверное, придется иметь дело. Я принимаю его для тебя, гляди в оба.

— Кажется, монсеньор, — задумчиво ответил Арно, — я уже встретался с ним где-то в пути. Но не мешает проверить... Виконт д'Эксмес?

Шпион проскользнул за портьеру. Гильом ввел Габриэля.

— Простите, — поклонился молодой человек старику, — с кем я имею честь говорить?

— Я коннетабль Монморанси. Что вам угодно, сударь?

— Еще раз прошу меня простить. Я имею поручение лично к государю.

— Государь сейчас не в Лувре, а в его отсутствие...

— Я разыщу или подожду его величество, — перебил его Габриэль.

— Его величество на празднике в Турнелле и вернется сюда не раньше вечера. Разве вы не знаете, что сегодня празднуется свадьба монсеньора дофина?

— Знаю, монсеньор, мне об этом сообщили в пути. Но я проезжал через университет, а не по улице Сент-Антуан.

— Тогда бы вам следовало держаться одного направления с толпою. Она привела бы вас к государю.

— Но я еще не имею чести быть представленным государю. Для двора я чужой. В Лувре я надеялся застать монсеньора кардинала Лотарингского. Я и просил доложить о себе его высокопреосвященству и не знаю, почему это привели меня к вам, монсеньор.

— Господин кардинал, как лицо духовное, любит сражения воображаемые, а я, человек военный, люблю только сражения настоящие. Вот почему я в Лувре, а господин кардинал — в Турнелле.

— Так я, с вашего позволения, монсеньор, отправлюсь к нему в Турнелль.

— О боже, отдохните немного, сударь, вы прибыли, по-видимому, издалека, надо думать, из Италии, раз въехали в город со стороны университета.

— Вы угадали: из Италии, монсеньор. Мне это совершенно незачем скрывать.

— Вы присланы, может быть, герцогом де Гизом? Ну, что он там поделывает?

— Разрешите, монсеньор, об этом сперва доложить его величеству и покинуть вас, чтобы исполнить этот долг.

— С богом, сударь, раз вы так спешите. Вам не терпится, должно быть, — прибавил он с напускным добродушием, — свидеться с какой-нибудь из наших красавиц. Разве не так, молодой человек?

Но Габриэль, приняв строгий вид, ответил только глубоким поклоном и удалился.

— *Pater noster, qui es in cadis!*¹ — проскрежетал коннетабль, когда за Габриэлем захлопнулась дверь. — Уж не думал ли этот проклятый

¹ Отче наш, иже еси на небеси! (лат.).

хлыщ, что я хотел его задобрить, расположить в свою пользу, подкупить, быть может? Точно я не знаю, с чем он приехал к королю! Не хуже знаю, чем он! Ну, если он еще повстречается мне, то дорого заплатит за свой надутый вид и нахальную недоверчивость! Эй, мэтр Арно!.. Куда же девался этот мерзавец? Тоже исчез! Пресвятым крестом клянусь, все сегодня стоворились валять дурака, дьявол их побери! Pater noster...

Пока разгневанный коннетабль изрыгал проклятия, слабывая их, по своему обыкновению, словами из святых молитв, Габриэль, проходивший по полутемной галерее, с изумлением увидел стоявшего у дверей своего оруженосца, которому он еще раньше велел ждать во дворе.

— Это вы, Мартен? Вы пошли мне навстречу? — спросил он. — Так вот что: поезжайте вперед с Жеромом и ждите меня с зачехленными знаменами на углу улиц Сент-Антуан и Сент-Катрин. Кардинал пожелает, может быть, чтобы мы тут же их поднесли государю перед всем двором. Кристоф подержит мою лошадь и проводит меня. Поняли?

— Да, монсеньор, — ответил Мартен-Герр.

Опередив Габриэля, он стремительно сбежал по лестнице, как бы в знак того, что отлично исполнит поручение. Поэтому Габриэль, вый-

дя из Лувра, был несколько удивлен, столкнувшись еще раз во дворе с Мартен-Герром. Тот был бледен и до смерти напуган.

— Что это значит, Мартен? И что с вами? — спросил Габриэль.

— Ах, монсеньор, я только что видел его, он прошел здесь, в двух шагах от меня. Он даже заговорил со мной.

— Да кто?

— Кто же, как не дьявол, не призрак, не привидение, не наважде-ние, но второй Мартен-Герр!

— Опять это сумасшествие, Мартен! Вы, вероятно, стоя спите и видите сны.

— Да нет же, это не сон. Он заговорил со мной, монсеньор, ей-ей! Остановился, уставился на меня своим колдовским взглядом, от которого я аж застыл, и сказал, рассмеявшись бесовским смехом: «Ну, что? Мы все еще состоим на службе у виконта д'Эксмеса? (Заметьте это «мы», монсеньор.) И мы приехали из Италии со знаменами, отнятыми у неприятеля герцогом де Гизом?» Я невольно кивнул. Как он это все узнал, монсеньор? И он продолжал: «Не будем же бояться. Разве мы не друзья и братья?» А затем, услышав ваши шаги, добавил с дьявольской иронией, от которой у меня волосы стали дыбом: «Мы свидимся, Мартен-Герр, мы еще свидимся», — и юркнул в эту низкую дверь, а вернее — в стену.

— Да ты бредишь! — засмеялся Габриэль. — Он бы просто не успел проделать все эти штуки. Ведь мы расстались с тобой на галерее совсем недавно.

— Монсеньор, я ни на минуту не уходил с этого места!..

— Еще одна новость! С кем же я тогда говорил в галерее, если не с тобой?

— Наверное, с ним, монсеньор, с моим двойником, с моею тенью.

— Мой бедный Мартен, — сказал с состраданием Габриэль, — тебе нехорошо? У тебя, должно быть, голова болит? Мы слишком долго были на солнце с тобой.

— Ну да, — возмутился Мартен-Герр, — вы опять думаете, что у меня бред. Но вот вам доказательство, что я не ошибаюсь, монсеньор: мне совершенно неизвестны распоряжения, которые, по вашим словам, вы мне только что дали.

— Ты их забыл, Мартен, — мягко проговорил Габриэль. — Ну что ж, я их повторю, мой друг: ты должен отправиться вперед, взяв с собою Жерома, и ждать меня со знаменами на углу улиц Сент-Антуан и Сент-Катрин, а Кристоф пусть останется со мною. Теперь вспомнишь?

— Простите, монсеньор, как же можно вспомнить то, чего никогда не знал?

— Как бы то ни было, теперь ты это знаешь, — бросил Габриэль. — Пойдем к ограде, где ждут нас наши люди с лошадьми, и живо в путь! В Турнель!

— Слушаюсь, монсеньор. Выходит, что у вас двое оруженосцев. Хорошо еще, что у меня всего лишь один господин, а не два!

VIII УДАЧНАЯ КАРУСЕЛЬ

Ристалище для праздничных состязаний было устроено на улице Сент-Антуан и тянулось от дворца Турнелль до королевских конюшен, образуя длинный прямоугольник. На одном его конце высилась трибуна для королевы и придворных, на противоположном — как раз у входа на ристалище — ждали своей очереди участники состязаний. По сторонам волновалась толпа.

Когда около трех часов пополудни, после венчания и свадебного обеда, королева и двор заняли отведенные им места, отовсюду раздались приветственные клики.

Но из-за этого-то взрыва ликования праздник начался с несчастного случая. Конь господина д'Аваллона, одного из капитанов гвардии, испугался, взвился на дыбы и ринулся на арену, а всадник, не удержавшись в седле, ударился головой о деревянный барьер. Его тут же унесли и передали врачам в состоянии почти безнадежном.

Король страшно огорчился, но страсть к состязаниям вскоре одержала в нем верх.

— Ах, бедный господин д'Аваллон! — вздохнул он. — Такой преданный человек! Позаботьтесь же о тщательном уходе за ним. — И прибавил: — А скачки с кольцами можно все-таки начать.

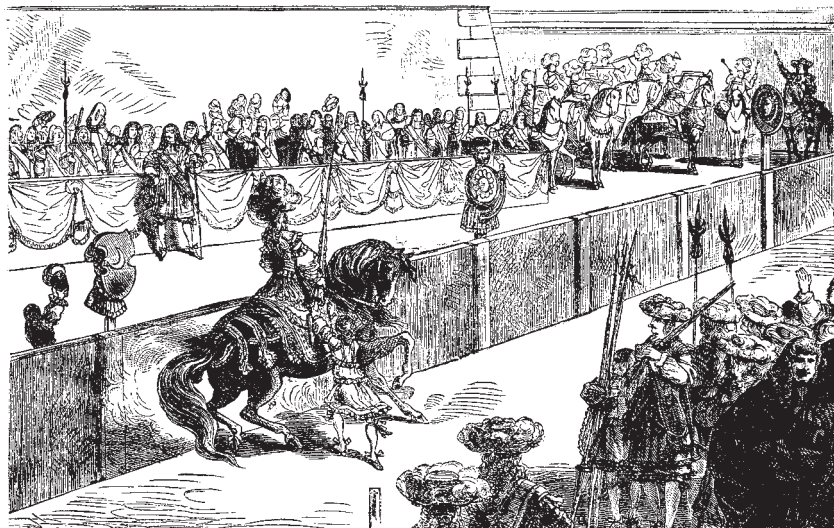
В ту пору скачки с кольцами были игрой несколько более сложной и трудной, чем та, которая знакома нам теперь. Столб, с перекладки которого свисало кольцо, отстоял на две трети дистанции от ее начала. Надо было галопом пройти первую треть, проскакать во весь опор вторую и, на всем скаку проносясь мимо столба, концом копыа снять кольцо. Но что всего важнее — древко копыа не должно было касаться плеча; держать копые требовалось горизонтально, подняв локоть выше головы. Последняя треть арены проходила рысью. Призом было бриллиантовое кольцо — дар королевы.

Генрих II на белой лошади, покрытой бархатным с золотой отделкой чепраком, был самым изящным и ловким всадником, какого только можно себе представить. Он держал копые и управлял им с поразительной грацией и уверенностью. Очень редко бил он мимо кольца. Однако с ним соперничал господин де Виейвиль, и был даже момент, когда казалось, победа достанется ему — у него было на два кольца больше, чем у короля, а снять оставалось только три. Но, будучи опытным придворным, господин де Виейвиль промахнулся три раза подряд — вот ведь незадача! — и приз достался королю.

Принимая перстень, он на миг заколебался, и глаза его с сожалением остановились на Диане де Пуатье. Но это был дар королевы. Пришлось преподнести его новой дофине, Марии Стюарт.

— Ну что, — спросил он в перерыве между состязаниями, — есть надежда спасти господина д'Аваллона?

— Государь, — ответили ему, — он еще дышит, но почти безнадежен.

— Бедняга! — покачал головой король. — Приступим же к рыцарскому турниру.

После этой красивой борьбы, закончившейся громом рукоплексаний, стали готовиться к скачкам со столбами.

В том конце ристалища, где находилась трибуна королевы, в землю врыли на небольшом расстоянии друг от друга несколько столбов. Надо было вскачь объехать все эти импровизированные деревья, не пропуская ни одного. Призом был браслет чудесной работы.

Из восьми туров три принесли победу королю, другие три господину генерал-полковнику де Бонниве. Решающим был девятый и последний тур. Но господин де Бонниве был не менее ловок, чем господин де Виейвиль, и, как ни выбивалась из сил его лошадь, прибыл он только третьим, и приз опять достался Генриху.

Король уселся тогда рядом с Дианой де Пуатье и на глазах у всех надел ей на руку только что выигранный им браслет.

Королева побледнела от ярости.

Стоявший за нею маршал Гаспар де Таван наклонился к уху Екатерины Медичи.

— Ваше величество, — вполголоса сказал он, — следите, куда я пойду и что я сделаю.

— Что ты хочешь сделать, славный мой Гаспар? — спросила королева.

— Отрежу нос госпоже де Валантинуа, — хладнокровно и серьезно ответил де Таван.

И он уже двинулся с места, когда Екатерина, чуть испуганная и восхищенная, удержала его:

— Гаспар, вы ведь погубили бы себя. Об этом вы подумали?

— Подумал, государыня, но я спасу государя и Францию.

— Спасибо, Гаспар, — поблагодарила Екатерина, — вы такой же доблестный друг, как и грозный воин. Но я приказываю вам остаться. Нужно иметь терпение!

Терпение! Именно таким девизом руководствовалась Екатерина Медичи в то описываемое нами время. Она, которая впоследствии властвовала безраздельно, казалось, вовсе не стремилась выйти из тени второго плана. Она выжидала. Между тем в ту пору она была в расцвете красоты, избегала общества и этой добродетелью, вероятно, обязана, была тем, что злословие хранило на ее счет полное молчание, пока жив был ее супруг.

Как бы то ни было, в тот день, как и обычно, Екатерина вроде бы и не замечала того внимания, которое король оказывал публично Диане де Пуатье. Успокоив бурное негодование маршала, она заговорила с дамами о только что состоявшихся состязаниях и о ловкости, какой блеснул государь...

Турниры назначены были только на последующие дни, но час был еще ранний, и кое-кто из придворных попросил у короля разрешения преломить несколько копий в честь дам.

— Пусть так, господа, — согласился король, — охотно разрешаю, хотя, пожалуй, мы помешаем кардиналу Лотарингскому, которому, думается, никогда еще не поступало столь объемистой почты: целых два письма, одно за другим! Ну ничего, после мы узнаем, что в них содержится, а пока можете преломить несколько копий... А вот и приз победителю, — добавил Генрих, снимая с шеи золотую цепь. — Блесните своим искусством, господа, и знайте: если вы меня раззадорите, то, возможно, и я вмешаюсь в игру и постараюсь отыграть эту цепь, тем более что я в долгу у герцогини де Кастро. Помните также, что в шесть часов бой закончится и победитель получит свой приз. Начинайте же, в вашем распоряжении еще целый час. Однако будьте осторожны. Кстати, как поживает господин д'Аваллон?

— Увы, государь, он только что скончался.

— Да упокой Господь его душу! — отозвался Генрих. — Из капитанов моей гвардии он был самый усердный и самый храбрый. Кто мне заменит его?.. Но дамы ждут, господа, арена свободна. Посмотрим, кто получит цепь из рук королевы.

Первым победителем оказался граф де Поммерив, затем ему пришлось уступить первенство господину де Бюри, а того сменил маршал д'Амвиль. Маршал был силен и ловок: он отстоял поле сражения в борьбе против пяти соперников подряд, и король не выдержал.

— Интересно знать, господин д'Амвиль, — сказал он маршалу, — неужто вы навеки приросли к этому месту?

Он взял копы и с первого же захода выбил господина д'Амвиля из седла, а затем и господина д'Оссэна, после чего охотников помериться с ним силами уже не нашлось.

— Что это значит, господа? — вопрошал Генрих. — Никто не желает сражаться со мною? Уж не щадите ли вы меня? — продолжал он,

хмурясь. — Не дай мне Бог увериться в этом! Здесь нет короля, кроме победителя, и нет привилегий, кроме ловкости. Так атакуйте же меня, господа, смелее!

Но принять королевский вызов никто не решался — одержать победу казалось не менее опасным, чем потерпеть поражение.

Все это раздражало короля. Быть может, он заподозрил, что и в предыдущих состязаниях противники его не исчерпывали все свои возможности, и подобная мысль, умалявшая его доблесть в собственных глазах, невольно вызывала у него досаду.

Наконец на арену въехал новый рыцарь, принявший вызов. Генрих, даже не поглядев, кто перед ним, взял разбег и ринулся вперед. Сломались оба копья, но король, выронив обломок, зашатался в седле и вынужден был схватиться за луку; противник же остался недвижим. В этот миг пробило шесть часов. Генрих был побежден.

Он весело и легко соскочил с коня, бросил поводья конюшему и взял под руку победителя, желая сам представить его королеве. К большому своему изумлению, он увидел совершенно незнакомое ему лицо. Впрочем, перед ним стоял кавалер видной и благородной наружности. Королева, надевая цепь на шею молодому человеку, преклонившему пред нею колено, тоже невольно обратила на него внимание и улыбнулась ему. Он же, низко поклонившись, встал, подошел к трибуне королевского двора и, остановившись перед герцогиней де Кастро, преподнес ей цепь, приз победителя.

Фанфары звучали с такой силой, что никто не услышал возгласов, вырвавшихся одновременно:

— Габриэль!

— Диана!

Побледнев от радости и неожиданности, Диана взяла цепь дрожащей рукой. Все решили, что незнакомец слышал, как Генрих обещал эту цепь герцогине де Кастро, и не захотел лишиться подарка такую красивую даму. Поступок его сочли очень галантным, изобличающим в нем хорошо воспитанного дворянина. Сам король взглянул на это именно так.

— Трогательная учтивость, — сказал он. — Но хотя и говорят, будто я поименно знаю всех моих родовитейших дворян, должен признаться, сударь, что никак не могу припомнить, где и когда уже видел вас, а между тем был бы рад узнать, кто мне только что нанес лихой удар.

— Государь, — ответил Габриэль, — я впервые имею честь предстать перед вашим величеством. До сих пор я не покидал армии и в настоящее время прибыл из Италии. Мое имя виконт д'Эксмес.

— Виконт д'Эксмес! — повторил король. — Очень хорошо: теперь я буду помнить имя своего победителя.

— Государь, — сказал Габриэль, — вас победить невозможно, и славное доказательство вашей непобедимости я привез с собою.

Он махнул рукой. Мартен-Герр и двое солдат внесли на арену итальянские знамена и сложили их к ногам короля.

— Государь, — продолжал Габриэль, — эти знамена, взятые вашей армией в Италии, посылает вашему величеству герцог де Гиз. Его высокопреосвященство господин кардинал Лотарингский уверил меня, что вы, ваше величество, на меня не разгневаетесь, если я столь неожиданно поднесу вам эти трофеи в присутствии всего двора и французского народа. Имею также честь вручить вам, государь, письма от господина герцога де Гиза.

— Благодарствуйте, господин д'Эксмес, — сказал король. — Так вот какую почту разбирал кардинал! Ну и триумфальные же у вас приемы являться ко двору!.. Что я читаю! Что из числа этих знамен четыре взяты лично вами? Наш родич де Гиз считает вас одним из храбрейших своих командиров? Господин д'Эксмес, просите у меня все, что угодно. Клянусь богом, я немедленно исполню ваше желание!

— Государь, вы слишком щедры. Я всецело полагаюсь на ваше великодушие!

— Вы были капитаном в армии герцога де Гиза, виконт. Не угодно ли вам стать капитаном в нашей гвардии? Я не знал, кого назначить на место господина д'Аваллона, погибшего сегодня при столь плачевных обстоятельствах, но вижу, что у него будет достойный преемник.

— Ваше величество...

— Вы согласны? Это дело решенное. Завтра вы вступите в должность. Теперь мы возвратимся в Лувр. Вы мне расскажете подробнее про войну в Италии.

Габриэль поклонился.

Генрих подал знак к отъезду. Толпа рассеялась с криками: «Да здравствует король!» Диана, словно чудом, на миг оказалась опять подле Габриэля.

— Завтра у королевы, — прошептала она и исчезла под руку со своим кавалером.

IX

КАК МОЖНО ПРОЙТИ МИМО СВОЕЙ СУДЬБЫ, НЕ УЗНАВ ЕЕ

Королева обычно принимала по вечерам, после ужина. Так сказали Габриэлю, добавив, что по новой своей должности капитана гвардии он не только имеет право, но даже обязан являться на такие приемы. Уклониться от этой обязанности он и не помышлял, наоборот — терзался мыслью, что до желанного этого мига осталось еще целых томильных двадцать четыре часа, и, чтобы как-то убить проклятое время, отправился вместе с Мартен-Герром на поиски подходящего помещения. Ему посчастливилось — в этот день ему вообще везло: свободным оказался особняк, где жил когда-то его отец, граф Монтгомери. Габриэль снял его, хотя дом не в меру был роскошен для простого гвардейского капитана. Но ведь для этого достаточно было ему вытребовать

вать некоторую сумму из Монтгомери от верного Элио. Он также собирался вызвать в Париж и Алоизу.

Итак, первая цель Габриэля была достигнута. Он был уже не ребенком, но мужем, который сумел себя показать и с которым приходилось считаться. К знаменитому имени, наследию предков, он сумел прибавить славу, добытую им самим. Один, без всякой поддержки, без всякой рекомендации, с помощью своей верной шпаги и личного мужества он в двадцать четыре года достиг завидного положения в свете. Наконец-то он мог с гордостью предстать и перед любимой, и перед теми, кого должен был ненавидеть. Врагов ему должна указать Алоиза, любимая узнала его сама. Габриэль уснул со спокойной совестью и спал крепко.

Наутро он явился к господину де Буасси, обер-шталмейстеру, которому обязан был представить данные о своей родословной. Господин де Буасси, человек честный, был дружен когда-то с графом де Монтгомери. Он понял мотивы, по которым Габриэль вынужден был скрывать свой подлинный титул, и дал ему слово блюсти тайну. Затем маршал д'Амвиль представил капитану его роту, после чего Габриэль начал свою службу с инспекционного объезда парижских государственных тюрем, этой ежемесячной тягостной обязанности, лежавшей на капитане гвардии.

Начал он с Бастилии, а кончил Шатле. И в каждой тюрьме комендант показывал ему список своих узников, объявлял, кто из них скончался, болен, переведен в другую тюрьму или освобожден, а потом обходил с ним камеры.

Прискорбный смотр, тяжелое зрелище! Габриэль думал, что обход уже кончен, когда комендант Шатле показал ему в своей регистрационной книге почти пустую страницу, содержащую только следующую странную запись, поразившую Габриэля:

«21. X., секретный узник. Если при обходе коменданта или капитана гвардии сделает хотя бы попытку заговорить, подвергнуть более строгому режиму, в более глубоком каземате».

— Кто этот важный преступник? Можно мне знать? — спросил Габриэль господина де Сальвуазона, коменданта Шатле.

— Этого никто не знает, — ответил комендант. — Он перешел ко мне от моего предшественника, тот же получил его от своего. Вы видите, что данные о времени его ареста пропущены в книге. Надо думать, он доставлен сюда еще в царствование Франциска Первого. Я слышал, что он два или три раза пытался заговорить. Но едва он проронит слово, комендант обязан под страхом тягчайшей кары захлопнуть дверь каземата и перевести его в худший. Здесь остается еще только один каземат ужаснее того, в котором теперь заключен преступник, и он был бы для него смертелен. Нет сомнений, что с ним хотели покончить именно вот таким способом, но узник теперь молчит. Это, конечно, страшный преступник. С него никогда не снимают це-

пей, и его тюремщик ежечасно входит в каземат для предотвращения всякой возможности побега.

— А если он заговорит с тюремщиком? — спросил Габриэль.

— О, к нему приставлен глухонемой, в Шатле родившийся и никогда отсюда не выходивший.

Габриэль вздрогнул. Этот человек, совершенно отрезанный от мира живых и все же живший, мысливший, внушил ему чувство острого сострадания и какого-то смутного ужаса. Какое воспоминание или угрызение совести, какая боязнь перед муками ада или блаженством рая удерживали это несчастное существо от решения разбить себе череп о стену своего каземата? Что еще привязывало его к жизни: жажда мести, надежда?

Габриэля охватило вдруг какое-то странное, лихорадочное желание увидеть этого человека. Сердце у него бешено забилося! Сотню заключенных навестил он, испытывая обыкновенное сострадание, но этот узник будто притягивал его к себе, волновал его больше, чем все другие... И тревога сжимала ему грудь, когда он представлял себе эту жизнь в могиле.

— Пойдемте в камеру двадцать один, — сказал он коменданту дрогнувшим голосом.

Они спустились по нескольким лестницам, грязным и сырým, прошли под глубокими сводами, похожими на страшные круги Дантова ада¹. Наконец комендант остановился перед железной дверью.

— Здесь, — сказал он. — Я не вижу сторожа, должно быть, он внутри. Но у меня второй ключ. Войдем.

Он отпер дверь, и они вошли.

Габриэлю представилась немая и страшная картина, одна из тех, какие можно увидеть только в горячечном бреду.

Стены сплошь из камня, черного, замшелого, зловонного, ибо мрачный этот каземат находился ниже русла Сены и при больших паводках наполовину затоплялся. По стенам склепа ползали мокрицы. В ледяном воздухе — ни звука, кроме равномерного, глухого падения водяных капель с осклизлого потолка.

Глуше, чем эти глухие капли, недвижимее, чем эти почти недвижимые мокрицы, жили здесь два человекообразных создания, одно из которых сторожило другое. Оба угрюмые, оба безмолвные.

Тюремщик, великан с бессмысленным взглядом и мертвенным цветом лица, стоял в тени, тупо уставившись на белобородого, белоглового старика. Это и был узник. Он лежал в углу на соломе, руки его и ноги были скованы цепью, вделанной в стену. Когда они вошли, он, казалось, спал и не шевелился. Его можно было принять за труп или каменное изваяние.

Но вдруг он сел, открыл глаза и вперил свой взор в Габриэля.

¹ Данте Алигьери (1265—1321) — великий итальянский поэт в «Божественной комедии» изобразил ад в виде грандиозной воронки с суживающимися кругами в каждом круге ада — своя категория грешников и особые мучения.

Говорить ему было запрещено, но этот пугающий и притягивающий к себе взор говорил. Он завороживал Габриэля. Комендант с надзирателем заглянули во все углы каземата. А он, Габриэль, замер на месте, застыл, оцепенел, подавленный огнем этих пылающих глаз; он не мог от них оторваться, и в то же время в нем бурлил целый поток каких-то странных, не поддающихся выражению мыслей.

Узник тоже, казалось, не безучастно созерцал посетителя, и даже было мгновение, когда он сделал движение и разжал губы, словно собираясь заговорить... Но комендант обернулся, и узник вовремя вспомнил предписанный ему закон: он ничего не сказал, только уста его покривились горькой усмешкой. Потом он опять смежил веки и впал в свою каменную неподвижность.

— Ах, выйдем отсюда! — сказал Габриэль коменданту. — Бога ради выйдем, мне надо глотнуть воздуха и увидеть солнце.

В самом деле, спокойствие и, можно сказать, жизнь вернулись к нему лишь на улице, среди людей и шума. Но все же в его душу намер-

тво врезалось мрачное видение и преследовало его весь день, когда он в задумчивости прогуливался по Гревской площади.

Какой-то голос шептал ему, что судьба несчастного узника имела прямое отношение к его судьбе и главным событиям в его жизни. Наконец, утомленный этими роковыми предчувствиями, он направился под вечер на ристалище в Турнелль. Турниры этого дня, в которых он не пожелал участвовать, подошли к концу. Габриэлю удалось разглядеть в толпе Диану, она его тоже заметила, и этот мгновенный обмен взглядами рассеял мрак в его сердце, как солнце рассеивает тучи. Забыв на время о таинственном узнике, Габриэль думал уже о любимой девушке, с которой предстояло ему встретиться вечером.

Х

ЭЛЕГИЯ ВО ВРЕМЯ КОМЕДИИ

Так уж повелось со времен Франциска I: не меньше трех раз в неделю король, вельможи и все придворные дамы собирались в покоях у королевы. Там они свободно, а подчас даже весьма вольно обсуждали события дня. Затем среди общего разговора завязывались и частные беседы. «Находясь среди сонма смертных богинь, — говорит Брантом, — каждый вельможа или дворянин беседовал с тою, кто ему была всех милее». Часто также устраивались там балы или спектакли.

На такого рода прием должен был в тот вечер отправиться и Габриэль. Впрочем, к радости его примешивалось и некоторое беспокойство. Неясные шепотки, двусмысленные намеки на предстоявшую свадьбу Дианы, естественно, тревожили его. Когда он увидел Диану вновь, когда ему показалось, что в глазах ее светится все та же неясность, волна счастья охватила его. Но эти упорные слухи, в которых переплетались имена Дианы де Кастро и Франциска де Монморанси, так настойчиво звучали в его ушах, что он невольно призадумывался. Неужели Диана согласится на этот ужасный брак? Неужели она любит этого Франциска? Неужели эти мучительные сомнения не рассеет даже свидание?

Поэтому Габриэль решил порасспросить Мартен-Герра, который свел уже немало знакомств и должен был в качестве оруженосца знать больше своего господина. Подобное решение виконта д'Эксмеса было кстати на руку и Мартен-Герру, который, заметив озабоченность хозяина и считая, что тому грешно в чем-то таиться от верного своего слуги после пяти лет совместной жизни, дал себе слово расспросить его обо всем случившемся.

Состоявшаяся беседа выявила следующее: Габриэль уверился, что Диана де Кастро не любит Франциска де Монморанси, а Мартен-Герр понял, что Габриэль любит Диану де Кастро.

Этот двоякий вывод так обрадовал обоих, что Габриэль явился в Лувр за час до того, как распахнулись двери королевских покоев,

а Мартен-Герр, дабы почтить августейшую возлюбленную виконта, немедленно отправился к придворному портному и купил себе камзол темного сукна и штаны из желтого трико. Заплатив за них наличными, он тут же надел этот костюм, чтобы вечером щегольнуть в передней Лувра, где ему предстояло дожидаться своего господина.

Но портной был просто ошарашен, снова увидев через полчаса Мартен-Герра уже в другом костюме. Когда он выразил свое удивление, Мартен-Герр ответил, что вечер показался ему прохладным и поэтому он решил одеться потеплее, однако новый камзол и штаны так ему нравятся, что он пришел купить или заказать точно такой же второй костюм. Тщетно твердил портной Мартен-Герру, что это будет иметь такой вид, будто он ходит всегда в одной и той же одежде, и что лучше заказать другой костюм, например желтый камзол и темные штаны, раз уж ему нравятся эти цвета. Мартен-Герр стоял на своем, и портной — поскольку готового платья у него под рукой не оказалось — все-таки пообещал ему подобрать сукно точно таких же оттенков.

Между тем тот непомерно долгий час, на протяжении которого Габриэлю пришлось бродить перед воротами своего рая, истек, и он получил наконец возможность в числе других гостей проникнуть в покои королевы.

С первого же взгляда Габриэль заметил Диану. Она сидела рядом с королевой-дофиной, Марией Стюарт.

Подойти к ней сразу было бы слишком смело и даже, пожалуй, неблагоразумно со стороны нового человека. Габриэль примирился с необходимостью ждать благоприятного момента. А покамест он разговорился с бледным и тщедушным на вид молодым человеком, который случайно оказался перед ним. Потом, поболтав на темы столь же незначительные, каким он казался сам, молодой кавалер спросил Габриэля:

— А с кем, сударь, я имею честь говорить?

— Я виконт д'Эксмес, — ответил Габриэль. — Смее ли я, сударь, задать вам тот же вопрос?

Молодой человек удивленно воззрился на него, затем произнес:

— Я Франциск де Монморанси.

Скажи он «я дьявол», Габриэль отошел бы от него с меньшим ужасом и не так стремительно. Франциск, наделенный не слишком острым умом, был совершенно озадачен, но так как не любил размышлять, то вскоре перестал ломать голову над этой загадкой и пошел искать себе других, более воздержанных собеседников.

Габриэль направился было к Диане де Кастро, но ему помешал рой гостей, окруживший короля. Генрих II только что объявил, что, желая закончить этот день сюрпризом для дам, он распорядился соорудить на галерее сцену и что на ней сейчас представлена будет пятиактная комедия в стихах господина Жана Антуана де Баиф под заглавием «Храбрец». Весть эта, разумеется, была принята шумно и радостно. Кавалеры подали дамам руки и проводили их в соседнюю залу, где наскоро были

устроены подмостки. Но Габриэль так и не сумел пробиться к Диане и устроился не рядом, а неподалеку от нее, позади королевы.

Екатерина Медичи заметила молодого человека и окликнула его. Пришлось к ней подойти.

— Господин д'Эксмес, отчего вас не было сегодня на турнире? — спросила она.

— Ваше величество, служебные обязанности, которые угодно было возложить на меня государю, лишили меня этой возможности.

— Жаль, — обворожительно улыбнулась Екатерина, — вы ведь несомненно один из самых смелых и ловких наших всадников. Вчера от вашего удара зашатался в седле государь — случай редкостный. Мне бы доставило удовольствие снова быть свидетельницей ваших побед.

Габриэль молча поклонился. Крайне смущенный этими комплиментами, он не знал, как на них ответить.

— Знакомы ли вы с пьесой, которую нам собираются показать? — продолжала Екатерина, очевидно весьма расположенная к красивому и робкому молодому человеку.

— Я знаком только с латинским ее оригиналом, — ответил Габриэль, — ибо пьеса эта, как я слышал, простое подражание комедии Теренция¹.

— Если я не ошибаюсь, — заметила королева, — вы разбираетесь в литературе не хуже, чем владеете копьем.

Все это говорилось вполголоса и сопровождалось взглядами отнюдь не суровыми. Но замкнутый, хмурый, как Еврипидов Ипполит², Габриэль принимал заигрывания итальянки с натянутым видом. Глупец! Откуда ему было знать, что благодаря такой монаршей милости он не только будет сидеть рядом с Дианой, но и увидит самое яркое проявление ее любви — сценку ревности. В самом деле, после того как Пролог, согласно обычаю, попросил у слушателей снисхождения, Екатерина шепнула Габриэлю:

— Сядьте за мною, господин ученый, чтобы я могла в случае надобности обращаться к вам за пояснениями.

Герцогиня де Кастро сидела у самого края прохода. Габриэль, поклонившись королеве, взял табурет и скромно сел в проходе рядом с Дианой, чтобы никому не мешать.

Комедия началась.

Это была, как и говорил королеве Габриэль, переделка «Евнуха» Теренция, написанная со всем наивным педантизмом того века. Но мы воздержимся от ее разбора. Напомним лишь, что главное действующее лицо в пьесе — некий лжехрабрец, солдат-хвастун, которого обманывает и водит за нос некий ловкач.

И вот с самого же начала пьесы многочисленные приверженцы Гизов, сидевшие в зале, пожелали увидеть в старом, смешном забияке самого коннетабля Монморанси, а сторонники Монморанси решили услышать в хвостовских рассказах солдата-фанфарона намеки на честолюбие герцога де Гиза. Поэтому каждая удачная мизансцена превращалась в сатирический выпад и каждая острота попадала в цель. Люди той и другой партии хохотали во все горло, показывали пальцем друг на друга, и комедия, которая разыгрывалась в зале, была поистине не менее забавна, чем та, которую играли на подмостках актеры.

Наши влюбленные воспользовались тем, что оба соперничавших придворных стана заинтересовались представлением, и среди грома рукоплесканий и взрывов хохота дали волю своему чувству. Сначала они оба прошептали:

— Диана!

— Габриэль!

Это был их священный пароль.

— Вы собираетесь замуж за Франциска де Монморанси?

— Вы пользуетесь благорасположением королевы?

— Вы же слышали, что она сама меня позвала.

¹ Теренций — римский писатель II века до н. э., автор комедий.

² В трагедии великого древнегреческого драматурга Еврипида «Ипполит» изображен юноша Ипполит, сын Тесея, оклеветанный женой Тесея — Федрой.

АСКАНИО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая УЛИЦА И МАСТЕРСКАЯ

Дело было 10 июля 1540 года, летосчисления нашего, в четыре часа пополудни, в Париже, близ университета, у входа в церковь Августинцев, возле чаши со святой водой.

Красивый, статный юноша со смуглым лицом, длинными кудрями, большими черными глазами, одетый изысканно, но просто и вооруженный лишь небольшим кинжалом, рукоятка которого пленяла чудесной работой, простоял там не шелохнувшись всю вечерню. Он был, надо полагать, охвачен благочестивым смирением: склонив голову, он с набожным видом шептал что-то — без сомнения, молитвы, ибо произносил слова до того тихо, что лишь Господь Бог да он сам понимали их смысл.

Но, когда служба подходила к концу, юноша поднял голову, и его соседи расслышали слова, произнесенные вполголоса:

— До чего же мерзко тянут псалмы французишки-монахи! Неужели не могут петь получше — ведь она привыкла внимать пению ангелов! Ах, но беда не в этом... вот вечерня и кончилась! Господи, Госпо-

ди, сделай же так, чтобы сегодня мне повезло больше, чем в прошлое воскресенье! И чтобы она подняла на меня свои очи!

Право, последние слова молитвы были сказаны неспроста: если бы та, к кому они относились, подняла глаза на того, кто говорил, она увидела бы самое очаровательное юношеское лицо, какое только являлось ее воображению, когда она зачитывалась дивными мифологическими сказаниями, в те времена вошедшими в моду с легкой руки знаменитого поэта Клемана Маро¹, воспевшего в стихах любовь Психей² и смерть Нарцисса³. И в самом деле, незнакомец, одетый в простую темную одежду и только что выведенный нами на сцену, отличался, как мы уже говорили, редкостной красотой и удивительным изяществом. Его ласковая улыбка дышала неизъяснимым обаянием, большие глаза, еще не научившиеся смотреть дерзко, светились такой пламенной страстью, какую, пожалуй, не часто увидишь во взоре восемнадцатилетнего юноши.

Меж тем в церкви с шумом задвигали стульями, что возвестило конец богослужения, и влюбленный юноша (по его словам читатель, должно быть, уже догадался, что он имел право на такое наименование), — повторяю, влюбленный юноша отошел в сторону и стал смотреть на толпу, проходившую мимо в молчании, — на важных членов церковноприходского совета, на почтенных, остепенившихся матрон и миловидных девиц. Но не ради них явился сюда красавец-юноша, ибо взгляд его вспыхнул, ибо кинулся он вперед лишь в тот миг, когда подошла девушка в белом, а следом за ней — дуэнья⁴, причем дуэнья из хорошего дома и, судя по всему, весьма учтивая, еще довольно молодая, веселая и, честное слово, просто приятной наружности. Когда обе незнакомки приблизились к чаше, юноша зачерпнул воду и с вежливым поклоном предложил ее дамам.

Дуэнья присела в реверансе с самой любезной, с самой признательной улыбкой, коснулась пальцев молодого человека и, к великому его разочарованию, протянула девушке святую воду как посредница, а девушка, невзирая на его горячую молитву, произнесенную несколько минут назад, так и не вскинула глаз, из чего явствовало, что она знала о присутствии красавца-юноши.

Когда же она удалилась, красавец-юноша, топнув ногой, прошептал:

— И на этот раз она меня не заметила!

¹ Маро, Клеман (1496—1544) — французский поэт эпохи раннего Возрождения. Воспевая красоту и радость земной жизни, он часто обращался к образам античной мифологии.

² Психея (греч. миф.) — прекрасная девушка (олицетворение человеческой души), которую полюбил сам бог любви Амур.

³ Нарцисс — по греческому мифу, юноша необыкновенной красоты, который был так очарован своим собственным отражением в водах ручья, что любовался собой, пока не умер.

⁴ Дуэнья — пожилая женщина, постоянно сопровождавшая, по испанскому обычаю, знатную девушку или даму.

Из этого явствовало, что, как мы уже говорили, юноше вряд ли было больше восемнадцати лет.

Но вот его досада улетучилась. Он сбежал с церковных ступеней и увидел, что рассеянная красавица, опустив покрывало и взяв под руку провожатую, пошла направо. Он тоже поспешил повернуть вправо, заметив притом, что это как раз ему по пути. Пройдя по набережной до моста Святого Михаила, девушка перешла через мост, что тоже было по пути нашему незнакомцу. Затем она дошла до конца Бочарной улицы и направилась к Мельничному мосту. Все это оказалось по пути юноше, и он неотступно следовал за нею, точно тень.

Влюбленный — вот она, тень хорошенькой девушки!

Но увы! У самой тюрьмы Шатле прекрасная звезда, спутником которой стал наш незнакомец, вдруг исчезла, ибо, как только дуэнья постучалась, узкая дверца королевской крепости распахнулась будто сама собой и тут же захлопнулась.

Молодой человек опешил, но, когда хорошенькая девушка, внушавшая ему робость, скрылась, проявил решительность и тут же нашел выход.

Перед воротами королевской крепости Шатле важно расхаживал стражник с пикой на плече. Наш юный незнакомец взял пример с до-

стопочтенного часового и, отойдя в сторону, чтобы не привлекать к себе внимания, но не теряя из виду ворота, с героической отвагой приступил к той караульной службе, которую часто несут влюбленные.

Если читателю доводилось попадать в такое положение, он, должно быть, заметил, что одно из лучших средств скоротать время на часах — это завести разговор с самим собой.

Очевидно, молодой человек привык нести караульную службу, ибо, не успев приступить к делу, он произнес такой монолог:

— Разумеется, она живет не здесь. Нынче утром после службы и два последних воскресенья, когда я осмелился следовать за нею лишь глазами, — и сваял же я дурака! — она свернула по набережной не направо, а налево, к Нельским воротам и Пре-о-Клер, черт возьми! Что ей понадобилось в королевской крепости? Ну что ж, посмотрим. Она пришла проведать узника... быть может, брата. Бедняжка! Как она, должно быть, горюет. Ведь ее доброта, конечно, равна ее красоте. Тьфу ты пропасть! До чего же хочется подойти к ней, спросить без обиняков, кто у нее там, и предложить свои услуги! Если узник ее брат, я откроюсь во всем учителю и попрошу у него совета. Ведь учитель бежал из замка Святого Ангела и, стало быть, знает, каким способом выбираются из тюрьмы. Итак, я спасаю ее брата. После такой услуги ее брат становится моим закадычным другом. Он горит желанием услужить мне — человеку, который оказал ему такую услугу. Я признаюсь, что люблю его сестру. Он нас знакомит, я бросаюсь перед ней на колени, и уж тут-то она, разумеется, поднимет на меня свои глазки!

Понятно, куда может унести воображение влюбленного, когда он размечтается. Поэтому молодой человек очень удивился, услышав, что пробило четыре часа, и увидев, что сменился часовой.

Вот новый часовой стал нести караульную службу, а юноша все продолжал нести свою. Способ скоротать время был так удачен, что он решил снова им воспользоваться и принялся за монолог, не менее многословный, чем первый:

— Как она прекрасна! Как грациозна ее поступь, сколько целомудренного изящества в ее движениях, какое точеное лицо! Лишь великий Леонардо да Винчи¹ и божественный Рафаэль² — лишь одни они во всем мире, да и то, когда талант их был в расцвете, могли бы воспроизвести образ этого чистого и непорочного создания! О боже, отчего я не живописец, а гравер, ваятель, эмалировщик, золотых дел мастер! Впрочем, будь я живописцем, мне не надобно было бы все время видеть красавицу, чтобы создать ее портрет. Мне бы непрерывно мерещились ее громадные голубые глаза, дивные белокурые волосы, белоснежное личико, тоненький стан. Был бы я живописцем, я вопло-

¹ Леонардо да Винчи (1452—1512) — великий итальянский художник и ученый эпохи Возрождения.

² Рафаэль Санти (1483—1520) — великий итальянский художник и архитектор эпохи Возрождения.

шал бы красавицу во всех своих полотнах, как Рафаэль Санти — Форнарину и Андреа дель Сарто¹ — Лукрецию. Да ее и сравнивать нельзя с Форнариной! Ну конечно, ни та, ни другая недостойны развязывать шнурки на ее башмачках! Во-первых, Форнарина...

Не успел юноша докончить сравнение, которое, что вполне понятно, льстило его избраннице, как пробили часы.

Во второй раз сменился дозорный.

— Шесть часов... Просто удивительно, до чего быстро бежит время, — пробормотал юноша. — А если оно бежит так быстро, когда ждешь ее, то как же оно, должно быть, летит, если ты рядом с нею! О, если ты рядом с нею, времени не существует — ведь попадаешь в рай! Был бы я рядом с нею, любовался бы без конца ее красотой, и так бы текли часы, дни, месяцы — вся жизнь! О господи, какая была бы счастливая жизнь!

И молодого человека охватил восторг, ибо перед его глазами — глазами художника, — словно живая, промелькнула его возлюбленная.

В третий раз сменился часовой.

Восемь часов пробило во всех приходских церквях, стало смеркаться. Судя по всему, и триста лет назад в июле темнело к восьми часам, точь-в-точь как в наши дни: но, пожалуй, удивительно не это, а баснословное постоянство влюбленных XVI века. В те времена все было möglich и молодо, стойкие люди не останавливались на полпути ни в любви, ни в искусстве, ни в ратных делах.

Впрочем, терпение юного ваятеля, ибо теперь мы знаем, чем занимался незнакомец, было в конце концов вознаграждено. Он увидел, что ворота тюрьмы в двадцатый раз отворились, пропустив ту, которую он ждал. Та же матрона шла с ней рядом, а шагах в десяти их сопровождали два вооруженных стража. И снова все они зашагали по той же дороге, что и пять часов назад: прошли Мельничный мост, Бочарную улицу, мост Святого Михаила, набережные и, не доходя шагов трехсот до церкви Августинцев, остановились в закоулке у массивных ворот, рядом с которыми виднелась калитка. Дуэнья постучалась, и привратник тотчас отворил калитку. Двое стражников, отвесив глубокий поклон, отправились в обратный путь, к Шатле, а юный ваятель снова застыл перед воротами.

По всей вероятности, он так бы и простоял здесь до самого утра, ибо он уже в четвертый раз начал строить воздушный замок, но по воле случая на него наскочил какой-то подвыпивший прохожий.

— Эй, приятель! — воскликнул прохожий. — Позвольте-ка, человек вы или столб? Если столб, то стойте на месте, и я вас уважаю, а если человек, посторонитесь, дайте дорогу!

— Извините, — произнес рассеянный молодой человек. — Но я чужеземец, не знаю славного города Парижа и...

— Ну, тогда дело другое. Француз гостеприимен, и мне надобно просить у вас прощения. Значит, вы чужеземец... Отлично. Раз вы сказали о себе, следует и мне о себе сказать. Я школяр и писец, а зовут меня...

¹ Андреа дель Сарто (1486—1531) — известный итальянский живописец.

— Простите, — перебил его юноша-ваятель, — но, прежде чем узнать, кто вы, мне хотелось бы узнать, где я нахожусь.

— У Нельских ворот, дружище. А вот и Нельский замок, — добавил школяр, указывая на массивные ворота, с которых не сводил глаз чужеземец.

— Вот оно что! А как выйти на улицу Святого Мартена, где я живу? — спросил влюбленный юноша просто из учтивости и надеясь отвязаться от собеседника.

— Как вы сказали? Улица Святого Мартена? Пойдемте, я вас провожу, мне как раз по пути. На мосту Святого Михаила я вас покину и укажу, как пройти дальше. Так вот, значит, я школяр, возвращаюсь с Пре-о-Клер, а зовут меня...

— А вы знаете, кому принадлежит Нельский замок? — спросил юноша.

— Еще бы! Как же мне не знать, раз это имеет отношение к университету!¹ Нельский замок, молодой человек, принадлежит его величеству королю, а ныне перешел во владение парижского прево² Робера д'Эстурвиля.

— Как, там живет парижский прево?! — воскликнул иностранец.

— Сын мой, я и не думал говорить, будто прево там живет, — возразил школяр, — Прево живет в Шатле.

— Ах, вот что — в Шатле! Как же случилось, что он живет в Шатле, а король пожаловал ему Нельский замок?

— Вот в чем тут дело. Король даровал в свое время Нельский замок нашему байи,³ человеку в высшей степени почтенному, который защищал права и вел судебные дела университетских школяров, и вел он их по-отечески. Великолепнейшая должность! На беду, наш превосходный байи был до того справедлив, до того справедлив к нам... что вот уже два года, как его власть упразднена под предлогом, что он спит на судебных заседаниях, хотя ясно, что слово «байи» происходит от «бай-бай». Итак, должность его упразднена, и охранять Парижский университет поручено парижскому прево. Охранитель отменный, ей-богу! Хорошо, что мы сами себя охраняем... Итак, вышеупомянутый прево... ты слушаешь, приятель?.. Вышеупомянутый прево — а руки у него загребущие — решил, что раз к нему перешли обязанности байи, то ему полагается наследовать и его владения, и он потихоньку завладел Нельскими замками — Большим и Малым, при покровительстве госпожи д'Этамп.

— И все же, судя по вашим словам, он не живет в замке.

¹ Парижский университет в Средние века представлял собой замкнутую корпорацию и пользовался рядом привилегий: имел свое самоуправление, свой суд, был освобожден от налогов и т. п. При Франциске I университет стал превращаться в государственное учреждение и был подчинен судебной власти парижского прево.

² Прево — государственный чиновник в феодальной Франции, имевший судебные и военные полномочия. Парижский прево руководил всей жизнью города.

³ Байи (или балы) — чиновник в феодальной Франции, вершивший суд от имени короля или сеньора.

— И не думает, скареда! Однако я слышал, что там приютилась дочь или племянница старого Кассандра¹, красотка по имени Коломба или Коломбина, точно не знаю. Он ее держит взаперти в Малом Нельском замке.

— А-а, вот оно что! — воскликнул художник, задыхаясь от волнения — ведь он в первый раз услышал имя владычицы своего сердца. — По-моему, это просто вопиющее беззаконие! Поселить девушку в таком огромном замке вдвоем с дуэньей!..

— Не с луны ли ты свалился, о чужеземец? Или ты не знал, что беззаконие — вещь вполне естественная и что мы, бедняки-писцы, вшестером ютимся в тесной лачуге, а у важного вельможи пустует такое вот огромное имение с садами, дворами, залом для игры в мяч!

— Как, там есть зал для игры в мяч?

— Великолепнейший, брат, великолепнейший!

— Но ведь Нельский замок — владение короля Франциска Первого?

— Разумеется, но что прикажешь делать со своим владением королю Франциску Первому?

¹ К а с с а н д р — один из постоянных персонажей итальянской народной комедии масок — неверчивый старик, которого обманывают юные влюбленные.

- Передать другим, раз прево там не живет.
 - Ну что ж, попроси, пусть отдаст тебе!
 - А почему бы и не отдать?.. А вы любите игру в мяч?
 - Безумно.
 - В таком случае приглашаю вас в следующее воскресенье составить мне партию.
 - Куда?
 - В Нельский замок.
 - По рукам, монсеньор управляющий королевскими замками!..
- Послушай-ка, надобно все же тебе знать, как меня зовут...

Но чужеземец узнал все, что ему хотелось знать, а остальное, по всей вероятности, его мало заботило. Вот почему он и пропустил мимо ушей рассказ приятеля, поведавшего со всеми подробностями о том, что зовут его Жак Обри, что он школяр в университете и сейчас возвращается с Пре-о-Клер, что нынче он выпил вопреки всем своим правилам.

Когда молодые люди очутились на улице Арфы, Жак Обри указал ваятелю дорогу, которую тот знал лучше его, затем они назначили друг другу свидание на следующее воскресенье в полдень у Нельских ворот и расстались, причем один пошел своей дорогой напевая, другой — мечтая.

А тому, кто мечтал, было о чем помечтать, ибо в тот день он узнал больше, чем за целых три недели.

Он узнал, что любимая девушка живет в Малом Нельском замке, что она, кажется, дочь парижского прево, господина Робера д'Эстурвиля, и что ее имя Коломба. Как мы видим, юноша не потерял времени даром.

Погрузившись в мечты, он свернул на улицу Святого Мартена и остановился перед великолепным зданием, над подъездом которого красовался лепной герб кардинала Феррарского. Он постучал три раза.

- Кто там? — тут же отозвался свежий, звонкий голосок.
- Это я, мадемуазель Катерина, — ответил неизвестный.
- Кто это — я?
- Асканио.
- А, наконец-то!

Ворота отворились, и Асканио вошел.

Прехорошенькая девушка лет восемнадцати—двадцати, пожалуй, слишком смуглая, пожалуй, слишком низенькая и слишком живая, но зато чудесно сложенная, радостно встретила юношу.

— Вот он, беглец! Вот он! — воскликнула она и побежала, вернее, помчалась впереди Асканио, чтобы возвестить о его приходе, нечаянно потушив светильник, который держала в руках.

Она даже не закрыла ворота, но их запер Асканио, не такой ветренный, как она.

Молодой человек остался в темноте по милости стремительно убежавшей Катерины, но он уверенным шагом пересек довольно обширный мошениый двор, между плитами которого пробивалась трава, а вокруг темными громадами возвышались какие-то неудобные строения.

Впрочем, таким мрачным и сырым и надлежит быть кардинальскому обиталищу. Правда, сам хозяин и не жил там с давних пор. Асканио избежал на крыльцо по замшелым, позеленевшим ступеням и вошел в просторный зал, единственный освещенный зал во всем доме — нечто вроде монастырской трапезной, обычно унылой, темной и пустой, но два месяца назад наполнившейся светом, весельем, шумом.

И в самом деле, вот уже два месяца в этой огромной и холодной трапезной жил, работал, смеялся целый деятельный и веселый мирок; вот уже два месяца огромный зал словно поубавился, потому что в нем появились десять верстаков, две наковальни, а в глубине — самодельный кузнечный горн. На побуревших стенах висели рисунки, модели, полки с клещами, молотками и напильниками, шпаги с чудесными, узорчатыми рукоятками и лезвиями филигранной работы, воинские доспехи — шлемы, латы, щиты с золотыми насечками, изображениями богов и богинь, словно созданных для того, чтобы вы забыли, любуясь орнаментом, о назначении оружия. Свет вливался в окна, растворенные настежь, и пение ловких и жизнерадостных подмастерьев оглашало воздух.

Трапезная кардинала превратилась в мастерскую золотых дел мастера.

Однако в тот вечер, 10 июля 1540 года, воскресное безделье на время погрузило оживленный зал в тишину, царившую там целое столетие. Светильник, будто найденный при раскопках Помпеи — так чисты и изящны были его линии, — освещал неубранный стол и остатки роскошного ужина, свидетельствовавшие о том, что нынешние обитатели кардинальского дворца не прочь были иногда отдохнуть, но не были охотниками поститься.

Когда Асканио вошел в мастерскую, там было четыре человека: старая служанка, убиравшая со стола, Катерина, зажигавшая светильник, молодой художник, сидевший в углу и ждавший, когда Катерина поставит светильник на место, чтобы приняться за рисование, и хозяин мастерской, который стоял, скрестив руки и опираясь на кузнечный горн.

Его-то прежде всего и заметил юноша, войдя в зал.

Удивительной энергией и силой дышало лицо этого необыкновенного человека, привлекая внимание даже тех, кому не хотелось его замечать. То был сухощавый, рослый, сильный человек лет сорока, но лишь резец Микеланджело¹ или кисть Риберы² могли бы изобразить его тонкий, решительный профиль, написать смуглое, выразительное лицо или воссоздать весь смелый, величественный облик. Его высокий лоб оттеняли густые брови, и казалось, они вот-вот нахмурятся; ясные, честные, пронизательные глаза порой метали мол-

¹ Микеланджело Буонарроти (1475—1564) — великий итальянский художник, скульптор и архитектор эпохи Возрождения. Созданные им грандиозные образы полны силы и движения.

² Рибера Хусепе (1591—1652) — выдающийся испанский художник, произведение которого отмечены суровой правдивостью.

нии в царственном гневе; добрая и снисходительная, но вместе с тем чуть насмешливая улыбка и очаровывала, и внушала робость. Он по привычке поглаживал черные усы и бороду. Его довольно крупная рука с длинными пальцами — ловкая, умелая, крепкая и при всем том тонкая, породистая, изящная, его манера смотреть, говорить, поворачивать голову, живость, выразительные, но не резкие движения, небрежная поза, в которой он стоял, когда вошел Асканио, — словом, весь его облик дышал силой: отдыхающий лев оставался львом.

Поразителен был контраст между Катериной и художником — учеником Бенвенуто, рисовавшим в уголке. Он был мрачен, нелюдим, морщины уже избороздили его узкий лоб, глаза были полузакрыты, губы сжаты; она же была весела, как птичка, свежа, как распустившийся цветок. Ее ясные глаза смотрели лукаво, а губы то и дело улыбались, обнажая белоснежные зубки. Юноша забился в угол; он был медлителен, вял и, казалось, боялся сделать лишнее движение. Катерина же бегала, вертелась, прыгала, не могла усидеть на месте — жизнь была в ней ключом. Этому молодому, беззаботному созданию надо было двигаться, оно не ведало душевных тревог.

Девушка-резвушка напоминала жаворонка — такой она была живой, так звонок и чист был ее голос, так весело, легко и беспечно принимала она жизнь, в которую недавно вступила. Отлично подходило к ней прозвище Скоццоне, как окрестил ее хозяин мастерской, что на итальянском языке означало и означает еще в наши дни нечто вроде «сорвиголова». Миловидная, прелестная, по-детски шаловливая, Скоццоне была душой мастерской: она пела, и все притихали; смеялась, и все смеялись вместе с ней; приказывала, и все подчинялись. Ее капризы и причуды никого не сердили.

История жизни девушки — старая история; быть может, мы еще к ней вернемся. Катерина была сиротой, вышла из народа, на ее долю выпало много злоключений... Но девушке улыбнулось счастье, и она с такой искренностью, с такой наивностью радовалась, что ее веселье передавалось всем окружающим и все радовались ее радости.

Итак, мы познакомили вас с новыми действующими лицами, а теперь будем продолжать наш рассказ.

— А-а, вот и ты! Где же пропал? — спросил учитель у Асканио.

— Как — где? Ходил по вашему поручению, учитель.

— Все утро?

— Все утро.

— Признайся, ты слонялся в поисках приключений!

— Каких приключений, учитель? — пробормотал Асканио.

— Да откуда мне знать!

— Ах ты господи, до чего же вы бледны, Асканио! — воскликнула

Скоццоне. — Вы, вероятно, не ужинали, господин бродяга?

— А ведь правда не ужинал! — отвечал юноша. — Совсем позабыл.

— О, в таком случае я согласна с учителем!.. Подумайте только, Асканио не ужинал! Значит, он влюблен... Руперта! Руперта! Ужинать мессеру¹ Асканио, да поживей!

Служанка принесла яства, оставшиеся от ужина, и молодой человек накинудся на угощение. Да и как же ему было не проголодаться — ведь он столько времени простоял на открытом воздухе!

Скоццоне и учитель, улыбаясь, смотрели на юношу: она — с сестринским участием, он — с отцовской нежностью. Художник, сидевший в углу, поднял голову в тот миг, когда вошел Асканио; но он снова склонился над работой, как только Скоццоне поставила на место светильник, который схватила, когда побежала открывать дверь.

— Я же сказал вам, учитель, что весь день бегал по вашим делам, — промолвил Асканио. Он заметил, как лукаво и внимательно поглядывают на него ваятель и Скоццоне, и, очевидно, хотел перевести разговор на другую тему.

— По каким же делам ты бегал целый день?

— Да ведь вы сами сказали вчера, что освещение здесь не годится и что вам надобна другая мастерская.

— Разумеется.

— Я и нашел мастерскую.

— Ты слышишь, Паголо? — обратился учитель к художнику.

— Что вы сказали, учитель? — произнес тот, снова поднимая голову.

— А ну-ка, прекрати рисовать да иди сюда! Послушай, что рассказывает Асканио. Он нашел мастерскую!

— Извините, учитель, но мне и отсюда слышно каждое слово моего друга Асканио. Мне хотелось бы закончить набросок. Право, тут нет греха — раз ты благоговейно выполнил долг христианина в воскресенье, займись на досуге кое-какими полезными делами: работать — значит молиться.

— Друг мой Паголо, — заметил, покачав головой, учитель скорее грустным, нежели сердитым тоном, — поверь мне: лучше бы ты работал поусидчивее и постарательнее на неделе и развлекался, как наши добрые товарищи, в воскресенье. А ты лодырничаете в будни и лицемерно стараешься отличиться, выказывая столько рвения в праздничные дни. Но ты сам себе господин, поступай, как тебе заблагорассудится... Ну, рассказывай, Асканио, сынок, — продолжал он, и в его голосе прозвучали бесконечная нежность и задушевность, — что ты нашел?

— Нашел чудесную мастерскую.

— Где же?

— Знаете ли вы Нельский замок?

— Превосходно знаю. То есть я проходил мимо, а заходить не доводилось.

— Но снаружи он вам нравится?

— Еще бы, черт возьми! Но...

— Что — но?

¹ Мессер — господин.

— Но разве он не занят?

— Занят парижским прево, господином Робером д'Эстурвилем. Прево завладел замком, не имея на то никакого права. Кроме того, для успокоения совести мы можем ему оставить Малый Нельский — там, кажется, живет кто-то из его родственников — и удовольствоваться Большим Нельским замком со всеми его дворами, лужайками, залами для игры в шары и мяч.

— Там есть зал для игры в мяч?

— Получше, чем зал Санта-Кроче во Флоренции.

— Клянусь Бахусом¹, это моя любимая игра! Ты же знаешь, Асканио.

— Знаю. И кроме того, учитель, замок превосходно расположен: сколько там воздуха, и какого воздуха — деревенского! Не то что здесь, в этом отвратительном закоулке — ведь мы тут плесневеем, солнца не видим. А там с одной стороны Пре-о-Клер, с другой — Сена и король, король в двух шагах в своем Лувре.

— Кому же принадлежит этот волшебный замок?

— Кому? Черт возьми, королю!

— Королю?.. Повтори-ка, что ты сказал: Нельский замок принадлежит королю?

— Именно ему. Остается одно — узнать, согласится ли король пожаловать вам это великолепное уголье.

— Кто — король? Как его зовут, Асканио?

— Франциск Первый, конечно.

— А это значит, что через неделю Нельский замок будет моим.

— Но парижский прево, пожалуй, разгневется.

— А мне какое дело!

— А если он не захочет уступить по доброй воле?

— Не захочет? Как меня зовут, Асканио?

— Бенвенуто Челлини, учитель.

— А это значит, что ежели достойный прево не захочет по своей воле отступить от замка, то его заставят силой... Ну, а теперь пора спать. Поговорим обо всем завтра. Утро вечера мудренее.

И по знаку учителя каждый ушел на покой, кроме Паголо, который еще некоторое время работал, сидя в углу; но как только ученик решил, что все улеглись, он встал, осмотрелся, подошел к столу, налил полный бокал вина и, мигом осушив его, тоже отправился спать.

Глава вторая

ЗОЛОТЫХ ДЕЛ МАСТЕР XVI ВЕКА

Да позволят нам читатели, раз уж мы нарисовали портрет Бенвенуто Челлини и упомянули его имя, углубить чисто литературную тему нашего повествования и сделать небольшое отступление, рассказав об этом необыкновенном человеке, вот уже более двух месяцев жившем

¹ Бахус (*греч. миф.*) — бог вина и веселья.

во Франции, ибо ему суждено стать, о чем легко догадаться, одним из главных персонажей книги.

Однако сначала скажем несколько слов о том, что представлял собой ювелир XVI века.

Есть во Флоренции мост, называемый Старым мостом. Он еще и поныне застроен домами; в этих домах помещались мастерские золотых и серебряных изделий.

Правда, то не были изделия в современном понимании: выделка золотых и серебряных вещей в наши дни — ремесло; прежде это было искусство.

Потому-то и не было на свете ничего чудеснее этих мастерских или, вернее, предметов, их украшавших; были там округлые ониксовые кубки, опоясанные извивающимися драконами, — сказочные чудовища вздымали головы, простирали лазурные крылья, усыпанные золотыми звездами, и, разинув огнедышащие пасти, грозно смотрели друг на друга своими рубиновыми глазами. Были там агатовые кувшины, увитые веткой плюща, — изгибаясь в виде ручки, она закруглялась

над самым горлышком; а в изумрудной листве скрывались чудесные райские птицы, покрытые эмалью; они были совсем как живые, так и казалось, что вот-вот запоют. Были там урны из ляпис-лазури, над ними свешивали головки, словно собираясь утолить жажду, две ящерицы, вычеканенные так искусно, что всякому, кто глядел на их переливчатые золотые спинки, чудилось, будто и чуть слышный шорох вспугнет ящериц и они укроются в трещине на стене. Были там и чаши, и дароносицы, и бронзовые, золотые, серебряные медали; все было усыпано драгоценными камнями, словно в ту эпоху люди находили рубины, топазы, гранаты и алмазы в речном песке или придорожной пыли; наконец, были там нимфы, наяды, боги, богини — весь сияющий Олимп вперемешку с распятиями, крестами, с изображениями Голгофы; скорбящие мадонны и Венеры, Христа и Аполлоны, Юпитеры, метавшие громы и молнии, и Иеговы, созидающие миры.

И все это было не только искусно выполнено, но задумано с поэтическим вдохновением; не только прелестно, как прелестны безделушки для украшения дамского будуара, но великолепно, как величайшие произведения искусства, которые могут обессмертить царствование короля или дух нации.

Правда, ювелиры той эпохи звались: Донателло Гибerti¹, Гирландайо² и Бенвенуто Челлини.

Сам Бенвенуто Челлини рассказывал в своем жизнеописании, более увлекательном, нежели самый увлекательнейший роман, о полной опасных приключений жизни художников XV и XVI веков, когда Тициан³ писал, надев латы, а Микеланджело ваял со шпагой на боку, когда Мазаччо⁴ и Доменикино⁵ были отравлены, а Козимо⁶ запирался на замок, стараясь так закалить сталь, чтобы она резала порфир.

Мы познакомим читателя с Бенвенуто Челлини, поведав лишь об одном эпизоде из его жизни: о том, что привело его во Францию.

Бенвенуто жил в Риме, куда призвал его Климент VII, и с увлечением работал над прекрасной церковной чашей, которую заказал ему папа; но художнику хотелось самым тщательным образом отделать драгоценную чашу, и поэтому работа подвигалась очень медленно. У Бенвенуто, разумеется, было множество завистников, потому что он получал выгодные заказы от герцогов, королей и пап и выполнял заказы с непревзойденным мастерством. И в конце концов случилось

¹ Гибerti Донателло (1386—1466) — выдающийся итальянский скульптор.

² Гирландайо Доменико Бигорди (1449—1498) — флорентийский живописец.

³ Тициан (Тициано Вечеллио (1489—1576) — великий итальянский живописец венецианской школы.

⁴ Мазаччо Томмазо (1401—1428) — один из крупнейших итальянских художников эпохи раннего Возрождения.

⁵ Доменикино (Доменико Цампьеро (1581—1641) — видный итальянский художник, родом из Болоньи.

⁶ Козимо Медичи (1519—1547) стал герцогом в 1537 году; путем жестокого террора укрепил свою власть во Флоренции и, объединив в своих руках всю Тоскану, стал называться Козимо I, герцог Тосканский.

так, что один из его собратьев — ювелир, по имени Помпео, лентяй и клеветник, — воспользовался промедлением в работе Челлини и стал порочить его в глазах папы. Ежедневно, не зная ни отдыха, ни срока, Помпео возводил на Бенвенуто напраслину, то втихомолку, то во всеуслышание уверяя, будто он никогда не сделает чашу, потому что очень занят и якобы выполняет другие работы в ущерб заказам его святейшества.

Козни досточтимого Помпео сделали свое дело. Однажды он вошел, сияя от радости, в мастерскую Бенвенуто Челлини, который сразу догадался, что Помпео принес дурные вести.

— Ну вот, любезный брат, — произнес Помпео, — я пришел к вам, дабы освободить вас от вашей трудной повинности. Его святейшество хорошо понимает, что вы не можете закончить чашу не из-за недостатка усердия, а из-за недостатка времени. Поэтому его святейшество решило избавить вас от некоторых важных дел и по самоличному побуждению освобождает вас от обязанности гравера Монетного двора. Отныне у вас будет дукатов на девять в месяц меньше, зато в день на час больше времени.

Бенвенуто Челлини вскипел и готов был вышвырнуть глумителя в окно, но сдержался — ни один мускул не дрогнул на его лице, и Помпео решил, что удар не достиг цели.

— Да, вот еще что, — продолжал он, — уж не знаю почему, невзирая на мое заступничество, его святейшество требует, чтобы вы тотчас же отдали ему чашу — притом в любом виде. Право, боюсь, дорогой Бенвенуто, что его святейшество намерен поручить завершение чаши другому ювелиру. По-дружески предупреждаю вас об этом.

— Ну уж нет! — воскликнул золотых дел мастер, подскочив так, будто его ужалила змея. — Чаша принадлежит мне, как принадлежит папе управление Монетным двором. Его святейшество имеет право потребовать лишь те пятьсот экю, которые мне выплатили вперед. А я завершу свое произведение, когда мне заблагорассудится.

— Берегитесь, маэстро, — заметил Помпео, — как бы отказ не привел вас в тюрьму!

— Вы осел, государь мой! — отвечал Бенвенуто Челлини.

Помпео ушел вне себя от ярости. На следующий день к Бенвенуто Челлини явились два камерария¹ святейшего отца.

— Мы пришли к тебе по повелению папы, — сказал один из них. — Тебе надлежит вернуть чашу, а затем мы тебя препроводим в тюрьму.

— Господа, — отвечал Бенвенуто, — такой человек, как я, достоин лишь таких стражников, как вы. Так и быть, ведите меня в тюрьму. Но предупреждаю вас: это ничуть не ускорит окончания папской чаши.

И Бенвенуто пошел с ними к начальнику королевской тюрьмы, который пригласил его к столу, — очевидно, по приказу папы. За обедом кастелян² замка Святого Ангела уговаривал Бенвенуто порадовать папу — отнести ему свое творение, уверяя, что, как только он подчинится, Климент VII, он хоть гневлив и упрям, удовольствуется одной его покорностью. Но Бенвенуто отвечал, что он уже шесть раз показывал святейшему отцу начатую чашу и что ничего другого папа не может от него требовать; кроме того, он знает, что его святейшеству доверяться нельзя — его святейшество, воспользовавшись своим положением, пожалуй, отнимет чашу да и отдаст какому-нибудь олуху, который ее испортит. Зато Бенвенуто повторил, что готов вернуть задаток — пятьсот экю. После чего в ответ на все настойчивые уговоры кастеляна Бенвенуто лишь расхваливал его повара и восхищался винами.

После обеда пришли земляки и близкие друзья Челлини, его ученики во главе с Асканио и стали умолять ваятеля не губить себя, не противиться воле Климента VII. Но, оказывается, Бенвенуто уже давно хотелось удостовериться в той великой истине, что ювелир может переупрямить папу. И раз представился такой отличный случай, о котором можно было только мечтать, он его не упустит, ибо такой случай, пожалуй, не повторится.

¹ Камерарий — должностное лицо при дворе, ведавшее сокровищами.

² Кастелян — смотритель замка или дворца.

Земляки Бенвенуто удалились, пожимая плечами. Друзья решили, что он сошел с ума, Асканио залился слезами.

По счастью, Помпео не забыл о Челлини и, пока все это происходило, говорил папе:

— Ваше святейшество, дозвоьте вашему слуге действовать. Я пошлю сказать этому упрямцу, что, если ему уж очень хочется, пусть возвращает пятьсот экю. Ведь Бенвенуто мот и расточитель — нет у него таких денег, поэтому ему придется вернуть чашу.

Климент VII нашел, что Помпео придумал чудесный выход, и позволил ювелиру поступать, как ему заблагорассудится. Поэтому в тот же вечер, когда Бенвенуто ввели в камеру в замке Святого Ангела, явился камерарий и сказал золотых дел мастеру, что святейшему отцу угодно тотчас же получить пятьсот экю или же чашу.

Бенвенуто отвечал, что отдаст пятьсот экю, как только вернется к себе в мастерскую.

Четверо стражников швейцарской гвардии¹ и камерарий проводили Бенвенуто домой. Придя к себе в опочивальню, Бенвенуто вынул из кармана ключ, открыл железный шкафчик, вделанный в стену, достал из большого кошелька пятьсот экю и, отдав их камерарию, выставил его за дверь вместе с швейцарцами-телохранителями.

Швейцарцы даже получили четыре экю за труды, что делает честь Бенвенуто Челлини, и, уходя, целовали ему руки, что делает честь швейцарцам.

Камерарий тотчас же воротился к святейшему отцу и передал ему пятьсот экю, что раздосадовало святейшего отца. Вспылив, он принялся бранить Помпео.

— Ступай сам за великим ваятелем в его мастерскую, скотина, — приказал папа, — и со всей учтивостью, на какую только способна твоя глупая голова, передай, что, ежели он согласен сделать мне чашу, я предоставлю ему любые льготы!

— Но, ваше святейшество, — отвечал Помпео, — не лучше ли отложить все это до завтрашнего утра?

— Даже нынче вечером и то поздно, дурень ты этакий! Я не желаю, чтобы Бенвенуто отошел ко сну с недобрим чувством ко мне. Тотчас же исполни мою волю, и чтобы завтра, проснувшись, я узнал о его согласии!

Помпео вышел из Ватикана сам не свой и отправился в мастерскую Бенвенуто. Она была закрыта. Он посмотрел в замочную скважину, посмотрел в дверные щели, оглядел все окна, надеясь, что хоть в одном брезжит свет, но все было погружено в темноту. Тут он тихонько постучался, во второй раз отважился постучаться погромче, а в третий еще громче.

Тогда во втором этаже открылось окошко, и показался Бенвенуто в рубашке, с аркебузом² в руке.

— Кто там? — спросил Бенвенуто.

— Это я, — ответил гонец.

— Кто это — я? — снова спросил ваятель, прекрасно узнавший своего недруга.

— Помпео.

— Лжешь! — произнес Бенвенуто. — Я превосходно знаю Помпео — такой трус не отважится в поздний час пройти по улицам Рима!

— Да я уверяю вас, дружище Челлини...

— Замолчи! Ты просто разбойник и выдаешь себя за бездельника Помпео, чтобы тебе открыли дверь, — собираешься меня ограбить.

— Маэстро Бенвенуто, да пусть я умру...

¹ Швейцарская гвардия славилась в Средние века своими высокими боевыми качествами; иностранные государи часто использовали швейцарцев как наемные войска.

² Аркебуз — старинное фитильное ружье.

— Еще одно слово, — крикнул Бенвенуто, наводя аркебуз на собеседника, — и твоё желание исполнится!

Помпео со всех ног бросился бежать по улице, зовя на помощь, и скрылся за углом.

Когда же он скрылся, Бенвенуто затворил окно, повесил аркебуз на гвоздь и снова улегся спать, посмеиваясь над тем, как припугнул Помпео.

На другой день, спускаясь в мастерскую, открытую час назад учениками, Бенвенуто Челлини увидел, что на противоположной стороне улицы стоит Помпео, который спозаранок явился сюда и ждал его появления.

Заметив Челлини, Помпео приветствовал его с таким сердечным и дружеским видом, с каким, вероятно, еще не приветствовал никого на свете.

— А-а, — воскликнул Челлини, — это вы, дражайший Помпео! Клянусь честью, я нынче ночью чуть было не проучил одного негодя — он посмел назваться вашим именем!

— Неужели? — воскликнул Помпео с натянутой улыбкой, шаг за шагом приближаясь к мастерской. — Да как же это случилось?

Бенвенуто рассказал посланцу его святейшества о том, что произошло, но Помпео так и не признался, что именно с ним Бенвенуто и разговаривал ночью, ибо ваятель обозвал его тогда трусом. Затем,

окончив рассказ, Челлини спросил Помпео, какому счастливому случаю обязан он чести в столь ранний час видеть у себя дорогого гостя.

Тогда Помпео стал рассказывать, разумеется кое-что опуская, о поручении Климента VII. Пока он говорил, лицо Бенвенуто Челлини прояснялось. Итак, Климент VII сдался. Ювелир переупрямял папу!

И, когда Помпео окончил речь, Бенвенуто сказал:

— Передайте его святейшеству, что я почту за счастье подчиниться ему и всеми силами постараюсь снова заслужить его милость, которую потерял не по своей вине, а по наветам завистников. Кстати, ведь у папы довольно много прислужников, не так ли? Пусть же, господин Помпео, — и так будет лучше для вас — ко мне отныне посылают другого слугу. Ради собственного благополучия не вмешивайтесь больше в мои дела, господин Помпео. Пожалейте себя — никогда не попадайтесь мне на пути! И, во имя спасения моей души, молитесь Богу, чтобы я не расправился с вами, как Юлий Цезарь с Помпеем¹.

Помпео поспешил убраться и, отправившись к папе, передал ему ответ Бенвенуто, впрочем промолчав о заключительной части речи.

Некоторое время спустя, желая окончательно примириться с Бенвенуто, Климент VII заказал ему медаль со своим изображением. Бенвенуто вычеканил ее из бронзы, серебра и золота и отнес папе. Климент VII пришел в восхищение и восторженно заявил, что и античные мастера не делали таких красивых медалей.

— Вот и хорошо, ваше святейшество! — сказал Бенвенуто. — А ведь не прояви я тогда твердости характера, мы бы навеки поссорились: я не простил бы вам обиды, и вы бы потеряли преданного слугу. Видите ли, святейший отец, — продолжал Бенвенуто предостерегающим тоном, — недурно иногда вспоминать поговорку простых здравомыслящих людей: «Семь раз отмерь — один раз отрежь!» Так-то, ваше святейшество. И вот еще что: вы хорошо сделаете, если запретите ябедникам и клеветникам дурачить вас. Все это я говорю для вашего же блага, и довольно об этом, святейший отец.

Таким образом, Бенвенуто простил Клименту VII. Разумеется, он не сделал бы этого, если бы не так его любил, но Бенвенуто был очень привязан к папе — своему земляку.

Поэтому он глубоко опечалился, когда через несколько месяцев после происшествия, о котором мы только что рассказали, папа скоротечно скончался. Бенвенуто, человек, наделенный железной волей, залился слезами, узнав об этом, и рыдал, как ребенок, целую неделю.

Вообще же смерть папы сыграла вдвойне роковую роль в жизни бедного Бенвенуто Челлини, ибо в день погребения он встретил Помпео, с которым не виделся с того утра, когда посоветовал ему больше не являться.

¹ Во время гражданской войны в Древнем Риме Юлий Цезарь (101—44 годы до н. э.) разбил войско своего соперника Гнея Помпея, который после этого был убит в Египте. Цезарь сделался неограниченным властителем Рима; это было начало перехода от сенатской республики к империи.

Нужно сказать, что после угроз Бенвенуто Челлини жалкий трус Помпео выходил лишь в сопровождении дюжины хорошо вооруженных наемников, которым он платил столько же, сколько папа — своим телохранителям-швейцарцам, и каждая прогулка по городу обходилась ему в два, а то и в три экю. Но даже в сопровождении дюжины сборов¹ он трясся от страха при мысли о встрече с Бенвенуто Челлини. Притом он знал, что, если в стычке с Бенвенуто случится беда, папа, в глубине души любивший мастера, расправится с ним, Помпео. Но вот, как мы уже сказали, Климент VII умер, и его смерть придала смелости Помпео.

Бенвенуто отправился в храм Святого Петра, чтобы припасть к ногам усопшего папы. Возвращался он из храма вместе с Асканио и Па-

¹ С б и р — городской стражник в Италии.

голо по улице Банчи и вдруг очутился лицом к лицу с Помпео и дюжиной его наемников. Заприметив врага, Помпео страшно побледнел, но, оглядевшись, увидел, что вокруг надежная охрана, а с Бенвенуто всего два юнца. Тут он расхрабрился и, остановившись, насмешливо кивнул Бенвенуто, а правой рукой, словно ненароком, взялся за рукоятку кинжала.

Завидев отряд, угрожавший учителю, Асканио обнажил шпагу, а Паголо прикинулся, будто смотрит в другую сторону. Бенвенуто не хотел подвергать своего любимого ученика опасности в таком неравном бою. Он схватил Асканио за руку и заставил его вложить шпагу в ножны; затем ваятель пошел дальше, словно ничего не видел или же будто то, что он видел, нисколько его не задевало. Асканио не узнавал своего учителя, но учитель отступил, и он отступил вместе с ним.

Помпео торжествовал и, отвесив глубокий поклон Бенвенуто, продолжал свой путь в окружении сбиров, которые, подражая ему, вели себя весьма вызывающе.

Бенвенуто, сдерживая гнев, до крови искусал себе губы, хотя и казался весел. Поведение знаменитого мастера было непостижимо для всякого, кто знал его вспыльчивый характер.

Но вот, пройдя шагов сто и поравнявшись с мастерской одного из своих собратьев по искусству, Бенвенуто вошел в дом, сказав, что якобы хочет взглянуть на древнюю вазу, недавно найденную при раскопках этрусских могильников в Корнето; при этом он велел своим ученикам идти домой, пообещав через несколько минут вернуться в мастерскую.

Он просто хотел удалить Асканио. И действительно, как только юноша и его спутник, о котором Бенвенуто тревожился гораздо меньше, зная, что Паголо не блещет отвагой, завернули за угол, он поставил вазу на место и выбежал из лавки.

Бенвенуто мигом очутился на той улице, где повстречался с Помпео, но Помпео уже там не оказалось. К счастью или, скорее, к несчастью, человека, окруженного дюжиной стражников, заметить нетрудно: Бенвенуто спросил у первого встречного, по какой дороге пошел Помпео, и ему тотчас же указали путь. И он, как ищейка, наведенная на след, ринулся вдогонку.

Помпео остановился у дверей аптечной лавочки на углу улицы Чивавика и рассказывал почтенному аптекарю о своей смелой выходке — о том, как отважно он бросил вызов Бенвенуто Челлини. Но вдруг он заметил, что сам Бенвенуто появился на углу, что глаза его горят, а лоб покрыт потом.

Бенвенуто закричал от радости, заметив своего врага, а Помпео осекся на середине фразы. Было ясно, что сейчас произойдет нечто ужасное. Наемники выстроились вокруг Помпео и вынули шпаги из ножен.

Нападать в одиночку на тринадцать человек было безумием, но, как мы уже говорили, Бенвенуто отличался поистине львиной храбростью и не вел счета врагам. На него было направлено тринадцать об-

наженных шпаг, а он выхватил из ножен небольшой острый кинжал, который всегда носил за поясом, пробился в самую середину отряда, одной рукой вырвал у врагов две-три шпаги, другой повалил наземь кое-кого из наемников, да так ловко, что мигом добрался до Помпео и схватил его за шиворот; но наемники тотчас же тесным кольцом окружили Бенвенуто.

И тут все смешалось в рукопашной схватке: раздавались крики; в воздухе мелькали лезвия шпаг; бесформенный живой клубок катался по земле. А спустя мгновение какой-то человек с победным кличем вскочил

на ноги и, сделав могучее усилие — перед тем он так же прорвался в самую середину отряда, — выбрался весь в крови, но торжествующе потрясая окровавленным кинжалом. То был Бенвенуто Челлини.

А другой человек в предсмертных судорогах катался по мостовой. Ему были нанесены две кинжальные раны: одна за ухом, другая возле ключицы, у самой шеи. Через несколько секунд он умер. То был Помпео.

Любой на месте Бенвенуто, поразив кого-нибудь насмерть, спасся бы бегством, но Бенвенуто, переложив кинжал в левую руку, зажал шпагу правой и с решительным видом стал ждать схватки с двенадцатью наемниками.

Но сбирыв и не думали нападать на Бенвенуто Челлини. Ведь тот, кто им платил, был мертв, а следовательно, платить не будет. И, оставив труп Помпео, они бросились наутек, как стая перепуганных зайцев.

В этот миг появился Асканио и, подбежав к учителю, обнял его. Юноша не поверил предлогу — этрусской вазе — и вернулся; но хотя он и очень спешил, все же на несколько секунд опоздал.

Глава третья ДЕДАЛ¹

Бенвенуто пошел домой вместе с Асканио несколько встревоженный: не ранами, которые ему нанесли, — они были легкие и на них он не обращал внимания, — а тем, что произошло. Полгода назад он отправил к праотцам Гасконти, убийцу своего брата, но избежал кары благодаря покровительству папы Климента VII; кроме того, смерть убийцы как бы была возмездием. Но теперь, когда покровитель Бенвенуто умер, положение стало более затруднительным.

Об угрызениях совести, конечно, не было и речи.

Да не составит читатель плохого мнения о нашем достойном мастере, который, убив одного, точнее, двух, а может быть, и трех человек, если хорошенько покопаться в его жизни, — весьма опасался сторожевого дозора, но отнюдь не страшился гнева Господня.

Ибо в 1540 году летосчисления нашего этот человек был для своего времени обыкновенным человеком, как и все, по выражению немцев. Да это и понятно. В те времена люди не страшились смерти и сами убивали хладнокровно; мы и теперь смелы, но наши предки были отважны до дерзости; мы люди зрелые, они же были молоды. В те времена люди были так щедры, что совершенно беззаботно теряли, давали, продавали и отнимали жизнь.

¹ Дедал — по греческому мифу, искусный строитель, который был заключен в созданный им же самый лабиринт и бежал оттуда необычным путем: он смастерил крылья из птичьих перьев, скрепленных воском, на которых поднялся в воздух вместе с сыном своим Икаром.

Жил-был один писатель, на которого долго возводили клевету, имя которого было синонимом вероломства, жестокости — словом, всего, что означает низость, и только в XIX веке, самом беспристрастном из всех веков в истории человечества, этого писателя, великого патриота и отважного человека, оправдали. А ведь единственная вина Никколо Макиавелли¹ заключалась в том, что он был сыном своего времени, когда все зависело от силы и успеха, когда люди уважали дело, а не слово и когда прямо к цели, не разбирая средства и не рассуждая, шли властитель Борджа,² мыслитель Макиавелли и ювелир Бенвенуто Челлини.

¹ Макиавелли, Никколо (1469—1527) — итальянский политический деятель и писатель. Считал, что только сильная монархическая власть может объединить раздробленную в его время Италию. В своей книге «Государь» оправдывал любые средства для достижения такой власти, вплоть до прямых преступлений.

² Борджа Цезарь (1476—1507) — один из членов знатного семейства Борджа, прославившегося алчностью и преступлениями, незаконный сын папы Александра VI. Цезарь Борджа прокладывал себе путь к власти обманом и предательством, ядом и кинжалом.

Однажды в городе Чезене на площади нашли труп, разрубленный на четыре части, — труп Рамиро д'Орко. А так как Рамиро д'Орко был важной персоной и занимал видное положение в Италии, то Флорентийская республика¹ пожелала узнать, что же послужило причиной его смерти. Восемь членов синьории республики написали Макиавелли, своему послу, прося удовлетворить их любопытство.

И Макиавелли ограничился таким ответом:

Досточтимые синьоры!

Ничего не могу поведать вам о смерти Рамиро д'Орко, кроме того, что Цезарь Борджа — владыка, который казнит и милует людей по их заслугам.

Макиавелли

Бенвенуто явился практическим воплощением теории знаменитого политического деятеля Флорентийской республики. Гениальный художник Бенвенуто и властитель Цезарь Борджа воображали, что, по праву сильного, они стоят выше закона. Различие между справедливостью и несправедливостью в глазах каждого из них заключалось лишь в одном: возможно ли это для него или невозможно — понятия о долге и праве для них не существовало.

Человек мешал — человека устранили.

В наши дни цивилизация оказывает ему честь, покупая его.

Но в те времена молодые нации были так полнокровны, что кровь пускали для здоровья. Нация сражалась с нацией, человек сражался с человеком по внутреннему побуждению, изредка во имя отечества, изредка во имя дамы, а чаще всего просто чтобы подраться. Бенвенуто объявил войну Помпею, как Франциск I² — Карлу V³. Франция и Испания вели поединок то в Мариньяно⁴, то в Павии⁵, не мудрствуя, не вдаваясь в объяснения, без пышных фраз, без жалких слов.

¹ Средневековая Италия была раздроблена на множество мелких государств, представлявших собой либо города-республики, где власть принадлежала богатому, либо княжества. Синьория — орган городского самоуправления в итальянских городах-республиках.

² Франциск I — король Франции с 1515 по 1547 год, сыгравший большую роль в становлении и укреплении французской абсолютной монархии. Завоевательные походы Франциска I в богатую Италию способствовали росту торговли и развитию французской буржуазии; при нем во Франции начался расцвет культуры Возрождения. Король Франциск покровительствовал искусствам и наукам, приглашал к своему двору итальянских мастеров, основал в Париже светский университет Французский Коллеж, сам занимался поэзией.

³ Карл V — король испанский с 1515 по 1556 год, происходивший из австрийского дома Габсбургов, был в 1519 году избран императором Священной Римской империи и стал властителем огромной феодальной державы, куда входили Испания с колониями, Нидерланды, австрийские, германские и итальянские земли. Это нанесло удар торговым интересам Франции и послужило причиной многолетней войны между Франциском I и Карлом V.

⁴ В сражении при Мариньяно, в Италии (1515), Франциск I одержал победу над швейцарскими войсками, сражавшимися на стороне Карла V.

⁵ В битве при Павии (1525) Франциск I потерпел поражение и был взят в плен испанцами.

И гениальность проявлялась непосредственно, как врожденное качество, как неоспоримое превосходство, как божественное право; в XVI веке творчество было явлением естественным.

Однако не следует удивляться людям той эпохи, которые ничему не удивлялись. И, чтобы объяснить убийства, содеянные ими, их причуды, их выходы, воспользуемся выражением, все объясняющим и оправдывающим во Франции, и особенно в наше время, — *так принято*.

Итак, Бенвенуто попросту делал то, что было принято: Помпео мешал Бенвенуто Челлини, и Бенвенуто Челлини устранил Помпео.

Однако полиция иногда собирала сведения о таких убийствах. Она остерегалась охранять человека, пока он был жив, зато иногда горела желанием покарать виновника его смерти.

Такое рвение она и проявила, преследуя Бенвенуто Челлини. Вернувшись домой, он едва успел сжечь кое-какие бумаги и положить несколько экю в карман, как явились папские сбирьы, арестовали его и препроводили в замок Святого Ангела, а это послужило немалым утешением для Бенвенуто, ибо он вспомнил, что в замке Святого Ангела все узники — дворяне.

Немало утешила также и приободрила ваятеля мысль, осенившая его, когда он вступил в замок Святого Ангела, — мысль о том, что человек, наделенный такой изобретательностью, какой был наделен он, так или иначе скоро отсюда выберется.

Поэтому, войдя в замок и увидев кастеляна, который восседал за столом, покрытым зеленой скатертью, и приводил в порядок груды бумаг, Бенвенуто сказал:

— Господин кастелян, утройте количество засовов, решеток и сторожей, заточите меня на самом верху башни или в глубоком подземелье, не спускайте с меня ни днем, ни ночью недремлющего ока, а я все равно убегу, предупреждаю вас!

Кастелян поднял глаза на узника, говорившего с такой поразительной самоуверенностью, и узнал бесстрашного Бенвенуто Челлини, которого три месяца назад имел честь угощать обедом. Невзирая на знакомство с Бенвенуто, а быть может, именно благодаря этому знакомству достойный кастелян, услышав его слова, пришел в глубочайшее смятение: у этого флорентинца, мессера Джоржо, кавалера из рода Уголино, почтенного человека, был немного помутнен рассудок. Впрочем, кастелян тотчас же оправился от удивления и отвел Бенвенуто в камеру, на самую вышку замка. Плоская крыша служила потолком камеры; по крыше прохаживался часовой, другой же стоял внизу у самой стены.

Кастелян обратил внимание узника на все эти подробности и, решив, что тот оценил их по достоинству, заметил:

— Любезный Бенвенуто, можно отомкнуть запоры, взломать двери, сделать подкоп в самом глухом подземелье, пробить стену, подкупить часовых, усыпить тюремщиков, но все равно с такой высоты не спустишься в долину, разве только на крыльях.

— А я все же спущусь! — отвечал Бенвенуто.

Кастелян посмотрел на него в упор и подумал, что пленник сошел с ума.

— Значит, вы полетите?

— Что ж, и полечу! Я-то всегда был уверен, что человек может летать. Только все времени не хватало попытаться. А здесь, черт возьми, времени у меня будет вдвойне, и мне хочется самому удостовериться. Приключению Дедала — истинное происшествие, а не выдумка.

— Берегитесь солнца, любезный Бенвенуто! — насмешливо отвечал кастелян. — Берегитесь солнца!

— А я улечу ночью, — сказал Бенвенуто.

Кастелян, не ждавший такого ответа, промолчал и удалился вне себя от ярости.

Действительно, Бенвенуто надо было бежать во что бы то ни стало. В иные времена — благодарение Богу! — ему нечего было бы тревожиться о содеянном убийстве: во искупление греха, ему довольно было бы в день Успения Богородицы участвовать в шествии, надев камзол и плащ из голубой тафты.

Но новый папа Павел III отличался невероятной злопамятностью. Когда он еще был кардиналом Фарнезе, Бенвенуто повздорил с ним из-за серебряной вазы. Дело в том, что художник отказался отдать ему вазу бесплатно, и его эминенция¹ чуть было не отнял ее силой, — вот почему Бенвенуто пришлось несколько грубо обойтись со слугами его эминенции. Кроме того, святейший отец был уязвлен тем, что король Франциск I обращался к нему через высокочтимого Монлюка, своего посла в Ватикане, с просьбой отпустить Бенвенуто во Францию.

Узнав о том, что Бенвенуто арестован, высокочтимый Монлюк пожелал оказать услугу бедному пленнику и стал просить еще настойчивее.

Однако он обманулся в характере нового папы — этот был упрямее, нежели его предшественник, Климент VII. Итак, Павел III поклялся, что Бенвенуто дорого заплатит за свою проделку. Быть может, Бенвенуто и не угрожала смертная казнь, ибо в те времена папе надо было все хорошенько обдумать, прежде чем отправить на виселицу такого знаменитого художника; зато узнику грозила другая опасность — о его существовании могли забыть.

Поэтому Бенвенуто нельзя было забывать о себе, и он решил бежать до следствия и судебного разбирательства; впрочем, их можно было так и не дожидаться, ибо папа, раздраженный вмешательством короля Франциска I, и слушать не желал о Бенвенуто Челлини.

Узник знал обо всем этом от Асканио, который вел дела в мастерской и навещал своего учителя, не без труда выхлопотав разрешение. Разумеется, на свиданиях их разделяли две решетки, и тут же стояли тюремщики, бдительно следившие, чтобы ученик не передал учителю напильник или веревку.

¹ Э м и н е н ц и я — титул католических епископов и кардиналов.

Итак, когда кастелян запер дверь камеры, Бенвенуто принялся все тщательно осматривать.

Вот что он увидел среди голых стен своего нового жилища: кровать, очаг, в котором можно было разводить огонь, стол с двумя стульями. Через два дня Бенвенуто раздобыл глину и стеку¹. Сначала кастелян отказал узнику в развлечении — лепке, но потом передумал, решив, что, быть может, так удастся отвлечь ваятеля от навязчивой идеи побега, которая, очевидно, им владела. В тот же день Бенвенуто начал лепить огромную Венеру.

То были лишь первые шаги, но при изобретательности, терпении и труде можно было многого добиться.

Однажды в декабре выдался очень холодный день, и в камере Бенвенуто Челлини развели огонь. Тюремщик переменил простыни и вышел, забыв их на стуле. Не успел он запереть дверь, как Бенвенуто вскочил, одним прыжком очутился у самого ложа, вытащил из тюфяка две громадные охапки кукурузных листьев, которыми в Италии набивают матрасы, впихнул вместо листьев две простыни, подошел к статуе, взял стеку и снова принялся за работу. В тот же миг тюремщик вернулся за простынями, обыскал все вокруг, спросил Бенвенуто, не

¹ Стека — лопаточка для лепки.

попадались ли они ему на глаза, но ваятель небрежно отвечал, прикидываясь, будто поглощен работой, что, вероятно, заходил кто-нибудь из служителей и взял белье или же сам тюремщик нечаянно его унес. Тюремщик ничего не заподозрил — ведь он вернулся тотчас же, а Бенвенуто отлично разыграл роль. Простыни не нашлись, и тюремщик предпочел умолчать о пропаже из страха, как бы его не заставили уплатить стоимость простыней или не выгнали.

Какие ужасные терзания, какую мучительную тревогу испытывает человек, когда решается его участь! Самые обыденные вещи становятся в тот час целыми событиями, радуют или приводят в отчаяние.

Как только тюремщик вышел, Бенвенуто бросился на колени и возблагодарил Господа Бога за ниспосланную ему помощь. Он мог спокойно оставить в матрасе свернутые простыни: кровать была послана — значит, тюремщик к ней не подойдет до утра.

Когда стемнело, он разорвал простыни, к счастью новые и довольно грубые, на полосы в три-четыре пальца шириной и свил из них крепкие веревки. Затем он вскрыл глиняное чрево статуи, выпотрошил его и запрятал туда свое сокровище, потом наложил на разрез ком глины и тщательно сгладил его пальцем и лопаткой: самый тонкий знаток не заметил бы, что бедной Венере произвели операцию. На следующий день в камеру, как всегда, неожиданно вошел кастелян, но узник, как всегда, спокойно работал. Каждое утро чудак-кастелян, которому Бенвенуто пригрозил ночным побегом, дрожал от страха, боясь, что камера окажется пустой. И надо сказать в похвалу ему: каждое утро он не утаивал радости, видя Бенвенуто Челлини.

— Должен признаться, из-за вас у меня нет покоя, Бенвенуто, — сказал чудак-кастелян. — Однако я начинаю думать, что вы напрасно угрожали мне побегом.

— Я не угрожал и не угрожаю, господин Джоржо, — ответил Бенвенуто, — я предупреждаю.

— Что ж, вы все еще надеетесь улететь?

— По счастью, это не пустая надежда, а, черт побери, уверенность!

— Что за дьявольщина! Каким же образом вы все это устроите, а? — воскликнул злосчастный кастелян, которого выводила из себя не то кажущаяся, не то искренняя уверенность Бенвенуто в том, что ему удастся улететь из тюрьмы.

— А это моя тайна, сударь. Но предупреждаю: крылья у меня растут.

Кастелян невольно взглянул на плечи своего пленника.

— Так-то, мессер кастелян! — продолжал Бенвенуто и все лепил свою статую — как видно, он задумал создать соперницу Венеры Калипита¹. — У нас с вами поединок, мы бросили друг другу вызов. В вашем распоряжении высокие башни, крепкие двери, надежные засовы, зоркие тюремщики; у меня же — голова да вот эти руки. И я вас предупреждаю: вы будете побеждены, так и знайте. Да, вот еще что... Вы из-

¹ Венера Калипита — античная статуя, изображающая богиню любви и красоты.

воротливы, вы приняли все меры предосторожности, поэтому, когда я улечу отсюда, да утешит вас сознание, что вы ничуть не виноваты, уважаемый Джоржо, что вам не в чем упрекать себя и что вы сделали все, уважаемый Джоржо, чтобы сгноить меня тут... Кстати, ваше мнение о моей статуе? Я-то ведь знаю, как вы любите искусство.

Самоуверенность узника раздражала кастеляна, человека недалекого. Его неотступно преследовала, сводила с ума мысль о побеге Бенвенуто. Она повергала его в уныние, лишала аппетита; он то и дело вздрагивал, как вздрагиваешь, если тебя внезапно разбудят.

Однажды ночью Бенвенуто услышал шум на плоской крыше, затем шум раздался в коридоре; он приближался и приближался, пока не затих возле самой камеры. Вдруг дверь распахнулась, и узник увидел господина Джоржо в халате и ночном колпаке, а за ним — четырех смотрителей и восьмерых стражников. Кастелян подбежал к постели Бенвенуто. Он был сам не свой. Бенвенуто приподнялся, сел на матрас и расхохотался ему прямо в лицо. Не обращая внимания на его смех, кастелян вздохнул, как вздыхает пловец, вынырнувший из воды.

— Ах, слава богу, — воскликнул он, — мой мучитель еще здесь! Вот уж правду говорят: сны — это враки!

— Что у вас стряслось? — спросил Бенвенуто Челлини. — Какой счастливой случайности я обязан видеть вас в такое позднее время, уважаемый Джоржо?

— Господи Иисусе! Все благополучно, и на этот раз я опять отделался испугом. Знаете ли, мне приснилось, что у вас выросли эти проклятушие крылья, притом огромные, и будто вы преспокойно парите над замком Святого Ангела да приговариваете: «Прощайте, любезный кастелян, прощайте! Не хотелось мне улетать, не попрощавшись с вами, ну, а теперь я исчезаю. И как же я рад, что никогда больше вас не увижу!»

— Неужели? Я так и сказал, уважаемый Джоржо?

— Так и сказали, слово в слово... Ох, Бенвенуто, мне на беду вас сюда прислали!

— Неужели вы считаете, что я так дурно воспитан? Хорошо, что это только сон, иначе я бы вам не простил.

— По счастью, ничего подобного не случилось. Я держу вас тут под замком, милейший, и хотя, должен сознаться, ваше общество мне не очень-то нравится, а все же я надеюсь продержать вас еще долго.

— Вряд ли вам это удастся! — отвечал Бенвенуто с самоуверенной усмешкой, выводящей из себя начальника крепости.

Кастелян вышел, посылая Бенвенуто ко всем чертям, а наутро велел тюремщикам каждые два часа и днем и ночью осматривать его камеру.

Так продолжалось целый месяц; но к концу месяца выяснилось, что нет причин считать, будто Бенвенуто готовится к бегству, и надзор за ним ослабили.

А меж тем именно весь этот месяц Бенвенуто провел в нечеловеческих трудах.

Как мы уже упоминали, Бенвенуто стал тщательно изучать камеру с той минуты, как вошел в нее, и с той самой минуты все его внимание сосредоточилось на одном: как способом бежать. Окно было зарешечено, а прутья решетки так прочно пригнаны, что вынуть их или расшатать лопаточкой для лепки было невозможно, — а ничего железного, кроме лопатки, у него не было. Дымовой ход был очень узок вверх, и узнику пришлось бы превратиться в змею, наподобие феи Мелюзины,¹ чтобы в него проскользнуть. Оставалась лишь дверь. Да, дверь! Посмотрим же, как она была сделана. Дубовая дверь в два пальца толщиной была заперта на два замка, задвинута на четыре засова, обшита изнутри железными листами, крепко-накрепко прибитыми сверху и внизу.

И путь на волю лежал через эту дверь.

Бенвенуто заметил, что в нескольких шагах от нее, в коридоре, есть лестница — по ней проходил часовой, когда на крыше менялся караул. Каждые два часа Бенвенуто слышал шум шагов: это по лестнице поднимался дозорный, а немного погодя другой дозорный спускался; потом через два часа снова раздавался шум шагов, и снова ровно два часа стояла непробудная тишина.

Вот всего-навсего в чем заключалась задача: надо было очутиться по ту сторону дубовой двери в два пальца толщиной, запертой на два замка, задвинутой четырьмя засовами и, кроме того, обшитой изнутри, как мы уже сказали, железными листами, крепко прибитыми сверху и внизу.

Итак, за этот месяц Бенвенуто выгацил при помощи стеки все гвозди, оставив напоследок лишь четыре верхних и четыре нижних; затем, чтобы никто ничего не приметил, он заменил их гвоздями из глины и покрыл головки железной оскоблиной, да так, что самый опытный глаз не отличил бы настоящих гвоздей от поддельных. Вверху и внизу двери было шестьдесят гвоздей, с каждым гвоздем приходилось возиться час, а то и два. Легко себе представить, каких трудов стоило узнику осуществить свой замысел.

По вечерам, когда все укладывались спать и слышались лишь шаги часового, ходившего над головой, узник разжигал в очаге жаркий огонь и подсыпал целую грудку горящих углей к железным листам, прибитым к низу двери. Железо раскалялось докрасна, постепенно превращая в уголь дерево, к которому было пришито; однако с противоположной стороны было незаметно, что дверь обуглилась.

Как мы уже сказали, Бенвенуто был поглощен работой весь месяц. Зато к концу месяца он все закончил — узник ждал лишь ночи, благоприятной для побега. Однако пришлось ждать несколько дней, ибо, когда он завершил работу, наступило полнолуние.

¹ Фея Мелюзина — добрая фея, персонаж французских средневековых легенд и рыцарских романов.

Бенвенуто вытащил все гвозди, и делать ему было нечего, но он продолжал раскалять железные листы на двери и изводить кастеляна.

Однажды кастелян вошел к нему с необыкновенно озабоченным видом.

— Милейший узник, — начал достопочтенный господин Джоржо, который находился во власти своей навязчивой идеи, — что же, вы все еще надеетесь улететь? Ну-ка, отвечайте откровенно.

— Как никогда, милейший хозяин, — отвечал Бенвенуто.

— Послушайте, — продолжал кастелян, — можете болтать все, что вам угодно, но ведь, откровенно говоря, это невозможно.

— Невозможно для вас, господин Джоржо, для вас невозможно! — подхватил ваятель. — Но вы же прекрасно знаете — это слово для меня не существует. Я привык делать то, что для простых смертных невозможно, и, знаете ли, даже с успехом, милейший хозяин! Не состязался ли я забавы ради с природой, создавая из золота, изумрудов и алмазов цветы прекраснее всех цветов, покрытых жемчужными каплями росы? Или вы думаете, что тот, кто создает цветы, не может создать крылья?

— Господи помилуй, — возопил кастелян, — да из-за вашей неслышанной самоуверенности я скоро голову потеряю! Скажите, какую же форму придадите вы крыльям? Ведь они должны поддерживать вас в воздухе... Хоть мне сдается, что все это невозможно.

— Разумеется, я и сам много размышлял над этим, ибо от формы крыльев зависит мое благополучие.

— Ну и что же?

— А вот что: если понаблюдаешь за существами, наделенными крыльями, то увидишь, что успешно воссоздать крылья, данные им Богом, можно, лишь взяв за образец нетопыря.

— Но помилуйте, Бенвенуто! — возразил кастелян. — Положим, способ найден и вы крылья изготовили. Неужели у вас хватит мужества ими воспользоваться?

— Снабдите меня всем нужным для их изготовления, милейший кастелян, и я вместо ответа полечу.

— А что вам нужно?

— Ах, боже мой, нужны сущие пустяки: маленькая кузница, наковальня, напильники, клещи и шипцы для изготовления пружин да локтей двадцать клеенки для перепончатых крыльев.

— Хорошо, хорошо, — произнес мессер Джоржо. — Ну, прямо гора с плеч: хоть вы и умны, а здесь вам ничего такого не удастся раздобыть.

— А у меня уже все есть, — ответил Бенвенуто.

Кастелян подскочил на стуле, но тотчас же сообразил, что сделать крылья в тюрьме человек не в силах. И все же эта нелепая мысль не давала покоя его больной голове. В каждой птице, пролетающей перед окном, он видел Бенвенуто Челлини — так велико бывает влияние гениального ума на заурядный умишко.

В тот же день господин Джоржо послал за самым искусным мастером в Риме и приказал ему сделать крылья по форме крыльев нетопыря.

Остолбенеv от изумления, мастер молча смотрел на кастеляна, не без основания полагая, что тот сошел с ума.

Но господин Джоржо настаивал. А ведь господин Джоржо был богат, и если господин Джоржо делал глупости, то ему по средствам было их оплачивать. Поэтому мастер взялся за порученное дело и через неделю принес пару великолепных крыльев, которые прилаживались к телу при помощи железного корсета, приводились в движение чрезвычайно замысловатыми пружинами и действовали самым надежным образом.

Мессер Джоржо уплатил за аппарат условленную цену, измерил крылья, поднялся к Бенвенуто Челлини и, не говоря ни слова, обыскал темницу: он заглядывал под кровать, осматривал очаг, ощупывал матрас — словом, облазил все углы и закоулки.

Затем он вышел, так и не вымолвив ни слова, убежденный, что Бенвенуто, если только он не колдун, не мог спрятать в камере крылья, похожие на крылья, сделанные мастером.

Было очевидно, что рассудок нерадивого кастеляна все больше приходил в расстройство.

Дома господина Джоржо ждал мастер, который пришел сказать, что к каждому крылу приделано по железному кольцу: они должны удерживать ноги летящего в горизонтальном положении.

Не успел мастер выйти, как господин Джоржо заперся у себя в комнате, надел корсет, развернул крылья, просунул ноги в кольца и, лежа плашмя на полу, попытался взлететь. Но, несмотря на все старания, покинуть землю ему не удалось. После двух-трех попыток он снова послал за мастером.

— Сударь, — сказал ему кастелян, — я испытал ваши крылья: они никуда не годятся.

— А как вы их испытывали?

Мессер Джоржо подробнейшим образом поведал о том, как он троекратно их испытывал.

Мастер с важным видом выслушал его, а затем изрек:

— Тут нет ничего удивительного: когда вы лежите на полу, вокруг вас нет должного количества воздуха. Попробуйте-ка подняться на крышу замка Святого Ангела и оттуда отважно ринуться в воздушное пространство.

— И вы думаете, что я полечу?

— Уверен, — ответил мастер.

— Но, если вы так уверены, — заметил кастелян, — почему бы вам самому не испытать крылья?

— Крылья скроены сообразно весу вашего тела, а не моего, — возразил мастер. — Размах крыльев, предназначенных для меня, должен быть на полтора фута больше.

И мастер, откланявшись, вышел.

— Черт бы тебя подрал! — воскликнул мессер Джоржо.

В тот день все замечали, что мессер Джоржо весьма рассеян. Очевидно, под стать Роланду¹, он мысленно витал в мире грез.

Вечером, отходя ко сну, он созвал всех слугителей, всех тюремщиков и всех стражников.

— Если вы узнаете, — сказал он, — что Бенвенуто Челлини собирается улететь, пусть себе летит, только оповестите меня! Даже ночью я без труда поймаю его: ведь я — настоящий нетопырь, а Бенвенуто, что бы он там ни толковал, — поддельный.

Горе-кастелян совсем спятил, но окружающие уповали, что со сном у него все пройдет, и поэтому решили подождать и лишь наутро предупредить папу.

К тому же погода стояла отвратительная, дождливая и было очень темно: в такую ночь никому не хотелось выходить на улицу.

Зато Бенвенуто Челлини — конечно, из чувства противоречия — избрал для побега именно эту ночь.

Поэтому, как только пробило десять часов и сменился дозорный, он преклонил колена и, благоговейно помолившись, принялся за работу.

Прежде всего надо было вытащить четыре оставшихся гвоздя, которые придерживали железные листы. Последний гвоздь поддался, когда пробило полночь.

Бенвенуто услышал шаги дозорных, поднимавшихся на плоскую крышу; он застыл и затаив дыхание приткнулся к двери; дозорные сменились, сошли вниз, шум шагов затих, и все погрузилось в тишину.

Начался ливень, и у Бенвенуто сердце запрыгало от радости, когда он услышал, как в окно барабанит дождь.

Тут он попробовал отодрать железные, ничем уже не сдерживаемые листы; они поддались, и Бенвенуто прислонил их рядком к стене.

Затем он лег плашмя и принялся долбить вниз двери стекой, которую подточил наподобие кинжала и насадил на деревянную рукоятку. Обугленные дубовые доски подались. Не прошло и секунды, как Бенвенуто пробил в двери лазейку, такую широкую, что можно было проползти.

Он вскрыл чрево статуи, вынул самодельную веревку, опоясался ею, вооружился стекой, которую, как мы уже говорили, превратил в кинжал, опустился на колени и снова стал молиться.

Окончив молитву, он просунул в лазейку голову, затем плечи и выбрался в коридор.

Бенвенуто вскочил, но у него так дрожали ноги, что ему пришлось опереться о стену, иначе бы он упал. Сердце у него колотилось, словно готово было выпрыгнуть из груди, лицо пылало, капли пота высту-

¹ Здесь имеется в виду поэма итальянского поэта Лодовико Ариосто «Неистовый Роланд» (1532), в которой герой французского средневекового народного эпоса храбрый рыцарь Роланд изображен рассеянным, тоскующим и, наконец, впадшим в безумие из-за несчастной любви.

пили на лбу. Он судорожно сжимал рукоятку самодельного кинжала, будто кто-то собирался его отнять.

Вокруг царила тишина, не слышно было ни шороха, поэтому Бенвенуто, быстро овладев собой, стал ощупью пробираться, держась стены, по коридору, пока не почувствовал, что стена кончилась. Он шагнул вперед и коснулся ногой первой ступени лестницы — приставной лестницы, ведущей на крышу.

Он стал подниматься, вздрагивая от скрипа деревянных ступеней; но вот он почувствовал дуновение ветра, вот дождь стал стегать его по лицу: голова его очутилась над крышей... Беглец больше четверти часа пробыл в крошечной тьме. И только сейчас он понял, чего ему должно бояться и на что надеяться.

Чаша весов клонилась в сторону надежды.

Часовой спрятался в будке, спасаясь от дождя. Дело в том, что часовые, сменявшиеся каждые два часа на крыше замка Святого Ангела, надзирали не за крышей, а за крепостным рвом и окрестностями, поэтому будка глухой стеной обращена была к лестнице, по которой поднимался Бенвенуто Челлини.

Бенвенуто бесшумно подполз на четвереньках к краю крыши, держась как можно дальше от сторожевой будки. Тут он привязал веревку, свитую из простыней, к кирпичу, выступавшему из древней стены дюймов на шесть, и в третий раз преклонил колена, шепотом творя молитву:

— Господи, Господи! Помогите мне теперь, ибо я сделал все, что мог.

Окончив молитву, он ухватился за веревку и стал скользить вниз, то и дело ударяясь коленями и лбом о стену, но не обращая внимания на садины. Наконец Бенвенуто добрался до земли.

Когда он нащупал ногами твердую почву, неописуемая радость и гордость наполнили его сердце. Он измерил взглядом огромную высокую стену, с которой спустился, и невольно промолвил вполголоса: «Вот я и на свободе!» Но радовался Бенвенуто недолго.

Он обернулся, и у него подкосились ноги: перед ним высилась крепостная стена, недавно построенная, о которой он не знал. Он понял, что погиб. Бенвенуто был сражен и в отчаянии упал на землю; но, падая, он натолкнулся на какой-то предмет — это было длинное бревно. Он даже вскрикнул от изумления и радости: он понял, что спасен.

О, просто непостижимо, сколько раз за одно мгновение человек переходит от отчаяния к радости!

Бенвенуто схватился за бревно — так потерпевший крушение хватается за обломок мачты, который поможет ему удержаться на воде. Двое людей, наделенных заурядной силой, с трудом бы подняли бревно; Бенвенуто же в одиночку подтащил его и приставил к стене.

Затем беглец вскарабкался, цепляясь за бревно руками и ногами, на самый верх стены, но тут силы ему изменили, и он никак не мог втащить бревно и перебросить его на другую сторону.

У Бенвенуто закружилась голова, все вокруг завертелось; он закрыл глаза, и ему почудилось, что вокруг него море огня.

Вдруг он вспомнил о веревке, свитой из простыней, с помощью которой он спустился с крыши.

Челлини соскользнул вниз по бревну и побежал к тому месту, где она висела; но там, наверху, он так крепко привязал к кирпичу веревку, что не мог ее отцепить.

Бенвенуто в отчаянии повис на веревке, стал тянуть ее изо всех сил, надеясь оторвать. К счастью, один из четырех узлов, связывающих полосы, развязался, и Бенвенуто упал навзничь, держа в руках обрывок веревки футов в двенадцать длиной.

Это и было ему нужно. Вскочив, он вскарабкался по бревну; вот он опять уселся верхом на стену и привязал самодельную веревку к поперечной балке. Он спустился до конца веревки, но тщетно пытался нащупать ногами почву. Взглянув вниз, он увидел, что земля в каких-нибудь шести футах от него; он выпустил веревку и очутился у подножия стены.

Тут Бенвенуто прилег. Он изнемогал, кожа у него на руках и ногах была содрана; несколько минут он смотрел на кровоточащие ссадины, покрывавшие тело... Но вот пробило пять часов, и беглец заметил, что звезды стали меркнуть.

Не успел он подняться, как неподалеку появился часовой, которого он до сих пор не приметил, хотя тот, конечно, давно наблюдал за бегцом. Бенвенуто понял, что все погибло и, если он не убьет, будет убит сам. Он выхватил из-за пояса самодельный кинжал и с непреклонным видом пошел прямо на часового. И тот, разумеется, увидел, что перед ним не просто силач, а человек, доведенный до отчаяния, готовый драться не на жизнь, а на смерть. Действительно, Бенвенуто и не думал отступать. И стражник вдруг повернулся к нему спиной, буд-то не заметив его. Беглец понял, что это означает.

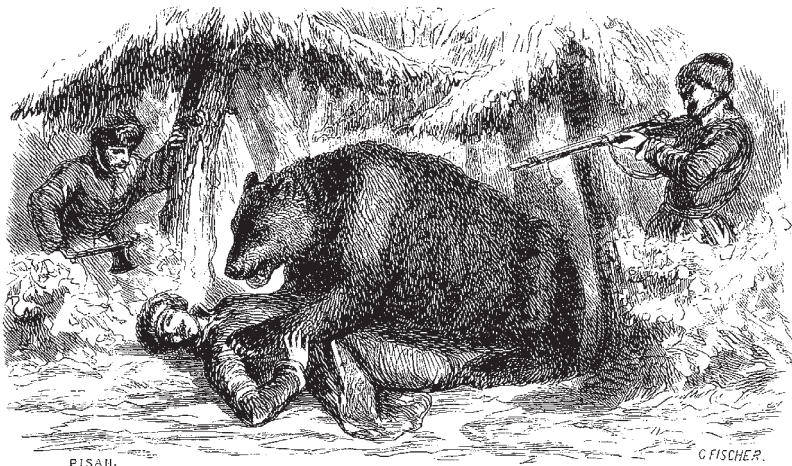
Он бросился к последней крепостной стене. Она была футов двенадцати—пятнадцати высотой, ее окружал ров. Но смельчак, подобный Бенвенуто Челлини, к тому же попавший в безвыходное положение, не отступит перед таким препятствием, ну, а так как часть самодельной веревки осталась на кирпичном выступе, часть же — на бревне и спуститься было не на чем, да и время не ждало, он, мысленно зывая к Господу Богу, прыгнул вниз.

На этот раз Бенвенуто сразу потерял сознание. Он не приходил в себя по крайней мере час; но вот подул свежий предрассветный ветерок, и он очнулся. Еще с минуту Бенвенуто лежал словно оглушенный, потом провел рукой по лбу и все вспомнил.

Он почувствовал нестерпимую головную боль и увидел капли крови — они струились, словно пот, по его лицу и падали на камни, на которых он лежал. Он понял, что ранен в лоб, и снова провел рукой по лбу, но уже не для того, чтобы собраться с мыслями, а нащупать раны. Раны оказались легкие: просто ссадины, не задевшие черепа. Бенвенуто усмехнулся и попытался встать, но тут же упал: оказалось, что сломана правая нога пальца на три выше лодыжки. Нога до того онемела, что сначала он не почувствовал боли.

УЧИТЕЛЬ ФЕХТОВАНИЯ

— Бог ты мой! Что за чудо! — воскликнул Гризье, увидев меня на пороге фехтовальной залы, где он задержался после ухода наших друзей.

В самом деле, с того самого вечера, когда Альфред де Нерваль рассказал нам историю Полины, я ни разу не заходил в дом № 4 на Монмартре.

— Надеюсь, — продолжал наш достойный учитель с той отеческой заботливостью, которую он всегда проявлял к своим ученикам, — что вас привело сюда не какое-нибудь скверное дело?

— Нет, дорогой мэтр! Я пришел просить вас об одолжении, — ответил я, — однако оно не из тех, какие вы оказывали мне прежде.

— Я к вашим услугам. В чем дело?

— Дорогой друг, вы должны помочь мне: я в затруднении.

— Если в моих силах вам помочь, считайте, что это уже сделано.

— Спасибо. Я никогда не сомневался в вас.

— Говорите, я жду.

— Представьте себе, я только что заключил договор со своим издателем, а мне нечего дать ему.

— Черт возьми!

— Вот я пришел к вам. Не поделитесь ли вы со мной своими воспоминаниями?

— Я?

— Именно вы. Я не раз слышал, как вы рассказывали о своей поездке в Россию.

— Не спорю.

— В какие годы вы там были?

— В тысяча восемьсот двадцать четвертом, двадцать пятом и двадцать шестом.

— Как раз в наиболее интересное время: конец царствования императора Александра Первого и восшествие на престол императора Николая Первого.

— Я был свидетелем похорон первого и коронования второго.

— Я же говорил!

- Поразительная история!
 - Как раз то, что мне нужно.
 - Представьте себе... У меня в самом деле есть кое-что. Вы терпеливы?
 - Вы спрашиваете об этом у человека, который только и делает, что дает уроки.
 - В таком случае подождите. Он подошел к шкафу и вынул оттуда какую-то толстенную папку.
 - Вот то, что вам требуется.
 - Рукопись, прости господи!
 - Это путевые записки одного моего коллеги, который был в Петербурге одновременно со мной. Он видел то же, что видел я, и вы можете положиться на него, как на меня самого.
 - И вы даете эту рукопись мне?
 - В полную собственность.
 - Но ведь это же сокровище!
 - Сокровище, в котором больше меди, нежели серебра, и больше серебра, нежели золота. Словом, вот вам рукопись и постарайтесь употребить ее с наибольшей для себя пользой.
 - Дорогой мой, сегодня же вечером засяду за работу и через два месяца...
 - Через два месяца?
 - Ваш друг проснется утром и увидит свое детище напечатанным.
 - Правда?
 - Можете быть спокойны.
 - Честное слово, это доставит ему удовольствие.
 - Кстати, рукописи недостает одной мелочи.
 - Чего же именно?
 - Заглавия.
 - Как, я должен дать вам еще и заглавие?
 - Дорогой мой, не делайте добрых дел наполовину.
 - Вы плохо смотрели, заглавие имеется.
 - Где же?
 - Вот здесь, на этой странице. Взгляните: «Учитель фехтования, или Полтора года в Санкт-Петербурге».
 - Ну что ж, раз оно есть, мы его оставим.
 - Так как же?
 - Заглавие принято.
- Благодаря этому предисловию читатель примет в соображение, что ни одна строчка книги не принадлежит мне, даже ее заглавие. Впрочем, речь ведет друг мэтра Гризье.

ГЛАВА I

Я переживал еще пору иллюзий и владел капиталом в четыре тысячи франков, который казался мне неисчерпаемым богатством, когда услышал о России, как о настоящем Эльдorado для всякого мастера

своего дела. Я верил в свой талант и потому решил отправиться в Санкт-Петербург.

Сказано — сделано. Я был одинок, семьи у меня не было, долгов — также. Стало быть, мне требовалось только запастись несколькими рекомендательными письмами и паспортом, что не отняло много времени, и спустя неделю я уже ехал в Брюссель.

В столице Бельгии я пробыл два дня. В Льеже — один день. Здесь в городском архиве служил мой старый школьный товарищ, и я не хотел проехать мимо, не повидавшись с ним. Я рассказал ему о своем желании посетить крупнейшие города Пруссии и места известных сражений. Но он рассмеялся, говоря, что в Пруссии останавливаются не там, где хотят, но там, где это угодно вознице, в полном распоряжении которого находятся все пассажиры. Действительно, по пути из Кельна в Дрезден, где я имел намерение остаться на три дня, нам позволяли выходить из нашей клетки лишь для того, чтобы поесть, на что уделялось ровно столько времени, сколько нужно, чтобы насытиться. После трех дней такого вынужденного заключения, против которого никто из пассажиров не протестовал — настолько это было обычно в королевстве его величества Фридриха Вильгельма, — мы прибыли в Дрезден.

Не стану подробно описывать, как я добрался до России. Начиная от Вильны я уже ехал по тому самому пути, по которому двенадцать лет тому назад Наполеон шел на Москву.

Я хотел было осмотреть Смоленск и Москву, но для этого нужно было бы сделать крюк верст в двести, что было для меня невозможным. Проведя один день в Витебске и побывав в доме, в котором две недели прожил Наполеон, я сел в повозку, в какой разъезжают курьеры в России. Она называется здесь «перекладной», потому что лошадей перекладывают на каждой почтовой станции.

В эту повозку была впряжена тройка. Одна из лошадей, коренник, бежала молча, высоко подняв голову, а обе пристяжные ржали на бегу, так низко опустив головы, словно собирались вцепиться зубами в землю. Отметим, что по этой же дороге совершала некогда свое путешествие в Тавриду Екатерина.

На другой день вечером я уже прибыл в Великие Луки. Дороги были настолько плохи, а мой экипаж — такой тряский, что я намеревался остановиться здесь, чтобы хоть немного отдохнуть, но решил ехать дальше: мне оставалось до Петербурга не более ста семидесяти верст. Бесполезно говорить о том, что во всю эту ночь я не сомкнул глаз: я катался по повозке, как орех в скорлупе. Много раз я пытался уцепиться за деревянную скамейку, на которой лежало нечто вроде кожаной подушки толщиной в тетрадь, но поминутно скатывался с нее и должен был снова взбираться на свое место, жалея в душе несчастных русских курьеров, которым приходится делать тысячи верст в этих ужасных повозках.

Во всяком другом экипаже я мог бы читать. И надо сказать, что, измученный бессонницей, я не раз пробовал взяться за книгу, но уже на четвертой строчке она вылетала у меня из рук, а когда я наклонялся,

чтобы поднять ее, больно стучался головой или спиной, что быстро излечило меня от желания читать.

Вначале следующего дня я был в небольшой деревеньке, Бежанице, а в четвертом часу дня — в Порхове, старом городе, расположенном на реке Шелони. Это составляло половину моего пути. Меня искушало желание переночевать здесь, но комната для приезжих оказалась так грязна, что я предпочел продолжать путь. Кроме того, ямщик уверил меня, что дальше дорога пойдет лучше: это и заставило меня принять столь героическое решение.

Дальше мы поскакали галопом, и меня еще больше бросало и швыряло во все стороны. Ямщик на облучке тянул какую-то заунывную песню, слов которой я не понимал, но грустный мотив ее как нельзя лучше соответствовал моему печальному положению. Скажи я, что мне удалось заснуть в эту ночь, никто бы мне не поверил, да и я сам не поверил бы себе, если бы не проснулся, больно ударившись лбом обо что-то твердое. Повозку так трянуло, что ямщик чуть не вылетел со своего сиденья. Тут мне пришлось в голову обменяться с ним местами, но, как я ему ни толковал об этом, он не мог понять меня. Впрочем, он, может быть, боялся согласиться, так как думал, что в таком случае не исполнит своего долга. Мы поехали дальше: ямщик продолжал свою песню, а я — свою невольную пляску в повозке. Около пяти утра мы прибыли в село Городец, где остановились позавтракать. Слава богу, отсюда до цели моего путешествия оставалось не более пятидесяти верст.

И вот я снова в своей повозке. Я спросил ямщика, нельзя ли поднять ее верх, на что он охотно согласился.

В Луге мне пришла в голову другая, не менее блестящая мысль: снять сиденье, настлать в повозку побольше соломы, а под голову вместо подушки положить свой плащ. Благодаря этому я получил возможность ехать сравнительно сносно. В Гатчине ямщик указал мне на дворец, в котором жил Павел I во время всего царствования Екатерины. Затем в Царском Селе я увидел дворец, где и поныне живет император Александр, но я так устал с дороги, что удовольствовался созерцанием этих дворцов издали, дав себе слово осмотреть их более основательно, вернувшись сюда в экипаже получше.

За Царским Селом в дрожках, которые ехали впереди меня, сломалась ось. Хотя экипаж и не перевернулся, но сильно накренился. Из него выскочил какой-то высокий, худощавый господин, держа в одной руке цилиндр, а в другой — небольшую карманную скрипку. Он был в черном фраке, какой носили парижане в 1812 году, в коротких панталонах, в шелковых черных чулках и туфлях с пряжками. Очутившись на дороге, он начал топтать сперва правой, затем — левой ногой, потом прыгать, очевидно желая удостовериться, что ничего не сломал себе. Я счел невозможным проехать мимо, не остановившись и не спросив его, не случилось ли с ним какой-нибудь беды.

— Никакой, сударь, — отвечал он, — если не считать, что я пропусти урок. А за каждый урок я получаю по луидору. Ученица моя — кра-

сивейшая женщина Петербурга, мадемуазель де Влодек. Послезавтра она должна изображать Филадельфию, одну из дочерей лорда Вартона с картины Ван Дейка на празднестве, которое дается при дворе в честь герцога Веймарской.

— Простите, сударь, — отвечал я, — мне не совсем понятны ваши слова, но это ничего не значит, раз я могу вам быть полезен..

— Не только полезны, но вы можете прямо-таки спасти меня. Представьте себе, что я только что давал урок танцев княгине Любомирской, на ее даче, в двух шагах отсюда. За этот урок я получаю два луидора — меньше я там не беру. Я пользуюсь известностью и извлекаю из этого выгоду. Все это понятно, так как других французов, учителей танцев, кроме меня, в Петербурге нет. А экипаж княгини, в котором меня отвозят в город, как видите, сломался. К счастью, я дешево отделался.

— Если не ошибаюсь, сударь, — сказал я, — то я могу оказать вам услугу, предложив место в своей повозке.

— О, милостивый государь, это было бы огромным одолжением для меня, но я не осмеливаюсь... — Как! Между соотечественниками?

— Стало быть, вы француз?

— И также артист.

— Вы артист? Ах, сударь, Петербург скверный город для артистов! Особенно для учителей танцев. Надеюсь, вы не учитель танцев?

— Но ведь вы мне только что сказали, что вам платят по луидору за урок. Это, мне кажется, весьма изрядная плата.

— Совершенно верно, но теперь, знаете ли, не то, что было прежде. Французы все здесь испортили. Так вы не учитель танцев? Нет?

— А мне между тем рассказывали о Петербурге как о замечательном городе для любого мастера своего дела.

— Совершенно верно, так оно и было прежде. Какой-нибудь жалкий парикмахер зарабатывал здесь еще недавно по 600 рублей в день, а я с трудом выколачиваю 80. Скажите, сударь, вы действительно не учитель танцев?

— О нет, дорогой соотечественник, — отвечал я, тронутый его беспокойством, — вы можете смело сесть в мою повозку, не боясь, что я окажусь вашим конкурентом.

— С удовольствием принимаю ваше приглашение, сударь, — сказал мой собеседник, усаживаясь в повозку рядом со мною, — теперь благодаря вам я поспею вовремя к уроку.

Ямщик погнал лошадей, и три часа спустя, то есть уже вечером, мы въехали в Петербург через Московские ворота. Мой спутник оказался весьма милым и любезным собеседником; убедившись, что я не учитель танцев, он посоветовал мне остановиться в Лондонской гостинице, на углу Невского и Адмиралтейской площади.

Мы расстались. Он сел на извозчика, а я направился в указанную им гостиницу.

Нечего говорить о том, что, несмотря на все желание поскорее ознакомиться с городом Петра I, я отложил это дело до следующего

дня. Я был буквально разбит и едва держался на ногах. С трудом добрался я до своего номера, где, к счастью, оказалась хорошая постель, чего я был лишен в пути начиная от Вильны.

Проснувшись на другой день около двенадцати часов дня, я первым делом подбежал к окну: передо мной высилось Адмиралтейство со своей длинной золотой иглой, на которой красовался маленький кораблик. Адмиралтейство было окружено деревьями. Слева находился сенат, а справа — Зимний дворец и Эрмитаж. Между ними виднелись изгибы Невы, показавшейся мне широкой, как море.

Одевшись, я наскоро позавтракал, тотчас же выбежал на Дворцовую набережную и добрался до Троицкого моста, длиною в 1800 шагов, откуда мне советовали посмотреть на город. Должен сказать, что это был один из лучших советов, данных мне в жизни.

Не знаю, есть ли в мире вид, который мог бы сравниться с развернувшейся перед моими глазами панорамой.

Справа, неподалеку от меня, стояла крепость, колыбель Петербурга, как корабль пришвартованная к Аптекарскому острову двумя легкими мостами. Над ее стенами возвышались золотой шпиль Петропавловского собора, места вечного упокоения русских царей, и зеленая крыша Монетного двора. На другом берегу реки, против крепости, я увидел Мраморный дворец, главный недостаток которого заключается в том, что архитектор как бы случайно забыл сделать ему фасад. Далее шли Эрмитаж, великолепное здание, построенное Екатериной II, Зимний дворец, привлекающий внимание скорее своей массой, чем формой, своей величиной, чем архитектурой, и Адмиралтейство с двумя павильонами и гранитными лестницами. К нему ведут два главных проспекта Петербурга: Невский, Вознесенский и Гороховая улица. Наконец, за Адмиралтейством виднелась Английская набережная с ее великолепными зданиями, которая упирается в Новое Адмиралтейство.

Прямо передо мной находились Васильевский остров, биржа, модное здание, построенное — не знаю почему — между двумя Ростральными колоннами. Две ее полукруглые лестницы спускаются к самой Неве. Тут же неподалеку расположены всякие научные учреждения — Университет, Академия наук, Академия художеств и там, где река делает крутой изгиб, — Горный институт.

С другой стороны Васильевский остров, обязанный своим названием одному из приближенных Петра I по имени Василий, омывается Малой Невкой, отделяющей его от Вольного острова. Здесь, в прекрасных садах, за позолоченными решетками цветут в течение трех месяцев, что длится петербургское лето, всевозможные редчайшие растения, вывезенные из Африки и Италии; здесь же расположены роскошные дачи петербургских вельмож.

Если встать спиной к крепости, а лицом против течения реки, панорама меняется, по-прежнему оставаясь грандиозной. В самом деле, неподалеку от моста, где я стоял, находятся на одном берегу

Невы Троицкий собор, а на другом — Летний сад. Кроме того, я заметил слева от себя деревянный домик, в котором жил Петр I во время постройки крепости. Около этого домика до сих пор сохранилось дерево, к которому на высоте десяти футов прикреплен образ боготери.

Когда основатель Петербурга спросил у кого-то, до какой высоты поднимается вода в Неве во время наводнения, ему показали этот образ Божьей Матери, и он был готов отказаться от своего грандиозного плана основать здесь столицу. Дерево и прославленный домик окружены каменным строением с аркадами для защиты их от влияния времени и от разрушительного действия климата. Сам домик поражает своей удивительной простотой. В нем всего три комнаты: гостиная, столовая и спальня. Петр I строил город и не имел времени построить для себя дворец.

Дальше и по-прежнему слева от меня лежал старый Петербург с Военным госпиталем и Медицинской академией, а за ним деревня Охта и ее окрестности. На противоположном берегу, правее кавалергардских казарм, были расположены Таврический дворец под изумрудной крышей, артиллерийские казармы и старый Смольный монастырь.

Трудно сказать, сколько времени я оставался на мосту, восхищаясь этой дивной панорамой. Правда, при более внимательном рассмотрении всех этих дворцов и садов они кажутся оперной декорацией: колонны, производившие издали впечатление мраморных, были на самом деле кирпичными, но на первый взгляд вид их был так восхитителен, что он превосходил все, что можно себе представить.

Пробило четыре часа, а меня предупреждали, что табльдот в гостинице начинается в половине пятого. Поэтому, к крайнему своему сожалению, я должен был вернуться домой. Назад я шел мимо Адмиралтейства, чтобы лучше рассмотреть колоссальный памятник Петру Первому, который раньше видел только издали, из моего окна.

При беглом знакомстве население Петербурга отличается одной характерной особенностью: здесь живут либо рабы, либо вельможи — середины нет.

Надо сказать, что сначала мужик не вызывает интереса: зимой он носит овчинный тулуп, летом — рубашку поверх штанов. На ногах у него род сандалий, которые держатся при помощи длинных ремешков, обвивающих ногу до самых колен. Волосы его коротко острижены, а борода — такая, какая ему дана природой. Женщины носят длинные полушубки, юбки и огромные сапоги, в которых нога совершенно теряет форму.

Зато ни в какой другой стране не встретишь среди народа таких спокойных лиц, как здесь. В Париже из десяти человек, принадлежащих к простому люду, лица пяти или шести говорят о страдании, нищете или страхе. В Петербурге я ничего подобного не видел.

Другая особенность, поразившая меня в Петербурге, — это свободное передвижение по улицам. Этим преимуществом город обязан

трем большим каналам, по которым вывозят отбросы и доставляют продукты и дрова. Быстро несутся дрожки, кибитки, брички, рыдваны; только и слышишь на каждом шагу: «Погоняй». Кучера чрезвычайно ловки и правят лошадьми отлично. На тротуарах никакой толчеи.

Среди жемчужин Петербурга первое место занимает памятник Петру I, воздвигнутый благодаря щедрости Екатерины II. Царь изображен верхом на коне, взвившемся на дыбы, — намек на московское дворянство, укротить которое ему было нелегко. Для завершения аллегории памятника скажу, что стоит он на дикой гранитной скале, которая должна указывать на те затруднения, какие пришлось преодолеть основателю Петербурга.

Часы пробили половину пятого, когда я в третий раз обходил решетку, окружающую памятник; мне пришлось оторваться от созерцания этого шедевра нашего соотечественника Фальконета, иначе я рисковал бы оказаться без места за табльдотом.

...Весть о моем прибытии распространилась чуть ли не по всему городу благодаря моему попутчику, который, однако, не мог ничего сказать обо мне, кроме того, что я путешествовал на почтовых и не был учителем танцев. Эта новость должна была причинить беспокойство всей здешней французской колонии, члены которой боялись встретить во мне конкурента или же соперника.

Мое появление в столовой отеля вызвало шушуканье среди почтенных сотрапезников, почти сплошь французов, и каждый из них старался по моей фигуре и манерам определить, к какому кругу общества я принадлежу. Но разрешить эту задачу было нелегко. Я сделал общий поклон и занял свое место.

За супом к моему инкогнито, благодаря скромности первого произведенного мной впечатления, относились еще с некоторым уважением, но уже за жарким, долго сдерживаемое любопытство прорвалось у моего соседа.

— Вы, вероятно, приезжий, сударь? — спросил он, протягивая мне свой стакан.

— Да, я приехал вечером, — ответил я, наливая ему вина.

— Вы наш соотечественник? — спросил мой сосед слева с наигранной сердечностью.

— Вполне возможно, я прибыл из Парижа.

— А я из Тура, из этого сада Франции, где, как вы знаете, говорят на самом чистом французском языке. Я приехал в Петербург, чтобы стать здесь учителем. Вы, вероятно, приехали не для этого? В противном случае я дал бы вам благой совет немедленно вернуться во Францию.

— Почему?

— Потому что последняя ярмарка учителей в Москве оказалась весьма плохой.

— Ярмарка учителей? — переспросил я в изумлении.

— Да, сударь, разве вы не знаете, что несчастный Ле Дюк потерял в этом году половину своих клиентов? — Сударь, — обратился я к своему соседу справа, — не откажите в любезности, объясните мне, кто этот Ле Дюк?

— Чрезвычайно почтенный ресторатор, который содержит одновременно контору учителей. Они живут у него на полном содержании, и он оценивает их согласно достоинствам. На Пасху и на Рождество, когда все знатные русские обыкновенно съезжаются в столицу, он открывает контору, подбирает места для своих учителей и таким образом возвращает все расходы по их содержанию да еще получает коммиссионные. Так вот, сударь, в этом году треть его учителей осталась без места, и, кроме того, ему вернули шестую часть тех, которых он отправил в провинцию. Бедный человек совсем разорился.

— Вот как?!

— Вы сами видите, сударь, — продолжал учитель, — что если вы явились сюда в качестве гувернера, то выбрали плохой момент, так как даже туренцам, которые говорят на лучшем французском языке, и тем с трудом удалось устроиться.

— Можете быть вполне спокойны на этот счет, — ответил я, — у меня другая профессия.

Затем сидевший против меня господин, акцент которого изобличал в нем уроженца Бордо, обратился ко мне с такими словами:

— Со своей стороны, должен вас предупредить, сударь, что если вы торгуете вином, то здесь — это жалкое занятие, которое может вам обеспечить разве только достаточное количество воды для питья.

— Вот как? — удивился я. — Неужели русские всецело перешли на пиво, или, может быть, они завели где-нибудь собственные виноградники, например, на Камчатке?

— Пустяки! Если бы так, с ними еще можно было бы конкурировать, но дело в том, что настоящие русские баре покупать-то покупают, но платить — не платят.

— Я вам очень благодарен, сударь, за ваше сообщение. Что же касается моего товара, я уверен, что не обанкрочусь. Вином я не торгую.

Какой-то господин с сильным лионским акцентом, одетый, несмотря на жаркое лето, в немецкий сюртук с меховым воротником, вмешался в нашу беседу.

— Во всяком случае, — обратился он ко мне, — я вам посоветую, если вы торгуете сукном и мехами, приобрести лучший наш товар для себя: вид у вас не очень здоровый, а климат здешний для слабогрудых чрезвычайно опасен. За прошлую зиму здесь умерло пятнадцать французов. Именно на это я хотел обратить ваше внимание.

— Я буду осторожен, сударь. Я и в самом деле рассчитываю стать вашим покупателем и надеюсь, что вы отнесетесь ко мне, как к соотечественнику...

— Разумеется, и с превеликим удовольствием! Я сам родом из Лиона, второй столицы Франции, и вы знаете, конечно, что мы, лионцы, пользуемся репутацией крайне добросовестных людей. Но раз вы не торгуете ни сукном, ни мехами...

— Да разве вы не видите, что наш дорогой соотечественник не желает говорить, кто он, — произнес сквозь зубы господин с завитой шевелюрой, от которого так и несло жасмином, — разве вы не видите, — повторил он, отчеканивая каждое слово, — что он не желает открыть нам свою профессию?

— Если бы я имел счастье обладать такой прической, как ваша, сударь, — ответил я, — и если бы она испускала такой же тонкий аромат, почтенное общество, вероятно, нисколько не затруднилось бы отгадать, кто я.

— Что вы хотите этим сказать, сударь? — вскричал завитой молодой человек.

— Я хочу сказать, что вы парикмахер.

— Милостивый государь, вы, кажется, желаете меня оскорбить?

— Разве это оскорбление, когда вам говорят, кто вы?

— Милостивый государь, — продолжал молодой человек, повышая голос и доставая из кармана свою визитную карточку, — вот мой адрес.

— Прекрасно, — сказал я, — но ваш цыпленок остынет.

— Вы отказываетесь дать мне удовлетворение?

— Вы желали знать мою профессию? Так вот, моя профессия не дает мне права драться на дуэли.

— Вы трус, милостивый государь!

— Нисколько, милостивый государь! Я учитель фехтования.

— О! — произнес завитой молодой человек и опустил на свое место.

Наступила тишина; мой собеседник пытался, но безуспешно, отрезать крылышко от своего цыпленка.

— Быть учителем фехтования, — сказал мне бордосец, — превосходная профессия. Я занимался немного фехтованием, когда был помоложе и поглупее.

— Эта отрасль искусства мало культивируется здесь, — сказал один из сотрапезников.

— Совершенно верно, — заметил, в свою очередь, лионец. — Но я посоветовал бы господину профессору надевать во время уроков фланелевый жилет и меховой пальто.

— Уверю вас, дорогой соотечественник, — сказал молодой завитой господин, который не мог сам разрезать цыпленка и поручил сделать это своему соседу, — уверю вас, дорогой соотечественник, ведь вы, кажется, изволили сказать, что вы парижанин...

— Да.

— Я тоже... Так вот, вы избрали великолепную профессию, ибо здесь, видимо, нет ни одного настоящего учителя фехтования, если не

считать некоего престарелого актера. Вы увидите его, вероятно, на Невском проспекте. Он учит своих учеников всего четырем приемам. Я тоже начал было брать у него уроки, но с первых же шагов заметил, что он скорей годится мне в ученики, чем в учителя. Я тут же прервал эти уроки, заплатив ему половину того, что беру за одну прическу, и бедняк был этим очень доволен.

— Я знаю, сударь, кого вы имеете в виду. Как иностранец и француз, вы не должны были бы так говорить: негоже унижать соотечественника. Позвольте вам дать этот небольшой урок, за который никакой платы мне не следует, даже и половины того, что вы получаете за прическу. Как видите, я довольно щедр.

С этими словами я встал из-за стола, ибо мне успела наскучить здешняя французская колония и захотелось поскорее от нее избавиться. В одно время со мной поднялся какой-то молодой человек, ни слова не проронивший за обедом, и мы вышли вместе с ним.

— Мне кажется, сударь, — обратился он ко мне, улыбаясь, — вам не потребовалось долгого знакомства, чтобы составить себе мнение о наших дорогих соотечественниках? — Совершенно верно, и могу вам сказать, что это мнение не в их пользу.

— Увы, — сказал он, пожимая плечами, — вот по каким образцам о нас, французах, судят в Петербурге. Другие нации посылают сюда лучших своих представителей, а мы же, к сожалению, шлем худших. Конечно, это выгодно для Франции, но весьма печально для французам.

— А вы живете здесь, в Петербурге? — спросил я его.

— Да, уже целый год. Но сегодня вечером я уезжаю.

— Неужели?

— Извините, но меня ждет экипаж. Честь имею кланяться.

— Ваш покорнейший слуга.

«Черт возьми, — подумал я, — мне определенно не везет: встретил одного порядочного соотечественника, да и тот уезжает в день моего приезда».

В своем номере я застал мальчика, приготавливавшего мне постель. В Петербурге, как и в Мадриде, приятно отдыхать после обеда. Два летних месяца здесь более жаркие, чем в Испании.

Мне и в самом деле нужно было отдохнуть, так как я все еще чувствовал усталость после своего чудесного путешествия; кроме того, мне хотелось поскорее насладиться великолепными петербургскими ночами, о которых я так много был наслышан. Я спросил поэтому мальчика, не знает ли он, как достать лодку, чтобы покататься вечером по Неве. Тот ответил, что лодку достать легко, и если я дам ему на чай десять рублей, он это устроит. Я уже умел разбираться в русских бумажных деньгах, дал ему красную бумажку и велел разбудить себя в девять часов вечера.

Красная бумажка оказала свое действие: ровно в девять мальчик постучался в дверь моего номера и сказал, что лодка готова.

Ночь была мягкая и светлая. Можно было легко читать и прекрасно все видеть даже на большом расстоянии. Дневная жара сменилась вечерней прохладой, воздух был насыщен ароматом цветов.

Весь город, казалось, высыпал на набережную. На Неве, против крепости, стоял огромный баркас, на котором было более шестидесяти музыкантов. Вдруг раздалась звуки чудесной музыки. Я приказал своим двум гребцам поддехать как можно ближе к этому прекрасному громадному оркестру. Оказалось, что все музыканты играли на рожках. Впоследствии, когда я ближе познакомился с русским народом, меня перестала удивлять как роговая музыка, так и целые громадные деревянные дома, построенные плотниками с помощью одних только пил и топоров. Но в тот момент я слышал эту музыку впервые и был ею очарован.

Концерт на воде длился далеко за полночь. Уже было около двух часов утра, а я все еще не отъезжал от баркаса, готовый и дальше слушать эту чарующую музыку. Казалось, что концерт давался исключительно для меня и что он больше не повторится. Мне удалось поближе рассмотреть эти музыкальные инструменты. Они оказались обыкновенными рожками, из которых извлекают разнообразные звуки.

Я вернулся в гостиницу, когда уже было светло, в восторге от белой ночи, от превосходной музыки и широкой, как море, реки, отражавшей, подобно зеркалу, все звезды и все фонари.

Петербург в действительности превзошел мои ожидания, и если он не был раем, то, во всяком случае, чем-то сродни ему.

Я долго не мог заснуть. Музыка все еще раздавалась у меня в ушах. Я лег в три часа, а в шесть уже был на ногах.

Я достал на родине несколько рекомендательных писем, но намеревался вручить их не раньше, чем устрою публичный сеанс фехтования: мне не хотелось давать о себе объявление. Из писем я взял только одно, которое некий мой друг просил лично передать адресату. Письмо было от его любовницы, обыкновенной гризетки Латинского квартала, на конверте стоял адрес ее сестры, продавщицы в каком-то модном магазине:

«Мадмуазель Луизе Дююи, у мадам Ксавье. Магазин мод. Невский проспект, близ Армянской церкви, против базара».

Я предвкушал удовольствие, которое мне доставит передача этого письма. Вдали от Франции приятно встретить молодую, красивую соотечественницу, — а я знал, что Луиза молода и хороша собою. Кроме того, она успела узнать Петербург, так как жила здесь уже четыре года, и могла быть мне полезна своими советами.

Было еще очень рано, поэтому я решил прогуляться по городу и вернуться на Невский только часов в пять пополудни.

Я позвал мальчика, но вместо него явился лакей. Лакеи здесь служат одновременно и слугами и проводниками: они чистят сапоги и показывают дворцы. Я позвал его для первой услуги, что же касается второй, то еще во Франции я настолько изучил Санкт-Петербург, что знал о здешних дворцах, во всяком случае, не меньше его.

ГЛАВА 2

Мне не приходилось беспокоиться об извозчике, как вчера — о лодке. Как ни мало я знал Петербург, но успел заметить, что на каждом перекрестке здесь имеются стоянки кибиток и дрожек. Таким образом, едва я дошел через Адмиралтейскую площадь до Александровской колонны, как по первому моему знаку был окружен извозчиками. Они наперебой предлагали мне свои услуги. Таксы в Петербурге не существовало, мы сторговались: за пять рублей извозчик будет в моем распоряжении весь день. Я велел ему ехать прежде всего к Таврическому дворцу.

Извозчики в Петербурге — это обыкновенные крепостные, которые за известную сумму денег, называемую оброком, покупают у своих помещиков разрешение попытаться счастья в Петербурге. Экипаж их — обыкновенные дроги на четырех колесах, в которых сиденье устроено не поперек, а вдоль, так что сидят на нем верхом, как дети на своих велосипедах у нас на Елисейских Полях.

В этот экипаж впряжена лошадь не менее дикая, чем ее хозяин, и привезенная из родных степей нередко за тысячи верст. Извозчик относится к своей лошади с чувством жалости и, вместо того чтобы ее бить, как это делают наши французские извозчики, беседует с нею еще более ласково, чем испанский погонщик мулов — со своими мулами. Лошадь для него — мать, тетка, ребенок. Он сочиняет для нее песни, в которых называет ее самыми ласкательными именами. И животное, чувствительное, по-видимому, к такому обращению, безостановочно бежит по городу, останавливаясь только для того, чтобы поесть из деревянных колод, устроенных на всех улицах.

Что касается самого извозчика, он очень напоминает неаполитанского лаццарони: нет нужды знать русский язык, чтобы объясниться с ним — с такой проницательностью он угадывает желания седока. Он помещается на облучке между седоком и лошадью, а порядковый номер прикреплен к его спине, дабы недовольный седок мог в любое время его снять. В таких случаях достаточно отнести или отослать номер в полицию, и вы можете быть уверены, что за свою вину извозчик понесет должное наказание. Такая предосторожность, как это видно из дальнейшего, вовсе не лишняя, и молва о происшествии, имевшем место в Москве зимою 1823 года, все еще передается в Петербурге из уст в уста.

Некая француженка, г-жа Л., возвращалась к себе домой поздно ночью. Она не хотела идти пешком и не желала, чтобы ее сопровождал слуга, которого ей предлагали знакомые, у которых она была в гостях. Послали за извозчиком, она дала ему свой адрес и уехала.

Кроме золотой цепи и бриллиантовых серег извозчик успел заметить, что на г-же Л. была прелестная дорогая шубка. Пользуясь темнотою ночи, окружающим безлюдьем и рассеянностью г-жи Л., которая, закутавшись в шубу, не видела, по каким улицам едет извозчик, последний привез ее на край города. Г-жа Л. увидела, что извозчик за-

вез ее бог знает куда. Она стала звать, кричать, но извозчик, вместо того чтобы остановиться, погнался еще быстрее. Тогда она сорвала с него номер и бросилась бежать.

Извозчик соскочил с козел и погнался за нею. Г-жа Л, добежала до находившейся неподалеку открытой калитки какого-то кладбища. Ей приходилось думать уже не о драгоценностях и шубе, а о спасении собственной жизни. К счастью, ночь была так темна, что в двух шагах ничего не было видно. Вдруг г-жа Л, почувствовала, что куда-то проваливается. Она действительно упала в свежеврытую могилу, приготовленную для завтрашних похорон. Она мигом сообразила, что эта могила — ее спасение и молча притаилась в ней. Извозчик продолжал бегать, искать ее, но безуспешно.

После долгих поисков он наконец уехал. Г-жа Л оставалась в этой могиле, пока совсем не рассвело, а выбравшись из нее, тотчас же доставила номер извозчика в полицию. В течение трех дней извозчик укрывался в лесу под Москвой, однако голод и холод заставили его искать убежище в одной из подмосковных деревень. Но его номер и приметы уже были известны. Его схватили, наказали кнутом и сослали на каторгу.

Однако такие случаи редки: русский народ по природе своей добр, и нет, пожалуй, другой столицы, где грабежи были бы так редки, как в Петербурге. Более того, хотя русский мужик и склонен к воровству, он боится совершить кражу со взломом. Вы можете смело доверить ему запечатанный конверт с деньгами. Даже зная о них, он в целости доставит это письмо по назначению.

Не знаю, был ли вором или нет мой извозчик, но он явно страшился быть обворованным мною: недаром, подъезжая к Таврическому дворцу, он заявил мне, что здесь есть два выхода, а потому должен я дать ему в счет договоренных пяти рублей столько, сколько ему следует за проезд. В Париже я бы с возмущением ответил на такое оскорбление. В Петербурге же мне оставалось только рассмеяться, ибо такие вещи случаются здесь с более высокопоставленными лицами, чем я, и даже они не обижаются на извозчиков.

В самом деле, месяца два тому назад император Александр, по своему обыкновению гуляя пешком по городу, был застигнут дождем. Он взял извозчика и велел ему ехать в Зимний дворец. Приехав, царь стал искать деньги в карманах и не нашел там ни копейки.

Тогда он сказал извозчику:

— Подожди, я вышлю тебе деньги.

— Ну нет, — отвечал извозчик, — шалишь!

— Как это — шалишь? — спросил государь удивленно.

— Да так.

— В чем дело?

— Вот что, барин, тут несколько выходов. Сколько раз я ни привозил сюда господ, а они уходили через другие двери и мне ничего не платили.

— Вот как, да ведь это Зимний дворец.

СОДЕРЖАНИЕ

ДВЕ ДИАНЫ

Перевод А. Арго

Иллюстрации Жанэ-Ланжа, Г. Жанэ, Г. Доре и других

Часть первая

I. Графский сын и королевская дочь	7
II. Новобрачная с куклой	14
III. В лагере	19
IV. Фаворитка короля	27
V. В покоях королевских детей	31
VI. Диана де Кастро	33
VII. «Отче наш» господина коннетабля	38
VIII. Удачная карусель	44
IX. Как можно пройти мимо своей судьбы, не узнав ее	48
X. Элегия во время комедии	52
XI. Мир или война?	62
XII. Мошенник вдвойне	65
XIII. Вершина блаженства	69
XIV. Диана де Пуатье	74
XV. Екатерина Медичи	80
XVI. Возлюбленный или брат?	84
XVII. Гороскоп	90
XVIII. Выбор кокетки	96
XIX. Как Генрих II еще при жизни отца начал принимать его наследство	102
XX. О пользе дружбы	105
XXI. Как ревность иной раз уравнивала сословия еще до французской революции	108
XXII. Диана предает прошлое	114
XXIII. Бесплезная жертва	118
XXIV. О том, что пятна крови никогда не отмыть до конца	122
XXV. Героический выкуп	126
XXVI. Жан Пекуа, ткач	134
XXVII. Габриэль действует	137
XXVIII. Мартен-Герр весьма неловок	140
XXIX. Мартен-Герр слишком неловок	142
XXX. Военные хитрости	147
XXXI. Счет Арно дю Тиля	150
XXXII. Богословие	154
XXXIII. Сестра Бени	157
XXXIV. Победа в поражении	165

XXXV. Арно дю Тиль снова обдѣлывает свои делишки	169
XXXVI. Почтенный Арно дю Тиль продолжает действовать	178
XXXVII. Лорд Уэнтгорс	180
XXXVIII. Влюбленный тюремщик	184
XXXIX. Дом оружейника	189

Часть вторая

I. Глава, в которой весьма искусно соединены многие события	195
II. Арно дю Тиль помогает повесить Арно дю Тиля в городе Нуайоне	200
III. Буколические мечты Арно дю Тиля	209
IV. Ружья Пьера Пекуа, веревки Жана Пекуа и слезы Бабетты Пекуа	216
V. Дальнейшие злоключения Мартен-Герра	224
VI. Доброе имя Мартен-Герра понемногу восстанавливается	228
VII. Философ и солдат	232
VIII. Мимолетная милость Марии Стюарт	237
IX. Диана изворачивается	241
X. Великий человек узнает о великом замысле	245
XI. Разные бываюу храбрецы	249
XII. Неуклюжий ловкач	256
XIII. 31 декабря 1557 года	259
XIV. Под грохот канонады	264
XV. В палатке	268
XVI. Маленькая шлюпка спасает большие корабли	272
XVII. Под покровом темной ночи	278
XVIII. Между двух пропастей	282
XIX. Отсутствующий Арно дю Тиль оказывает пагубное влияние на судьбу бедняги Мартен-Герра	285
XX. Лорд Уэнтгорс теряет последнюю надежду	289
XXI. Отвергнутая любовь	294
XXII. Любовь разделенная	299
XXIII. «Меченый»	303
XXIV. Непредвиденная развязка	308
XXV. Счастливые предзнаменования	312
XXVI. Четверостишие	318
XXVII. Виконт де Монтгомери	324
XXVIII. Радость и тревога	329
XXIX. Предосторожность	332
XXX. Неведомый узник	335
XXXI. Граф де Монтгомери	338
XXXII. Странствующий рыцарь	343
XXXIII. Новая встреча с Арно дю Тилем	348
XXXIV. Правосудие попало впросак	353

Часть третья

I. Снова возникают недоразумения	359
II. Преступник обвиняет самого себя	363
III. Да здравствует справедливость!	367
IV. Два письма	372

V. Тайный сбор протестантов	378
VI. Другое испытание	384
VII. Опасный шаг	388
VIII. Непредвиденная оплошность	391
IX. Случайность	396
X. Меж двух огней	400
XI. Предсказания	404
XII. Роковой турнир	407
XIII. Новые порядки	411
XIV. Плоды мести Габриэля	415
XV. Погода меняется	421
XVI. Гиз и Колиньи	426
XVII. Донесения и доносы	430
XVIII. Шпион	434
XIX. Доносчик	438
XX. Коронованные дети	443
XXI. Неудавшаяся поездка в Италию	445
XXII. Два приглашения	449
XXIII. Убийственное доверие	451
XXIV. Честь — в бесчестье!	456
XXV. Начало конца	459
XXVI. Лес Шато-Реньо	466
XXVII. Как делалась политика в шестнадцатом веке	470
XXVIII. Амбуазская смута	473
XXIX. Аутодафе	477
XXX. Политика на иной манер	484
XXXI. Проблеск надежды	488
XXXII. Как нужно охранять сон	491
XXXIII. Смертный одр королей	495
XXXIV. Прощай, Франция!	500
<i>Эпilog</i>	504

АСКАНИО

Перевод А. Худадовой, Г. Еременко

Иллюстрации Ж. Десандра, Г. Доре, Герлье и других

Часть первая

<i>Глава первая.</i> Улица и мастерская	513
<i>Глава вторая.</i> Золотых дел мастер XVI века	524
<i>Глава третья.</i> Дедал	536
<i>Глава четвертая.</i> Скоццоне	551
<i>Глава пятая.</i> Гений и королевская власть	558
<i>Глава шестая.</i> Для чего пригодны дуэньи	568
<i>Глава седьмая.</i> Жених и друг	580
<i>Глава восьмая.</i> Подготовка к нападению и обороне	589
<i>Глава девятая.</i> Неожиданное нападение	601
<i>Глава десятая.</i> О преимуществе крепостей	612

<i>Глава одиннадцатая.</i> Совы, сороки и соловьи	621
<i>Глава двенадцатая.</i> Повелительница короля	634
<i>Глава тринадцатая.</i> Сердце красавицы	643
<i>Глава четырнадцатая,</i> в которой говорится о том, что суть человеческой жизни — страдание	656
<i>Глава пятнадцатая.</i> О том, как радость оборачивается горем.	663
<i>Глава шестнадцатая.</i> При дворе	672
<i>Глава семнадцатая.</i> Любовь — страсть	677
<i>Глава восемнадцатая.</i> Любовь — сновидение	685
<i>Глава девятнадцатая.</i> Любовь — мечта	690

Часть вторая

<i>Глава первая.</i> Человек, торгующий совестью	698
<i>Глава вторая.</i> Четыре сотни разбойников	715
<i>Глава третья.</i> Сон в осеннюю ночь	724
<i>Глава четвертая.</i> Стефана	731
<i>Глава пятая.</i> Обыск	738
<i>Глава шестая.</i> Карл V в Фонтенбло	747
<i>Глава седьмая.</i> Легенда об угрюмом монахе	761
<i>Глава восьмая.</i> Что можно увидеть ночью с верхушки тополя	769
<i>Глава девятая.</i> Марс и Венера.	778
<i>Глава десятая.</i> Соперницы	787
<i>Глава одиннадцатая.</i> Бенвенуто в тревоге	795
<i>Глава двенадцатая.</i> О том, как трудно честному человеку попасть в тюрьму	805
<i>Глава тринадцатая,</i> в которой Жак Обри поднимается до вершин поистине эпических	817
<i>Глава четырнадцатая.</i> О том, как трудно честному человеку выйти из тюрьмы	823
<i>Глава пятнадцатая.</i> Честный вор	831
<i>Глава шестнадцатая,</i> которая показывает, что письмо простой девушки, если его сжечь, дает не меньше огня и пепла, чем письмо герцогини	839
<i>Глава семнадцатая,</i> в которой говорится о том, что истинный друг способен даже на такое самопожертвование, как женитьба	846
<i>Глава восемнадцатая.</i> Отливка Юпитера	851
<i>Глава девятнадцатая.</i> Юпитер и Олимп	858
<i>Глава двадцатая.</i> Брак по расчету	865
<i>Глава двадцать первая.</i> Война продолжается	874
<i>Глава двадцать вторая.</i> Брак по любви.	880
<i>Глава двадцать третья.</i> Брак из чувства долга	893

УЧИТЕЛЬ ФЕХТОВАНИЯ. *Перевод О. Моисеенко*

Иллюстрации Ф. Регамея, В. Фулкье 897